

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора 3

ЮБИЛЕЙ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
Отцовский завет Ф.М. Достоевского 4

Джемалдин ЯНДИЕВ
«Верь, как прежде, верь!..» 9

Хасан ТУРКАЕВ
Голос кристальной чистоты.....20

Раиса ДИДИГОВА
«Твой стих подобен сердцу твоему...» 29

ПРОЗА

Александр СИЗУХИН
Рассказы.....32

Инесса ИЛЬИНА
Осенние зарисовки. Эссе 82

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Рассказы.....87

Сергей СКОРЫЙ
Ностальгические новеллы
(из цикла «Шестидесятые далёкие года»)....95

Антон ЛУКИН
Рассказы.....107

Владислав КУРАШ
Серебряная пуля.....129

Василий КУЗНЕЦОВ
О глазах 138

Дмитрий ХАРИТО
Первая поэма,
или Блондин из Бангладеш.....147

Сергей ПЕТРОВ
Верность.....164

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№3(21) 2016

Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 27.10.16.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ С-9270

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

ПОЭЗИЯ

- Светлана СУПРУНОВА
«А сердце всё же просит тишины...» 55
- Виктор КАШКИН
«Как будто бы гармоника играла...» 67
- Валентин СУХОВСКИЙ
«Хранимые памятью чувства...» 70
- Владимир КАБАНОВ
«Я не хочу своё услышать эхо...» 78
- Нина ГОЛОВАНОВА
«Мы, русские...» 84
- Виктор АСТАФЬЕВ
«Проступят прошлого следы...» 92
- Геннадий КОЖИН
«Мне жизнь мила, но только лишь
в борьбе...» 102
- Галина МИТРОФАНОВА
«Судьбу благодарю опять...» 135
- Инна МУХИНА
«И вызрела вера моя...» 142
- Рубен САРКИСОВ
«И вновь хочу дышать и жить...» 155
- Эдуард ХАНДЮКОВ
«Не дай мне пережить свою любовь...» 158
- Татьяна ЧЕРНОВА
«Небосвод открылся мне...» 175
- Анатолий УВАРОВ
«Я – офицер, поэт, волжанин...» 181
- **СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**
- Юрий ЯХОНТОВ
Скифы 63
- **ПАМЯТЬ**
- Василий ПОЛЯКОВ
Военный лекарь Бородин
и офицер Мусоргский 73

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

На протяжении долгого времени предчувствие грядущих потрясений буквально витало в воздухе, но никогда ещё оно не было столь определённым и осязаемым. Так называемый «цивилизованный мир» окончательно сбросил маску «просвещённого гуманизма», и Россия оказалась глаза в глаза с коварным, лживым, трусливо-жестоким и абсолютно, как сейчас принято говорить, недоговороспособным субъектом, именующим себя «европейским сообществом», за которым неотступно маячит злоеящая тень заокеанского мирового жандарма с садистскими наклонностями. Разумеется, большое видится на расстоянии, и только историки будущего смогут объективно оценить, насколько плодотворной была политика компромиссов, которой долго следовало наше государство. Вероятно, всё неоднозначно. Сейчас об этом спорить уже нет смысла. Сейчас забота только о том, чтобы осознать открывшуюся очевидность и цену, которую, возможно, придётся заплатить за так и не состоявшееся удовольствие почувствовать себя «полноправными членами» всё того же пресловутого «европейского сообщества», которое с некоторых пор стало демонстрировать по отношению к нам абсолютную и агрессивную невменяемость. Они просто не хотят, чтобы мы были. Все их солидарные действия так или иначе подчинены этой цели.

России необходимо внутреннее единство. Как бы ни было это сложно – в условиях продолжающегося социального расслоения, экономического кризиса и оголтелой либеральной экспансии в сфере духовности и культуры, – необходимо всемерно укреплять внутренние связи нашего великого многонационального российского народа и готовиться к испытаниям, которые ждут нас в будущем. Нас вдохновляет наша героическая история, завещанное советской эпохой братство народов, долг перед будущими поколениями и сознание высокого предназначения великой России.

Журнал ВЕЛИКОРОССЪ продолжает линию, направленную на укрепление единства России, выраженную в художественном слове, в традиционных жанрах российской словесности.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2016

© Авторы, 2016

ЮБИЛЕИ

К 195-летию со дня рождения
Ф.М. Достоевского

Отцовский завет
Ф.М. Достоевского

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) – великий русский православный писатель – в собственной семье был талантливым христианским наставником и педагогом, внимательным ко всем проявлениям детской натуры. Он делал всё, «что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, всё, чего можно было бы достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером»¹.

Основы православного мировидения самого Достоевского также закладывались в традициях семейного воспитания. Русская благочестивая семья имела утраченный ныне статус «малой церкви», где дом – храм; очаг – алтарь; идеал – любовь к Богу и ближнему; семейный уклад – благочестие, дружелюбие и взаимопонимание между чадами и домочадцами. «Мы любим наши святыни, но потому лишь, что они в самом деле святы» (13, 82), – говорил писатель о святыне семьи.

Он вспоминал: «я происходил из семейства русского и благочестивого... Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть ли не с первого года». Грамоте дети начинали обучаться уже с четырёхлетнего возраста, читать учились по одной книге – **«Сто четыре священных истории, выбранных из Ветхого и Нового Завета, в пользу юношества»**. Впоследствии Достоевский не раз указывал на громадное универсально-воспитательное воздействие Священного Писания: «Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. Это книга человечества».

Самые ранние детские переживания религиозного характера писатель хранил всю жизнь. Он

¹ ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. – Л.: Наука, 1988 – 1996. – Т. 14. – С. 223. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Алла Анатольевна Новикова-Строганова – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета.

Живёт в Орле.

запомнил, как в полутёмной церкви маменька причащала его, двухлетнего, и как в луче света «голубок пролетел из одного окна в другое»; как около трёх лет отроду он прочёл при гостях молитву: «Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим», – и привёл всех в состояние радостного умиления. Возможно, эти первые сокровенные впечатления, вызванные Светом и Словом, способствовали пробуждению в ребёнке «нового, уже сознающего себя и мир человека»¹. Детская непосредственная религиозность, примиряющая веру с рассудком, впоследствии укрепились осознанным убеждением. **«Записная книжка»** Достоевского содержит глубоко выстраданное признание: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

Достоверное представление о Достоевском в его семейном кругу дают воспоминания жены писателя, которая сумела стать для него и самоотверженным другом, и незаменимой помощницей, разделявшей его труды, горести и радости. Анна Григорьевна Достоевская, будучи намного моложе своего мужа, тем не менее отличалась основательностью и серьёзным отношением к жизни. Она была истинной православной христианкой, выполняя свои семейные обязанности в соответствии с евангельскими представлениями о долге замужней женщины. Никто не мог бы упрекнуть жену писателя в ветрености и легкомыслии. Наоборот – её укоряли за то, что мало внимания уделяет своей внешности, не одевается и не причёсывается «по моде». Но, сохраняя «старомодную внешность», Анна Григорьевна украшала себя добрыми делами, – по слову апостола Павла: *«Чтобы также и жёны, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, ни золотом, ни жемчугом, ни многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично жёнам, посвящающим себя благочестием»* (1 Тим. 2: 9–10). Главное в семье оставалось неизменным: супруги смогли «срастись душой»², как говорил Достоевский.

При появлении на свет Божий первенца – дочери Достоевских, вспоминает Анна Григорьевна, «Фёдор Михайлович благоговейно перекрестил Соню, поцеловал сморщенное личико и сказал: “Аня, погляди, какая она у нас хорошенькая!” Я тоже перекрестила и поцеловала девочку и порадовалась на моего дорогого мужа, видя на его восторженном и умилённом лице такую полноту счастья, какой доселе не приходилось видеть» (175).

Как глава семьи писатель проявлял себя любящим, чутким, заботливым. «К моему большому счастью, – свидетельствует супруга Достоевского, – Фёдор Михайлович оказался нежнейшим отцом: он непременно присутствовал при купании девочки и помогал мне, сам завёртывал её в пикейное одеяльце и зашлифовывал его английскими булавками, носил и укачивал её на руках и, бросая свои занятия, спешил к ней, чуть только слышит её голосок. Первым вопросом при его пробуждении или по возвращении домой было: “Что Соня? Здорова? Хорошо ли спала, кушала?” Фёдор Михайлович целыми часами просиживал у её постельки, то напевая ей песенки, то разговаривая с нею» (177).

Достоевский следил за религиозно-нравственным развитием своих детей, читал с ними Библию, вместе с ними молился. Жена писателя вспоминала:

¹ СЕЛЕЗНЕВ Ю.И. Достоевский. – М.: Мол. гвардия, 1985. – С. 13.

² ДОСТОЕВСКАЯ А.Г. Воспоминания. – М.: Худож. лит., 1971. – С. 202. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы.

«В девять часов детей наших укладывали спать, и Фёдор Михайлович непременно приходил к ним “благословить на сон грядущий” и почитать вместе с ним “Отче наш”, “Богородицу” и свою любимую молитву: “Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под покровом Твоим!”» (273).

Писатель постоянно заботился о том, чем бы порадовать своих детей, играл с ними, устраивал семейные чтения, домашние праздники. Особенно он беспокоился о рождественской ёлке, выбирал самую ветвистую, сам украшал её, «влезал на табуреты, вставляя верхние свечи и утверждая “звезду”» (242). Один из таких семейных рождественских праздников запечатлён в воспоминаниях А.Г. Достоевской: «Ёлку зажгли пораньше, и Фёдор Михайлович торжественно ввёл в гостиную своих двух птенцов. Дети, конечно, были поражены сияющими огнями, украшениями и игрушками, окружавшими ёлку. Им были розданы папою подарки: дочери – прелестная кукла и чайная кукольная посуда, сыну – большая труба, в которую он тотчас же и затрубил, и барабан. Но самый большой эффект на обоих детей произвели две гнедые из папки лошади, с великолепными гривами и хвостами. В них были впряжены лубочные санки, широкие, для двоих. Дети бросили игрушки и уселись в санки, а Федя <сын писателя – А.Н.-С.>, захватив вожжи, стал ими помахивать и погонять лошадей <...> Мы с Фёдором Михайловичем долго сидели и вспоминали подробности нашего маленького праздника, и Фёдор Михайлович был им доволен, пожалуй, больше своих детей» (242).

Достоевский знал, как много значат воспоминания, вынесенные из детства, из родительского дома, поэтому так радел о накоплении светлых благих впечатлений в своих детях. Писатель воспринимал пору детства как спасительный якорь, духовную ценность, способную повлиять на последующее развитие человека и даже определить его судьбу. «Без святого и драгоценного, унесённого в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек», – утверждал Достоевский в «Дневнике писателя».

О том же говорит и один из его любимых героев Алёша Карамазов, обращаясь к мальчикам-гимназистам: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное ещё из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохранённое с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасён человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» (10, 292).

«Речь у камня» Алёши – в финале последнего романа писателя «**Братья Карамазовы**» (1881) – воспринимается как отцовский завет самого Достоевского. Этим «камнем» в символическом смысле закладывается духовно-нравственный фундамент всей будущей жизни молодого поколения: «И хотя бы мы были заняты самыми важными делами, достигли почестей или впали бы в какое великое несчастье – всё равно не забывайте никогда, как нам было раз здесь хорошо, всем сообща, соединённым таким хорошим и добрым чувством, которое и нас сделало на это время любви нашей к бедному мальчику, может быть, лучшими, чем мы есть в самом деле. Голубчики мои <...>, теперь, в эту минуту, как я смотрю на ваши добрые, милые лица, – милые мои деточки, может быть, вы не поймёте, что я вам скажу, потому что я говорю часто очень непонятно, но вы всё-таки запомните и потом когда-нибудь согласитесь с моими

словами. <...> Ах, деточки, ах, милые друзья, не бойтесь жизни! Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!» (10, 292–294).

Слова эти точно вылились из сокровенной глубины отцовского сердца как завещание писателя его собственным детям. Всего за несколько месяцев до кончины Достоевский писал своему брату Андрею Михайловичу 28 ноября 1880 года: «Если б я мог, как ты, дожить до счастья видеть деток моих взрослыми, устроенными, ставших добрыми, хорошими, прекрасными людьми, то чего бы, кажется, более и требовать от земной жизни? Оставалось бы только благодарить Бога и на деток радоваться. Так теперь и ты: хоть и невозможно в жизни без каких-нибудь тех или других неприятностей, но всё же воображаю себе, как взглянешь ты на своё доброе, прекрасное, любящее тебя семейство, то как же не почувствовать отрады и умиления? Я же предвижу про себя, что деток оставлю после себя ещё подростками, и эта мысль мне очень подчас тяжела». На пороге инобытия, после совершения таинства последней исповеди и причастия Достоевский благословил жену и детей, просил их жить в мире, любить и беречь друг друга, читал Евангелие.

Размышляя о христианской заповеди «*возлюби ближнего твоего, как самого себя*» (Мф. 22: 39), скептик Иван в романе «**Братья Карамазовы**» утверждал, что любить можно только «дальнего», поскольку вблизи люди со своими грехами и пороками бывают слишком неприглядны. Однако же «деток можно любить даже и вблизи, даже и грязных, даже дурных лицом (мне, однако же, кажется, что детки никогда не бывают дурны лицом)» (9, 267).

Достоевский свято убеждён, что детей нельзя не любить: «Да и самая природа из всех обязанностей наших наиболее помогает нам в обязанностях перед детьми, сделав так, что детей нельзя не любить. Да и как не любить их? Если уже перестанем детей любить, то кого же после того мы сможем полюбить и что станется тогда с нами самими?» (14, 227).

Современники Достоевского сохранили воспоминания о его отношении не только к собственным, но и к чужим детям. Их судьбы постоянно тревожили сознание и душу писателя. «Дети – странный народ. Они снятся и мерещатся» (13, 14), – признавался он в очерке о маленьком нищем попрошайке «**Мальчик с ручкой**» (1876). По воспоминаниям адвоката А.Ф. Кони, Достоевский «безгранично любил детей и старался своим словом и нередко делом ограждать их и от насилия, и от дурного примера»¹.

Герой автобиографического очерка «**Детские секреты**» (1876) говорит, как он любил детей, «и именно маленьких крошек, “ещё в ангельском чине”. <...> Всего более любил он гулять в аллеях, куда выносят или выводят детей. Он знакомился с ними, даже только с годовалыми, и достигал того, что многие из детей узнавали его, ждали его, усмехались ему, протягивали ему ручки» (13, 261). А.Г. Достоевская сделала к этому тексту следующее примечание: «Фёдор Михайлович чрезвычайно любил маленьких детей, и когда ему приходилось, уезжая в Эмс, жить без семьи, то он очень тосковал по ним и всегда приглубивал чужих деток, играл с ними, покупал им игрушки. Обо всём этом Фёдор Михайлович упоминает и в своих письмах ко мне» (13, 503).

В «**Братьях Карамазовых**» выражена та же заветная мысль об особенной, «ещё в ангельском чине», природе ребёнка: «Дети, пока дети, до семи лет, например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою

¹ КОНИ А.Ф. Фёдор Михайлович Достоевский // Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. – М.: Правда, 1989. – С. 228.

природой» (9, 267). Всё это обращает к заповеди «будьте как дети». Христос говорит ученикам: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18: 3).

Писатель свято верил «в воскресение реальное, буквальное, личное, и в то, что оно сбудется на земле». Пасхальность, спасение и воскресение «мёртвых душ» – лейтмотив художественного мира Достоевского. Его творческий путь завершился на той же ликующей ноте пасхального попрания смерти и утверждения вечной жизни во Христе. Эпилог последнего романа писателя – пасхальный, возрождающий и воскрешающий. На вопрос своих юных друзей-гимназистов: «неужели и взаправду <...> мы все станем из мёртвых, и оживём, и увидим друг друга» – Алёша Карамазов с горячей верой отвечает: «Непрременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу всё, что было» (10, 294).

Устами своего любимого героя Достоевский с отеческой любовью в последний раз напутствует молодое поколение: «зачем нам и делаться дурными, не правда ли, господа? Будем, во-первых и прежде всего, добры, потом честны, а потом – не будем никогда забывать друг об друге. <...> Господа, милые мои господа, будем все великодушны и смелы <...> Все вы, господа, милы мне отныне, всех вас заключу в моё сердце, а вас прошу заключить и меня в ваше сердце!» (10, 293).

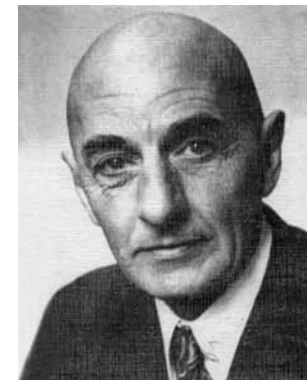

ЮБИЛЕИ

Джемалдин ЯНДИЕВ

**К 100-летию со дня рождения
выдающегося ингушского поэта
Джемалдина Яндиева (1916-1979)**

Джемалдин Хамурзаевич Яндиев – родился 15 октября 1916 г. в селе Балта Терской области, умер в 1979 г. Первый в Ингушетии народный поэт, член Союза писателей СССР, председатель Союза писателей ЧИАССР, кавалер ордена «Знак Почёта». Один из самых талантливейших ингушских поэтов, которого ещё при жизни признали классиком ингушской литературы.

«Верь, как прежде, верь!..»

К поэзии

Жестокое то время оттеснило
Меня,
И я увидел кривду въявь.
«О сохрани мне мужество и силы, –
Шептал я, –
Одиноким не оставь!
Не мачеха ты мне, а мать родная,
Средь мрака лжи –
Наивный луч стыда...»

И ты – невинность,
Гордость,
Чистота –
Стояла,
Слёзы мужества роняя.

Перевод Б. СИРОТИНА

К Музе

Не наперсницею вздорной
Ты ко мне являлась тайно,
Чтобы сбить с дороги торной,
Ложь за правду выдавая.

Ты, как мать, меня ласкала,
Ключевой водой поила,
Не разбился чтоб о скалы,
На вершины возносила.

Как сестра, любовью нежной
И заботой окружала,
От шагов и слов поспешных
Берегла и ограждала.

Застил взор туман плывущий,
Я срывал в словесной чаще
Недозревший плод кислющий,
Перезревший плод горчащий.

Ты спешила на подмогу,
Будто за меня в ответе,
Выводила на дорогу,
К Истине вела на свете.

Не звала меня к богатству,
Не навидеть зло учила,
Верности людскому братству
Навсегда благословила.

И пока не закатилась
Жизнь моя и не погасла,
Говорю тебе спасибо
За любовь твою и ласку.

Перевод А. ПЕРЕДРЕЕВА

Родному языку

Прости душе моей
За то, что среди скал
Тебя в начале дней
Я нищим называл.

Тобою пренебречь
Я мог, язык родной?! –
И песнь моя, и речь
Мне дадены тобой.

Мой голос пробудил
Ты в каменных горах,
Ты сердце открылил
И крыльям дал размах.

В глубинах отыскал
Твоих я целый мир,
Как без тебя я мал,
И беден был, и сир.

Резвясь в начале дня,
Споткнулся ослик мой...
Простишь ли ты меня,
Язык ингушский мой?

Перевод А. ПЕРЕДРЕЕВА

Не считайте, друзья!..

Не считайте, друзья, не считайте,
Откровенно я вам говорю,
Что, подобно взлетающей с дерева стайке,
Песни сами встречают зарю.

Пораскинув умом и увидев глазами
Уходящие вдаль и грядущие дни,
Наши песни своими поют голосами,
Если только под сердцем прижились они.

Лишь тогда запоют они звонко и тонко,
И с зарёй на подъём будут песни легки,
Если слово своё ты сумел, как ребенка,
Уложить в колыбель полуночной строки.

Не считайте, друзья, не считайте,
Откровенно я вам говорю,
Что подобно взлетающей с дерева стайке,
Песни сами встречают зарю.

Перевод В. БОЯРИНОВА

Зеркало жизни

Как за волной волна,
Вдаль убегают дни,
И времени струна
В душе моей звенит.

В лицо судьбы своей,
Как в зеркало, смотрю,
В нём много горьких дней,
Но гордо говорю:

Я слёзы лил и пот,
Но был во все года
В кругу своих забот
Со временем всегда.

Я жизни красоту,
Добро её узнал.
И силу, и мечту
Я Родине отдал.

Я в зеркало смотрю,
Не устаю смотреть,
Ничто я не сотру,
Что стоило б стереть.

Волной своей звеня,
Уходят годы вспять...
Во времени меня
Возможно лишь узнать.

Перевод А. ПЕРЕДРЕЕВА

Уходят годы

Звёздами падучими
Отлетят года...
Под моими тучами
Зреют холода.

Иней осыпается
На мои виски,
Нет, не время маяться
От ночной тоски!

Мысли под метелями
Чище и белей.
Дни считать неделями
Стало мне милей.

Я сумею тропками
На большак свернуть,
Песнями короткими
Свой измерить путь.

Слово без усталости
Подниму в полёт.
Не узнав о старости,
Сердце подпоёт.

Перевод В. БОЯРИНОВА

Если бы

Если бы за зрелыми годами
Молодость пришла, –
Нас бы за морями, за горами
Старость не нашла.

Жаль, что всё наоборот бывает,
Всё наоборот.
Молодость про нас позабывает,
Не найти воров.

Не найдя моих, не постучится:
«Где же ты, ответь?!»
Ну, а если всё-таки случится
Мне помолодеть?

Я скажу: «Не зря ли постучала,
Позвала с собой?»
Я хочу пути пройти сначала
Со своей судьбой.

Со своей бедовой и нелёгкой,
Со своей родной.
Со своею близкой и далёкой,
Только с ней одной.

Может быть, и прожил с большим толком,
Меньше б видел бед,
Помня, что крадётся старость волком
За ягнёнком вслед.

Перевод В. БОЯРИНОВА

Времени

Скажи мне, не исчезнет ли в горах,
Подобно эху выстрела ночного,
Мой голос,
Моё песенное слово,
Ответа не нашедшее в сердцах?

Или останусь я в сердцах людей
И отражусь в глазах моих потомков?
Я жизнь прожил среди людей не волком,
Что за добычей рыскает своей.

Не скажут ли, кляня мой бедный прах,
Что мой язык коварный сеял смуту?
Ведь и при жизни я претил кому-то
И неугоден был в моих горах.

Но ты меня взрастило в чистоте,
И пусть я долго шёл по бездорожью,
Я никогда не путал правду с ложью,
Не изменял добру и красоте.

Ведь всё ты знаешь.
Расскажи, как жил,
Что радовало, что меня томило.
Что отчий край, где мать меня вскормила,
Не забывал я и, как жизнь, любил.

Что я журчанья торных родников,
Как в жаркий полдень жнец усталый,
жаждал,
Что бьются они в строчке моей каждой
И в каждом слове всех моих стихов.

Перевод А. ПЕРЕДРЕЕВА

***

Что поделать с думами –
Золотыми пчёлами –
Иногда угрюмыми,
Иногда весёлыми?

И порой мне плачется,
И порой хохочется.
Пчёлы в улей прячутся,
А моим не хочется.

Что поделать с думами,
Где найти спасение?
Поскорей бы дунули
Ветерки весенние.

Чтобы солнце пламенно
На вопрос ответило.
Чтобы ласка мамина
Вновь меня приветила.

Вот и зёрна звёздные
Отразила лужица.
Надо мной лишь разные
Думы роем кружатся.

Где ты, диво дивное,
Где ты, ласка мамина?
На виски с сединами
Думы давят каменно.

Долго ли мне маяться
Думами нездешними?
Вишни обнимаются
С ветерками вешними.

Думы в белой замети,
Думы поседелые,
Сами вы не знаете, –
Что со мною сделали.

Перевод В. БОЯРИНОВА

Товарищу

Не забывай, что старый конь
Не портит борозды!
Ещё в душе моей – огонь,
Хоть волосы седы.

Не обмельчало сердце, нет,
От зноя прошлых лет,
И гору растопить готов
Поток горячих слов.

Ещё могу заставить песнь
И плакать, и звенеть,
И мысли есть, и чувства есть,
Чтобы любить и петь.

Вращает мельницу вода,
И песня жерновов
Звучит во мне, как гимн труда,
Как жизни вечный зов.

Не забывай, что старый конь
 Не портит борозды,
 Ещё в душе моей – огонь,
 Хоть волосы седы.

Перевод А. ПЕРЕДРЕЕВА

Не забывай

Когда сырой землёй
 Смерть и тебя остудит,
 Пусть ненависти злой
 В глазах твоих не будет.

Не смей в последний миг
 Поддаться силе чёрной,
 И не смотри на мир
 С обидой неотмщённой.

Горел всю жизнь – гори,
 Не исходи лишь чадом.
 Творил добро – твори
 Прощальным даже взглядом.

Прими своих гостей
 В последний раз исправно.
 Ты прожил для людей,
 А значит – прожил славно.

Перевод В. БОЯРИНОВА

***

Хоть и скользя, –
 К вершине поднимался,
 К сиянию заоблачной гряды,
 Благополучно под гору спускался
 Я с сердцем замирающим в груди.
 И камнем вниз
 Порой летел с вершины,
 Над пропастью бездонной повисал,
 Но каждый раз я на ноги вставал –
 Свидетели тому мои седины.
 То спотыкался на дороге ровной,
 То забредал в сплошную темноту,
 Но твёрдо знал,
 Что вслед за ночью тёмной
 Всегда восходит солнце поутру.

И пропасти свои,
 Свои вершины,
 Как высший дар судьбы я принимал...
 И каждый раз я на ноги вставал –
 Свидетели тому –
 Мои седины!

Перевод А. ПЕРЕДРЕЕВА

Мне б вернуть...

Мне б вернуть былые годы,
 Мне б вернуть былую стать,
 Старости забыть невзгоды,
 Из беспомысленства восстать.

Мне начать бы всё сначала,
 Вновь пуститься в дальний путь,
 Чтобы в жилах кровь играла,
 Дерзость наполняла грудь.

С боем брать преграды те же,
 Что всегда встречают нас.
 Снова жить, любить, как прежде,
 Каждый раз, как в первый раз.

Родину б воспеть словами
 Горячее во сто крат,
 Птицей взвиться б над горами,
 Всё отдать им, чем богат.

Мне пройти б опять сквозь годы,
 Всё по-новому понять,
 Я забыл бы все невзгоды,
 Чтоб их снова испытать.

В жизни, в песнях и в работе
 Стал бы яростней вдвойне...
 Мне б вернуть былые годы,
 Стать вернуть былую мне.

Перевод А. ПЕРЕДРЕЕВА

***

Почему с такою жаждой
Это сердце рождено,
Что лететь за птицей каждой
Порывается оно?

Если б мог я птицей реять,
Я б слетел к сердцам людей
И любую грусть развеять
Мог бы песнею своей.

Я бы юных сил кипенье
Поседевшим возвратил,
Всех, не знавших пресыщенья,
Я бы вывел из могил.

И тогда б я стал чудесней
Птиц, поющих по весне, –
Как я был бы счастлив песней,
Зародившейся во мне!

Все, забыв свои печали,
Полюбили б голос мой.
На ладонях бы держали
Этот трепет золотой.

Потому с такою жаждой
Я на этот мир смотрю
И слежу за птицей каждой,
Улетающей в зарю.

Перевод М. ШАПОВАЛОВА

***

Былого не избыть
Ни суетой, ни снами.
Я не могу забыть
Изведанного нами.
Становятся года
Мудрее и короче.
Нет, не были тогда
Нам мачехами ночи
И отчимами дни,
Нет, не были ошибкой.

Вернутся вдруг они,
Засветятся улыбкой, –
И время вспять течёт
Стремительным потоком.
И вновь, и вновь влечёт
К любви моей истокам.

Перевод В. БОЯРИНОВА

Верь

Не забывайся, говоря,
Что сердце я растратил зря,
Что, постаревшее, оно
Позёмкою замечено.

Пусть не видать вокруг ни зги,
Но сердцу слышатся шаги
Твои.
Оно откроет дверь
И скажет:
«Верь, как прежде, верь!».

Перевод В. БОЯРИНОВА

Хасан ТУРКАЕВ

Голос кристальной чистоты

Поэзия Джемалдина Яндиева
(1916 – 1979)

Джемалдин Яндиев – это целый этап ингушской литературы, её светлое, гуманное явление.

Его приход в литературу уподобился неожиданному порыву ветра, принесшего с собой тончайшие медовые ароматы душистых трав Притеречья, бодрящую прохладу с вершин Казбека и Столовой горы, которые стоят перед его родным селом Балты так рядом, словно свежескошенные стога сена во дворе горской сакли. Начав писать в самом начале второй половины 30-х годов, он, недолго пробыв в плену накопленных ингушской поэзией за предшествующие десять с лишним лет традиций, вырвался на простор собственного видения и осмысления жизни. Образы, мысль и ритм уже первых его стихов были настолько энергичны, стремительны, неукротимы, всё в них находилось в движении, полёте, что его современникам казалось: в поэзию ворвался смелый всадник на горячем скакуне, из-под копыт которого вылетают, словно искры, чеканные, упругие от мыслей и чувств, в них заложенных, строки. Молодого поэта Дж. Яндиева можно было сравнить с таким всадником. Сам он свою мысль и энергию уже в первых стихотворениях («Песня матери», «Время» и др.) уподобил «коню лихому», неукротимому, стремящемуся только вперёд, вперёд. Неслучайно образ именно лихого коня, скакуна проходит через всю его поэзию. Именно с его полётом ассоциируются у поэта мысли, чувства, образы, навевавшиеся ему в его насыщенной гуманными мыслями жизни. Вчитываясь в стихи Дж. Яндиева, убеждаешься: действительно, творческое горение поэта с самого начала было ярким, сильным, его талант оставил нам в наследство глубокие следы, запечатлённые в незабываемых поэтических образах.

Он начал свой путь в поэзию не так, как его современники и предшественники: отказавшись от

Хасан Вахитович Туркаев – родился 10 мая 1938 г. в селе Малые Варанды Шатойского района Чечено-Ингушской АССР (РСФСР, СССР). Российский чеченский учёный, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки ЧИАССР (1977), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2005), член Союза писателей СССР (1980), Союза писателей России, Союза писателей Чеченской Республики. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2003).

Живёт в Грозном.

голых деклараций и назиданий, ещё присущих национальной поэзии тех лет. Дж. Яндиев взялся за решение извечной в искусстве задачи: понять самого себя, осмыслить своё назначение на земле как поэта. То, что он сможет в поэтической форме сказать об этом, Дж. Яндиев чувствовал интуитивно, ибо силён был всё нарастающий, рвущийся наружу зов поэзии, заложенный в нём духовным опытом народа, его героической историей, родной природой. Итак, в первых же стихотворениях он поставил перед собой тему назначения поэта и поэзии, и её надо было решить не так, как другие, а по-своему, как он выражался, «честно и совестливо». И он не сбегал перед этой темой, несмотря на юный возраст, так как всем своим существом ещё тогда понял: назначение поэта, как и любого человека, состоит в самозабвенном служении своему народу, Родине. Правда, в первых стихотворениях он лишь примеривался к самому себе, проверяя себя, свои силы для служения этой высокой цели. На первых порах ему ещё не хватало поэтического опыта, но было неодолимое страстное желание поразмыслить о тех разительных переменах, которые произошли в судьбе родного народа в короткий срок социалистического строительства 20–30-х годов. Он был свидетелем их, его рост, формирование мировоззрения происходили вместе с историческими сдвигами в судьбах народа, чьё недавнее прошлое было слишком тёмным и жестоким, а настоящее – радостным, стремительно улучшающимся; и это соприкосновение тьмы и света – один из множества импульсов, вызвавших в душе у юного Джемалдина токи поэзии. Юный поэт, познав одухотворяющую силу песни («Посвящение», «Звени, моя песня»), возлагает на неё миссию «радовать народ». В условиях, «когда вскипает полная чаша народа», песня должна стать для него «отрадой нетленной», «беречь мир, правде Родины служить». Примечательной чертой его поэзии становится её высокий патриотический накал: «если наша граница подёрнется дымом и пламенем алым, мы вражеской, чёрной кровью омыться позволим ингушским бесстрашным кинжалам». И так с первых и до последних в его жизни стихов: сын своего народа, остро чувствующий его боли и радости, он неизменно оставался патриотом советской Отчизны, его искренним и преданным песнетворцем.

В те юные свои годы Дж. Яндиев написал одно из ярких, проникновенных своих стихотворений «Родина». О чём оно? Поэт, выросший в теснинах гор, видевший над своей головой подпирающийся острыми вершинами только лоскуток голубого бездонного неба, вдруг нашёл такие поэтические средства, которые рисуют необъятную ширь земли русской:

*Кто взором окинет – скажи! –
За морем широкое море
Полей без единой межи?*

(«Родина»)

«На лоне привольной земли» у поэта «сердце ликует». Он так к ней «прикипел», что не мыслит себя где-либо «от милой Отчизны вдали». Удивителен такой факт: ещё мало общавшийся с русской творческой интеллигенцией, мало ездивший даже в столицу нашей Родины, он так точно, поэтически ёмко, ассоциативно образным языком поведал о таких чертах характера русского народа, как щедрость души, оптимистичность, человеколюбие. К земле русской он обращался как к любимой – нежно и восторженно:

*О, как ты смеёшься, родная!
Ты лунного лица светлей...
Взгляни: для тебя, синеокой,
Я золотом вышил узор.*

(«Родина»)

Итак, синеокая Россия с самого начала стала синонимом его отчего дома, родного края, и это духовно обогатило поэта, навеяло ему новые мысли и образы. В одном из стихотворений тех лет («Здравствуй, моя Москва») его лирический герой с неподдельной искренностью признался в том, что эта открытость души русского народа вызвала у него ответные чувства:

*Как ставшее утро, мир мой светел,
Как горный родник, прозрачна душа.*

Он, исповедуясь перед Москвой, признался, что вступил в новый, светлый мир не для того, «чтоб гордиться кинжалом в серебряной чеканной резьбе», а как его активный созидатель и творец. Он ещё тогда, в юные годы, глубоко осознал, что Родина «баюкала его, как мать», она «помогла ему сильным стать», «раскрыла весь мир». Поэтому его патриотические чувства сильны, постоянны, высоки, подобно горам:

*С тобою быть хочу
Всегда плечом к плечу.
За честь твою на бой
Я храбро полечу.
Как девушку любимую мою,
Как сердце матери, я отстою,
Клянусь, тебя я отстою в бою.*

(«Родина»)

Родина и Москва у поэта синонимы. Его любовь к ним не показная, он не стал бы ею удивлять людей, будто танцор эффектными прыжками «на носках, маша лапами... черкески в газырях». Он любит молча. Он поклоняется им, как сын. Ему всегда как воздух необходимо их благословение, «чтобы воспеть их в правдивой песне, восторженно за всё благодаря». В них истоки его духовных сил, смысл его бытия.

Это был не временный юношеский порыв лирического героя, а убеждение, идейная позиция нового горца – патриота и интернационалиста. Черты характера его особенно ярко раскрылись в годы войны, когда над страной нависла смертельная опасность. «В эпоху грозную... когда и старики и молодое племя проходят сквозь огонь пороховой в долинах и горах», – в такое время лирический герой Дж. Яндиева не может «уйти под мирный кров», он спешит вместе «с отважными громить врага».

В конце 30-х – начале 40-х годов Дж. Яндиев возглавлял писательскую организацию республики. А когда началась война, часто выступал перед трудящимися Северного Кавказа как страстный оратор, мобилизуя горцев на борьбу с ненавистным врагом.

Уже в зрелые годы, пройдя вместе с Родиной много вёрст, поэт, взглянув на прошлое Кавказа, его народов, глубже осмыслил прогрессивную роль России в их исторических судьбах:

*Омытый кровью сыновей не раз,
Перешагнувший через век печальный...
Ты столько пролил слёз!
Ты видел столько горя!
Но честно матери глядел в глаза.
Судьбе наперекор борясь и споря...
Ты погибал – с овра тебя Россия
Израненного к жизни подняла.*

(«Кавказ»)

Поэтому неизмеримое чувство долга перед Родиной постоянно звало поэта на творческий подвиг. Радуюсь её победам, переживая вместе с ней её печали, поэт с чувством глубокого удовлетворения признался, что он счастлив, так как «начал рано песни петь в стране родной»:

*Как я рад, что владею высью,
Что глубокие недра мои
И что мысли мои волчьей рысью
На просторах несутся земли.*

Это неожиданное, новое в ингушской поэзии сравнение создаёт образ неуёмно беспокойного, думающего о делах всей страны лирического героя.

Сейчас, заново перечитывая стихи Дж. Яндиева, всё более убеждаешься в том, что они светлы и прозрачны, пронизаны чистыми, тёплыми, я бы даже сказал, ласковыми чувствами. Но вот диссонансом оптимистическому настрою мелодии его стихов прозвучала грустная мысль: «Я давно уже не юн – жизнь моя мчится встревоженной птицей». Нет, это не боязнь неизбежного конца («самый быстрый скакун должен когда-нибудь остановиться»). Это чувство горькой досады: несмотря на то, что он начал «рано песни петь стране родной», всё же не смог извлечь из глубин сердца и души все те светлые мысли и чувства, которые она вызывала, и облечь их в тугие, наполненные горячей кровью строки. Только это чувство неисполненного долга и навеяло грусть отдельным его стихам.

Вообще вся поэзия Дж. Яндиева – это поэзия долга: сыновнего перед Родиной, матерью, родным народом, любящего перед любимой. Не потому ли его поэзия так нежна, переливается мягкими, разноцветными красками осеннего леса в горах?

Труден и кропотлив путь истинного поэта. Он труден вдвойне, если сам поэт, не довольствуясь сделанным, постоянно стремится к сияющим вершинам поэзии. В стихотворении «Мой стих» Дж. Яндиев признался: «Ты и горе, и счастье моё, вольный стих, никогда и никем не осёдланный. Ты вся жизнь моя!» И потому высокую цель ставит он перед собой: «Быстрее шагай своим трудным путём. Что сделать за жизнь не успеешь, ты сделать не сможешь потом».

*Про всё, что писал ты бесстрастно,
Забудь, как о блажи пустой.
Чтоб песнь твоя стала прекрасной,
В крови своей строки омой.*

(«Утренние мысли»)

И потому для себя он раз и навсегда высветил только гордый путь:

*Пусть любой для каждого
Останется одним и самым дорогим...
Жить – это поднимать пласты на целине
На благо Родины, во имя красоты.*

(«Гордые пути»)

Поэзия Дж. Яндиева примечательна ещё и тем, что в ней с самого начала его творческого пути темы служения Родине и родному народу тесно сплетены, дополняют друг друга. С годами эти темы всё более насыщаются общезначимым общечеловеческим, философским смыслом. В первых своих стихах поэт говорил: «Я люблю за то вас, мои родные горы, что мне материнскую заменили грудь». Тогда он лишь начинал осознавать свою живительную связь с отчей землёй, глубокого осмысления значимости этой связи, естественно, не было, ибо бьющая через край энергия молодости звала всё быстрее вперёд, к новым свершениям, новым стихам, не давая возможности задуматься над смыслом бытия.

*Сердце молодо моё,
Я навеки счастлив, зная,
Как прекрасны бытиё
И Отчизна дорогая.*

Но и в то время, когда его «трезвый ум был спокоен», а «взор глубок», неотступная мысль о необходимости быть настоящим сыном своего народа не покидала его. Особенно проникновенно об этом сказано в стихах, в которых показывается неразрывная духовная связь между ним и родной природой.

*Горы, вашей скорбью и весельем
Я живу, и жизни нет без вас.
Если бы вы меня забыть хотели,
Мне ударом был бы этот час.*

(«Горам»)

Чувство своей кровной связи с родной природой никогда не покидало поэта. Ничто – «ни высоты, ни низины, ни беды», которые его разили, – не могло притупить это чувство:

*И какое бы счастье
Мной не было узнано,
Я всегда был лишь эхом
Вашего счастья и горя,
О, приют моих бедных отцов,
Молчаливые гордые горы
Под покровом лесов...*

(«Я всегда был лишь эхом»)

В стихотворении «Время» поэт образно охарактеризовал движение, быстротечность времени, и тем самым сказал о всё усложняющихся задачах, встающих перед ним. Теперь, когда «года прошли» и он стал «в возрасте инном», всё глубже осознавал свой долг перед народом:

*Лихой седок
лишь ногу вденет в стремя.
Летит скакун, взвиваясь на дыбы, –
Так мчится наше Время
Путём всеобновляющей борьбы.*

(«Время»)

С годами чувство долга перед народом у него всё возрастает, и сделанное им самим ему кажется лишь маленькой толикой того, что ещё предстоит сделать. Поэт, не скрывая своих чувств за ложным пафосом, честно и искренне делится с нами своими мыслями, и они находят отзвук в наших сердцах:

*Чем я дольше живу – жизнь блистает чудесней.
Красотою насытиться я не могу.
Чем я больше пою – задумшевною песней
Пред народом своим я всё больше в долгу.*

(«Чем я дольше живу...»)

Наступившая зрелость поэта сделала его поэзию аналитичной, размышляющей, мудрой. Теперь он не хотел бы быть счастлив один: «если люди в нужде, ты один лишь в довольстве, это вовсе не жизнь, а предсмертная дрожь». Поэтому высшая цель, для которой лирический герой поэта отныне хотел бы жить, – «в битве за счастье людей погибнуть добровольцем». Иной стала теперь и тема судьбы родного народа. Теперь, когда «внимательней, суровой стал» его взгляд, осмысление пройденного народом пути стало внутренней потребностью поэта. В какой-то мере эта задача поэтом реализуется при воссоздании пути становления своего поколения, на которых были и радость созидания, и горечь утрат:

*В блистанье битвы жизнь открылась нам.
Мы жили. Как мужчины, мы встречали
И радости и новые печали.
Мы будем жить. Мы знаем цену дням.*

(«Мы жали»)

Теперь тема родного народа, Отчизны обрела совершенно иное, масштабное звучание: поэт всё чаще размышлял о судьбах мира и человечества. Он хотел бы, чтобы «мир стал светлее детской совести и чище, чем улыбки матерей». Его стихи восстают против тех, кто толкает мир к катастрофе, ядерной войне:

*Люди!
Злобу умерьте!
Тише!
Кто там кричит?
Взгляните
на ваше бессмертие,
В счастье своё
поверьте!
Здесь
малый ребёнок спит.*

(«Люди! Злобу умерьте!..»)

Чтобы самому быть неутомимым в борьбе «за светлый мир», он обращается к сердцу, чтобы оно «билося, бунтуя и споря». «Я знаю – ты поможешь мне найти дорогу к людям, в мирное жильё, о сердце беспокойное моё!» Когда «время легко и бесспорно охлаждает нам кровь, уходя», только «беспокойное сердце поэта» оставалось ему верным другом в этом благородном деле.

Глубинные чувства поэта, утончённое восприятие им жизни, человеческих взаимоотношений находим мы в произведениях Дж. Яндиева, в которых рисуются образы матери, любимой. Стихам этого ряда присуща своя особая тональность: посвящённые матери – нежны и грустны, полны раздумий о скоротечности жизни. У поэта мало произведений, в которых он, так или иначе, не обращался бы к её милым чертам, и перед нами встаёт цельный, высококонтрастный образ матери, близкий каждому из нас, ибо наш земной путь благословлён матерями только на добрые дела, ибо мать – это наша радость и утешение, наша точка опоры на этой земле, неиссякаемый источник нашей жизнестойкости. Да, лирическому герою поэта памятно всё: глаза матери, которые похожи на «глубь реки», в них «мужество и гроза». Она подарила ему жизнь, «совесть и смелость», и потому он «не шёл за жизнью по пятам, как стреноженный конь, покорно», а «вёл её сам, горяч и упрям, кремнистой, крутой тропею горной». И прожитые годы с их крутыми поворотами, подъёмами и спусками не смогли заглушить в его душе голос и улыбку матери:

*Помню закат над Столовой горой.
Солнца рассветного помню стрелы.
Помню очаг наш в сакле сырой.
Ах, не твоё ли в нём сердце горело?
Я далеко.
Я давно уж не юн –
Жизнь моя мчится встревоженной птицей...
Ты меня кличешь, как прежде любя.
Я обернусь –
Я ведь слышу тебя.*

(«Матери»)

Дж. Яндиев с первых же своих творческих шагов привнёс в ингушскую поэзию столько ёмких по содержанию, великолепных по форме, выразительности и ассоциативному строю художественных образов, что он по праву считается подлинным новатором в области родного стиха. Поэт никогда не выбирал лёгких путей в поэзии, никогда не повторял других. Всё, о чём он писал, было им выстрадано и пережито.

С его именем связано также появление в ингушской поэзии, словно буйной зелени весной на взгорье, любовной лирики. Одно из первых его стихотворений («Слеза»), посвящённых священным чувствам любви, поразило современников силой страсти, красотой поэтического образа:

*Как тяжкая капля из тучи,
Когда созревает гроза,
Из глаз её,
ясных и жгучих,
Первая
пала
слеза.*

*Я бросился,
чтоб удержать её.
Я руки подставил,
моля.
Прожгла она руки и сердце
И в чёрные
пала
поля.*

Какая энергия заложена в этих строках! Каждый стих строфы рисует незабываемый образ лирических героев, глубины их чувств и переживаний. Таких шедевров в чечено-ингушской поэзии конца 30-х годов было ещё очень мало.

Любовной лирике поэта никогда не была присуща поверхностность переживаний, мысли. Дж. Яндиев показал нам душу лирического героя, любовь для него – это одно из таких святых понятий, как Родина, мать, родная земля. Чувства к любимой, как и эти понятия, заставляют его жить, творя для людей добрые дела, оставляя о себе на земле добрую память («Я тебя встречал у родника...», «Мне не забыть...», «Ожидание», «Русской девушке» и др.). Не стереотипные слова, а свои собственные поэтические открытия на вооружении у поэта, поведавшего нам о состоянии лирического героя, к которому впервые пришла любовь. «Мне не забыть ни в радости, ни в горести тот ясный день, когда пришла, моею стала совестью». Какой же нравственный критерий у героя, когда он говорит о любимой? «Нет, не за походку лебединую, словно ты из сказки приплыла, не за брови шёлковые длинные, словно ласточкины два крыла, не за стан, качающийся тонкий... сердцем потрясённым – я с тобой», – говорит он.

*Нет, я скромность полюбил твою.
Верность я благословил твою.
Женщине они необходимы.
Потому взволнованный стою
Я перед тобой,
моей любимой.*

(«Женщине»)

Вместе с тем он хотел бы видеть в любимой подлинного друга, понимающего, бережного и чуткого. «Если грустен, молчалив я – обижаться не спеши, не ищи причин, намёки не подхватывай...» Любимая должна помнить, что на трудных дорогах жизни надо всегда быть надёжным другом, особенно тогда, когда «к полдню путники едва бредут, реки по равнинам чуть текут...». Так, в стихах о любви он вновь вернулся к размышлениям о времени, которое уносит с собой не только «весеннее цветенье» молодости и буйную радость первых чувств, но и силы лирического героя, стремящегося даже нахлынувшую от восторга земной радости любви энергию использовать для добрых дел на земле.

*Время,
что ты торопишь меня?
Тише, конь мой лихой,
ещё рано.
Говорят,
на заре последнего дня*

Только старость,
холод,
туманы.
Дай мне, время,
взглянуть в глаза,
От которых
стих молодеет...
(«Время, что ты торопишь меня?»)

Поэтому, чтобы осенью, когда, «меж туч являясь, солнце уже не греет», не было горькой досады, щемящей боли от того, что перед любимой не «излил всю душу», ибо «всё думалось: начну наутро снова, ведь нам с тобой так долго рядом жить», не надо упускать «день желанный, в который назначено объяснение». («Я так хотел всю душу изложить...»). Да, хотя порой и кажется, что годы идут «медленно, как волны на водопой», но они летят быстро и осушают тот родник, у которого встречаешь «любимую над прохладной чистой струей». И всё же любовь бессмертна. «Всё верю: скоро в платье белом вернёшься ты...» И тогда, «едва мы встретимся с тобой, выйдут из тумана» дни первых встреч... Такова сила истинной любви, искренних чувств.

Для лирического героя Дж. Яндиева любовь – это прежде всего источник, вдохновляющий его на создание жизнеутверждающих песен для людей. Поэтому тот высокий критерий чистоты и верности, которым он измеряет чувства к любимому человеку, предъявляется им к своему вдохновению, своим песням, требуя от них только искренности, только верности Родине, родному народу. Раздумьями о вдохновении, его сути пронизано почти всё творчество Джемалдина Яндиева. Вдохновение у него предстаёт то в облике матери и родных гор, то в облике любимой, то в облике Пушкина и Лермонтова, то в облике быстротечного времени, уподобляемого им «серому коню». Он постоянно взывал к вдохновению, оно ему нужно было, чтобы «родину петь, проповедовать правду». Обращаясь к своей песне, Дж. Яндиев сказал, что она «не для денег спета, и слово не лживо». Иначе он не мыслил себя, свою жизнь, ибо его вдохновение – это его верный друг, его бессменный спутник, который, придя к нему однажды в юную пору, сказал: «будь справедлив и мужествен в битве со злом».

*С этого утра мы ночью и днём
В час и счастливы и злой
Вместе с тобою – как всадник с конём
И словно влага с землей.*

(«Песне»)

Да, Дж. Яндиев был как гражданин справедлив, мужествен, рождён для добра, для поэзии.

Отмечая пятидесятилетний юбилей поэта, Советское правительство наградило его орденом «Знак почёта». Ему удалось осуществить главную заповедь своей жизни:

*Живущий для людей –
Свой путь промчит, как юность
на коне к возлюбленной своей.*

(«Гордые пути»)

И он промчался на коне с факелом поэзии в руке, оставив за собой ярчайший след в чечено-ингушской советской литературе.

Памяти Джемалдина Яндиева

Дидигова Раиса Абукаровна – родилась 9 февраля 1956 г. в с. Ванновке Тюлькубасского района Южного Казахстана. По окончании в 1979 г. Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков осуществляла свою трудовую деятельность в сфере образования и управления, а позднее – работала заместителем главы Администрации г. Назрань, заместителем начальника организационного отдела Администрации Президента Республики Ингушетия, заместителем председателя Правительства Республики Ингушетия, начальником протоколно-организационного отдела Администрации Главы Республики Ингушетия. В настоящее время активно занимается творчеством, является заместителем главного редактора газеты «Литературный Кавказ», возглавляет Правление Союза писателей Ингушетии.

Живёт в Назрани.

«Твой стих подобен сердцу твоему...»

Твой стих прозрачен, чист и светел,
Подобен сердцу твоему.
С ним луч сливается рассветный,
Ночную разгоняя тьму.

Людей твой голос одаряет
Частицей своего тепла,
И тьму из жизни прогоняет,
Чтоб мирной наша жизнь была.

Он наши мысли обращает
К истокам жизни, где века
Народ наш нравственность питает,
Как будто свежесть родника.

Не быть поэзии без дара,
Талант – даруют небеса.
Стихи не настигает старость,
Поэтов вечны голоса.

И твой талант – талант от Бога,
Ниспослан свыше, стал судьбой,
В своих проникновенных строках
Являет мир душевный твой.

Ты славишь жизнь, родные горы,
И отчий край, что так хорош...
И Слово разгоняет горечь,
И Правда побеждает Ложь.

Твой стих к высокому стремится,
И в нём, как в зеркале, видна
Твоя душа – о, как томится
Под гнётом времени она!

Искал ты счастья в жизни этой,
Но не нашёл его в пути.
И был ты истинным поэтом,
Не мог покоя обрести!

Твой стих хранил тебя годами,
Светилась гордая строка.
Воздвиг ты башню из страданий –
Как эта башня высока!

Ты так владел ингушским словом,
Твой дар был подлинно велик.
Ты укрепил столпы – основы,
И первый столп – **родной язык**.

Без слова нет **стихотворенья**,
И **смысла** в звуках нет пустых.
Ты словом вёл произведение
К глубинам смыслов мировых.

Свою любовь к ингушской речи
Открыл ты в нежных строфах нам;
Они гласят при каждой встрече,
Как та любовь была сильна.

Ты стих ингушский наш прославил,
Ему дал смысл и красоту.
На высоту его поставил
И закрепил ту высоту.

В том, Джемалдин, уж нет сомнений –
Твой дар есть благородства знак,
Что явлен на стезе мучений,
Но сохранился чист и благ.

Вдруг голос в памяти раздастся,
Прорвав преграды злой судьбы...
Пусть в Вечности тебе воздастся
За то, что Правде верен был.

Канон яндиевский ты создал,
И стих ингушский ты взрастил.
Стихов блистающие звёзды
Народу щедро подарил.

Твоё большое вдохновенье
Творило чудо красоты,
Давая новым поколениям
Истоки жизни и мечты.

Была трудна твоя дорога,
Но чести с гордостью полна.
Твоя поэзия – эпоха,
Но ей и Вечность суждена.

Перевёл с ингушского И. ГОЛУБНИЧИЙ

Рассказы

Солёные огурцы

К бабушке на дачу привезли внука.

Его родители надумали отдохнуть в европейском круизе, но сына с собой решили не брать, – маловат ещё.

– Оторвёмся по полной, – рассуждал папа.

– Прикольно... Разные города, порты, кафешки, другая жизнь, – соглашалась мама и мечтательно добавляла, – будет потом, что вспомнить.

Так они говорили, возвращаясь с дачи, оставив Максимку на попечение маминой маме.

Бабушка Геля каждое лето выращивала на даче огурцы. В огороде, конечно, росли и другие полезные растения – тонкой зелёной дымкой укроп, в земле крепла морковь, вытягивалась в хвосты капризная редиска, красными каплями светилась земляничка – но всё это так, как бы между прочим, а главными для бабушки были огурцы.

Ещё весной, на подоконнике, расставляла она торфяные горшочки, в которых выскакивали из земли ладошки нежно-зелёных всходов. Она каждое утро поливала-умывала их отстоянной, тёпленькой водичкой, приговаривая:

– Вот так, так, пейте, растите, скоро на дачу поедем, на волю...

Огурцы отвечали взаимностью, – росли хорошо и дружно. Да и урожай каждый год бабушка собирала знатный – всю зиму ели, и даже оставалось.

– Куда вы их столько насолили, Ангелина Николаевна? – выговаривал зять, сидя за столом и с удовольствием закусывая стопарь солёненьким.

– Уродились вот, – оправдывалась бабушка Геля.

– Мам, у тебя бзик какой-то с этими огурцами, – говорила дочь, заглядывая под кровать, – там, в сумраке рядами поблёскивали банки с очередным и даже с прошлогодним урожаем. – Ну, куда ты их наверхтела!

Александр Петрович Сизухин – родился в 1947 г. в подмосковной Салтыковке. Окончил МГПИ им. В.И. Ленина, факультет русского языка и литературы. Журналист, работал фотокорреспондентом в центральных газетах. Живёт в подмосковном Полушкине.

– Они не мешают никому... Взяли бы, на работу отнесли, друзей угостили, – от души советовала хозяйка.

– Тащить тяжело... Не видали они твоих огурцов.

– Моих, конечно, не едали, – не расслышав, обижалась бабушка...

Когда привезли Максимку на дачу, ранние огурцы в теплице уже цвели.

Бабушка сразу нашла внуку занятие – регулярно поливать растения и следить за температурой в теплице.

Максимка с утра наполнял из шланга старую ванну водой, – там она прогревалась солнцем, – и уже тёплую таскал лейкой. А для того, чтобы сохранять постоянную температуру в теплице, следовало то открывать, то закрывать, в зависимости от показаний термометра, форточку.

Ничего трудного в такой работе не было, но доставала мальчишку регулярность, – каждый день одно и то же, – полил, открыл, полил, закрыл...

«А Пашка вон сидит себе на пруду и карасиков ловит, – завидовал в душе Максимка, – и не дёргается. Не надо ему ничего закрывать-открывать. А тоже с бабушкой и дедушкой живёт. Они его балуют: молодец, Пашенька, опять Мурке обед готов»...

Удочка имелась и у Максима, и он сживал иногда с Пашкой на пруду, и он приносил бабушке карасей, но кошки у них не было, и бабушка выговаривала внуку, что вот опять наловил махоньких, куда их таких-то? – сокрушалась.

– Пожарь мне, – просил Максим.

– Таких не жарят, лучше бы отпустил сразу, – они бы подросли.

Максим разглядывал улов: ему действительно становилось жалко маленьких дохлых рыбок.

– Поливал теплицу-то? – напоминала бабушка.

– Нет ещё. Пойду сейчас полью.

– Займись-ка делом, рыболов.

Максимка носил лейкой воду и соображал: «Ну, неужели так всё лето и буду таскать? Не, с ума можно сойти... Надо что-нибудь придумать этакое... такое, чтобы она сама лилась».

К середине жаркого дня правая рука противно ныла, а в голове сверлила одна мысль: «Нужно что-то придумать». И тут его осенило!..

В это время мимо забора по дороге шествовал Пашка, держа в одной руке удочку, в другой – полиэтиленовый пакет с уловом.

– Привет земледельцам! – крикнул он, подняв пакет. – Видал! Сегодня клёв классный. Еле успевал тягать. Я бы ещё посидел, да хлеб кончился.

– Мелочи, небось, надёргал, – не сдавал позицию Максим.

– Мурка таких и любит, – ей, чем мельче, тем лучше... Ты это, вечером свободен? Предлагаю двинуть в деревню: в футбольянку сыграть давно зовут. А? Как смотришь?

– Никак. Мне установку поливальную надо сделать.

– Эт чо за установка такая? Опять сам придумал? – Паша остановился на дороге.

– Ты пока иди домой, а то обед Муркин стухнет, после приходи – ванну поможешь поднять.

– Куда поднять?

– Увидишь.

А придумал Максим вот что: идея на самом-то деле проста, – нужно всего лишь поднять старую ванну повыше, и вода по шлангу побежит самотёком.

Когда его осеняла идея, то в голове сразу же возникал конечный результат, и сам собой выстраивался план действий. Поднять ванну? – На кирпичи. Удлинить шланг? – Не вопрос. Чтобы вода вытекала медленно и равномерно? – В шланге наделаю дырочек и уложу в землю к корням. Чтобы вся вода сразу не вытекла? – Поставлю кран.

Из старых кирпичей, которые лежали много лет без дела за сараем, Максим сложил постамент, – на него-то и нужно теперь втащить чугунную ванну. Одному, конечно, не справиться, но двоим – вполне по силам. Он даже сначала подумал, что бабушка и поможет, но втроём надёжнее: бабушка будет подкладывать кругляки, а они с Пашкой толкать и придерживать.

Такой способ передвижения тяжестей Максим видел в книге «История древнего мира», которую подарил ему папа на Новый год. Там на картинке древние египтяне передвигали огромные каменные плиты, подкладывая под них круглые брёвна. Этот способ поразил Максима своей простотой, и он сам начал двигать с помощью кругляков всякие неподъёмные предметы.

Вот и сейчас, – «древний египтянин» положил с наклоном две направляющие толстые доски, по которым они с Пашкой вкатят ванну наверх, а бабушка будет перекладывать отрезки трубы.

Когда бабушка Геля увидела кирпичный фундамент около теплицы, она округлила губы невской сушкой и выдохнула:

– О-о-ох! Сведёшь ты меня в могилу. Чего ты нагородил тут? Что ты придумал опять?

– Поливать буду в теплице... Автоматически, ба. Да ты и сама теперь сможешь – только кран открыть! Щас Пашка придёт, – мы ванну поставим на высоту, и вода самотёком побежит...

– Дак ведь ванна чугунная, тяжеленная.

– Для этого и кругляки, – внук показал на отрезки трубы. – Как по маслу пойдёт! Да чо ты, ба, всё нормально будет! Сама увидишь. Ты нам только можешь – трубы будешь перекладывать. Ладно?

Бабушка покачала головой, в очередной раз подивившись сообразительности внука.

В конце концов, так всё и получилось, как придумал Максим.

Вот только не успел он в деревню на футбол. До самого вечера провозился со шлангами и кранами, регулировал скорость подачи воды, и бабушка уже звала ужинать, когда увидел он за забором, возвращающегося из деревни Пашку. Тот брёл, опустив голову.

– Эй! Ты чего такой смурной? Кто выиграл-то?

– Выясняли вот – кто...

Пашка повернул голову, и Максим, даже в сумерках, ясно увидел краснофиолетовый фонарь у друга под глазом.

– Ничего себе, прикол... Проиграли, значит...

На следующий день с раннего утра друзья сидели на пруду. Пашка таскал на хлеб мелочь одну за другой, Максим же ловил на червя, решив нынче порадовать бабушку жареными карасями.

Червяка на крючке теребили мальки, но схватить наживку целиком не могли, – от этого поплавок качался и вздрагивал, но не тонул.

– Мелочь долбит, – Максим достал снасть, чтобы поправить на крючке красного выползка.

– Переходи на хлеб, – советовал Пашка, – а то так и просидишь с этими червяками.

«Ну, уж нет, – думал Максим, – мелочь твоя мне даром не нужна».

– Ничего, я не спешу. А крупные должны подойти...

– Ты тут присмотри, пока я сбегаю кран открою. Лады? – вспомнил Максим, что одно дело-то у него всё-таки осталось.

– Давай, сбегай. Посмотрю, да крупный всё равно не клюёт.

Но как всегда в таких случаях и бывает – стоило Максиму уйти, а на поплавок даже села синенькая стрекоза, как он, вздрогнув, лёг набок, – испуганная стрекоза еле успела слететь, – и косо ушёл под воду.

Пашка подсёк и почувал на том конце лески сильное сопротивление; руки от волнения затряслись; удилице согнулось, а через мгновение карась, размером с ладонь, кувыркался в траве, сверкая золотыми боками. Он просто сводил Пашку с ума.

«Вот это да! Вот это карасище! Вот повез... – и тут-то Паша задумался: А кому повезло? Ну да, – удочка Макса, и червяк его, но поймал-то я, и если бы не я, то и карась бы сошёл. Значит – мой карась! А чей же? Конечно, мой... – размышлял Пашка, но что-то его тревожило в этих рассуждениях. Как-то не сходилось до конца, что рыбина принадлежит ему и только ему.

Он быстренько снял карася и сунул добычу в свой пакет, а леску опять забросил с пустым крючком.

Еле успел, потому что по тропинке к пруду спускался Максим. Он сразу подошёл к удочке и вытащил снасть. Крючок был пуст.

– О! Склевали, видать... Ты поклёвку не заметил?

– Неа, – ответил, как мог равнодушнее, Пашка, вытаскивая очередного карасика величиной с мизинец. Потом и совсем отвернулся, только уши его пылали, как два мухомора.

– Пожалуй, и правда, – крупные не подходят. Может, потому, что жарко, и они в глубину ушли? Пойду к крутому берегу – там попробую.

И Максим, свернув удочку, направился в сторону крутого берега. В том месте действительно глубже, – ребята даже ныряли там с разбега и до дна не доставали, – прямо под берегом больше двух метров: в этой яме, думал Максим, крупные, наверное, и собрались.

На новом месте Максим действительно поймал четырёх достойных карасей, да один сорвался – было бы пять, но и четыре – отлично. «Как раз по два нам с бабушкой и хватит», – думал рыбовод.

Клёв на яме прекратился, перестала клевать мелочь и у Пашки. Ребята решили возвращаться.

– Ух, ты! Когда это ты поймал? – спросил Максим, увидев в пакете у Пашки крупного карася. Он показался ему даже крупнее своих.

– Да так, дуриком попался. Пожарят его мне, а мелочь Мурке кинут... – сказал Пашка и быстро захлопнул пакет...

Вечером Максим с бабушкой ели жареных карасей.

– Молодец! – говорила бабушка. – Вкусные такие.

– Жалко, мамы с папой нет. Но я к их приезду ещё наловлю, теперь место знаю, где крупные стоят. Наловлю... Я уже соскучился, а ты, ба?

– Конечно, повидаться хочется. Вот, думаю, папа-то удивится, как ты сообразил теплицу поливать. Надо же... Вырастешь – инженером, наверное, будешь.

– Изобретателем...

Бабушка с внуком сидели за большим столом на террасе; сквозь верхние разноцветные стёкла сочился свет вечернего солнца, отчего противоположная белёная стена напоминала коробочку с акварельными красками; в верхнем углу билась в стекло, осыпая с крыльев пыльцу, мохнатая ночная бабочка.

И тут вдруг услышали они крик какой-то непонятный, и доносился он вроде бы с Пашкиной дачи.

– Господи... Вера, что ли, кричит, – прислушалась бабушка Геля. – Что-то случилось... – Ещё послушала, – точно, Вера кричит...

Они выбежали наружу. В вечернем воздухе крики бабушки Веры, а кричала без сомнения она, были слышны отчётливо.

– Помоги-и-и-те-е-е! Ой, ой!!! Внучи-и-ик! – причитала бабушка Вера.

Пашкина дача располагалась через одну, и Максим с бабушкой быстро прибежали к соседям, а по дороге с противоположной стороны спешил на крики и дяденька Петрович, так все вежливо величали здорового мужика Василия Петровича, жившего на другом конце улицы.

В беседке на скамейке сидел Пашка и кашлял со страшной силой, но вздохнуть как следует он, видимо, не мог, и от этого вдох получался сиплый и прерывистый. На столе лежала тарелка с недоеденным жареным карасём, а бабушка с дедушкой сутились вокруг внука.

– Подавился... карасём этим, будь он неладен... Пашенька, потерпи, потерпи, сейчас скорая приедет, деда дозвонился, – причитала бабушка Вера, не зная, что можно предпринять в этом случае ещё.

Максим видел, что лицо у Пашки багровеет, – он судорожно пытался что-то застрявшее проглотить, отчего жилы на шее напрягались, но ничего не получалось, вытаращенные глаза закатывались, оттопыренные уши побледили.

И тут Максим вспомнил, как вытряхивал из бутылки разбухший изюм, – он переворачивал бутылку и резко стряхивал вниз, – ягоды по инерции вылетали.

«Вот бы и Пашку перевернуть и тряхнуть как следует, – подумал Максим, – хватило бы у Петровича силы... Хватит».

Он объяснил дяденьке Петровичу, что нужно сделать, пока «скорая» не приехала. Василий Петрович, видя, что малец совсем задыхается, согласился. Он перехватил Пашку поперёк и поднял сначала на плечо, а потом, ухватив за обе лодыжки, перевернул и со всей своей силы тряхнул.

У Пашки изо рта выскочил кусочек хлеба.

На сосне заголошно кричала испуганная сойка.

Бабушке Вере стало плохо, – она плюхнулась на лавку и закрыла глаза.

Дяденька Петрович перевернул Пашку в нормальное положение, и все увидели, что малец может теперь дышать.

А к даче уже подъезжала машина скорой помощи.

Сначала медики окружили бабушку Веру, ей измерили давление, сделали укол. Врач сказал, что ничего страшного не произойдёт, – просто бабушка сильно испугалась, отчего и произошёл «спазм сосудов».

– Но вы ведь скорую вызывали не к бабушке, – сказал врач, убирая одной рукой тонометр и шприц, а другой, держа бабушку за запястье, считал пульс. – Нам в вызове написали, что мальчик подавился... Который?

Он посмотрел на мальчиков.

– Ну, тут всё ясно – который, – сказал «айболит», глядя на взлохмаченного, в испарине, Пашку.

Врач водрузил на лоб зеркало с дырочкой посередине и направился к страдальцу.

– Ну-с, молодой человек, ели рыбу?

– Да, – тихо выдавил из себя Пашка.

– Шире рот, шире... Вижу... Кость торчит.

Врач быстро вытащил её пинцетом и показал присутствующим тонкую рогаatinку.

– Вот и всё! Получите, распишитесь, – он приблизил трофей к лицу незадачливого едока. – Рыбку-то сам поймал?

Чтобы разглядеть кость, Пашка свёл глаза к носу, и из них сами собой полились слёзы.

– А...а...гааа...

– Он же у нас чуть не задохнулся, – рассказывала бабушка Вера, начав отходить от обморока. – Сначала он костью подавился, а дед ему и говорит: хлебным мякишем протолкни её, кость-от. Он начал глотать, а мякиш в дыхательное горло и закатись... И не туда и не сюда... Никак не вздохнёт. Хорошо Максимка придумал, как вытолкнуть. И Петрович, слава Богу, рядом вот оказался.

– А что ты придумал? – спросил «айболит» и с интересом посмотрел на второго мальчишку.

– Мы его перевернули, и дяденька Петрович тряхнул... Я так изюм из бутылки вытряхивал, – ответил Максим.

– Грамотно! Быть тебе травматологом, – рассмеялся «айболит».

– Не, я изобретателем буду.

– Тоже хорошо, – сказал доктор, потом подошёл ещё к бабушке Вере и проверил пульс.

– Здесь всё в порядке, поехали дальше, – сказал он, обернувшись к медсестре, которая держала в руке чемоданчик с красным крестом.

И они уехали.

Дедушка принёс в беседку чай, и все сели за круглый стол, и до самой темноты чаёвничали, – ели варенье и грызли сушки.

А Павлику отдельно заварили ромашку, чтобы успокоить оцарапанное горло, но сушки он не грыз. Плакать страдалец перестал, фонарь под глазом из красно-фиолетового превратился в зеленовато-жёлтый...

В летних сумерках Максим с бабушкой возвращались на дачу.

– Вот бы хорошо – мы приходим, а там мама с папой. Правда, ба?

– Нет, не может такого быть. Рано... Вот в выходной могут. Ну да, скорее всего в воскресенье и заявятся. Как раз и огурчики малосольные будут готовы.

– Здорово. И огурцов хватит, и рыбы я наловлю. Встретим, как надо... А папа будет говорить: куда вы столько огурцов опять засолили, а сам всё и съест.

Бабушка рассмеялась.

– Да уж, папа твой не откажется...

В субботу приехала мама. Одна.

Максим отрегулировал скорость полива теплицы, потом, собираясь проведать Пашку, вышел на улицу, – и заметил, что по дороге идёт незнакомая женщина. Но чем ближе она подходила, тем яснее он узнавал в ней маму. Правда, была она как-то непривычно одета. Раньше для поездки на дачу мама надевала синие джинсы, кроссовки, клетчатую рубашку, на голову – бейсболку, из которой выпускала «конский хвостик». Максим привык видеть её именно такой: молодой, красивой, гибкой и весёлой.

Сейчас же мама была в какой-то незнакомой юбке, в белой блузке с кружавчиками, поверх которой надета ещё и кожаная курточка-спенсер, локоны распущенных светлых волос рассыпались по плечам, на ногах, вместо кроссовок, сверкали шпильки.

Максим рванул навстречу.

– Ма-ма-а-а! – кричал он, раскидывая в стороны руки. – Я тебя не узнал сразу, – забормотал он, уткнувшись ей в грудь, – а где папа?

– Папа... плохо себя чувствует...

– Простыл, что ли, в кризисе?

– Ну да... да – простыл... Как ты тут, мой хороший? Не скучал?

– Скучал, конечно. Ещё как... Мы вас с бабушкой очень ждали.

Идти по улице рядом Максиму нравилось, ему даже хотелось, чтобы все видели, какая красивая у него мама. Его лишь немного смущал новый, непривычный запах, который не перебивал родной, домашний, мамин напрочь, но как-то вплетался и тревожил.

«Наверное, так пахнет новая одежда», – подумал он.

Потом они вместе сидели на террасе, – мама рассказывала о поездке, о пароходе, который похож на целый город, о странах, о море и о том, как повезло с погодой... Потом она достала из сумочки разноцветные проспекты – целый ворох – и протянула Максиму:

– Вот иди-ка, поизучай, – сказала.

И бабушка Геля вдруг вспомнила, что нужно бы Максиму проверить теплицу.

Он взял проспекты и спустился в сад.

Через некоторое время, проверив теплицу и собрав огурцы, он решил похвалиться урожаем и угостить маму, а целый пакет собранных огурцов пусть она возьмёт с собой для папы. «Поест витаминов и быстрее поправится», – размышлял Максим, возвращаясь по тропке. И вдруг он услышал, что мама говорит бабушке какие-то странные слова, говорила она их отрывисто и зло.

– Ну и что?.. Ты ни-че-го не понимаешь...

Бабушка ей возражала тихим голосом, а мама говорила всё громче и громче:

– Что ты видела в своей жизни?.. Что?.. Огурцы... Да с ума можно сойти!.. А я впервые... почувствовала себя женщиной! Понимаешь... Впервые... за двенадцать лет...

Максим замер. «О чём говорит мама и так зло? – в голове его, будто электрические разряды, сшибались её странные слова. – Не может быть! Это она говорит? А, может, эта женщина... не моя... мама?»

Он остановился на тропке, не зная, что делать – идти ли вперёд, или лучше пока вернуться в теплицу? Он почувствовал, что произошло в жизни что-то страшное, что-то вдруг оборвалось и необратимо рухнуло.

– Оставь меня!.. Отстань! Меня ждут... – крикнула мама бабушке и сбегала по ступенькам.

Она увидела Максима и помахала ему узкой ладошкой:

– Сынок, ты пока здесь поживёшь, с бабушкой... Договорились?

Она обняла его и ненадолго прижала к себе.

– Мам, возьми огурцы... папе.

– Потом, ладно, сынок? После...

Она застучала гвоздиками каблучков по плитке. Сынок вышел за калитку и долго смотрел вслед, – дойдя до конца улицы, мама всё-таки обернулась и ещё раз издала помахала вскинутой рукой.

Максим вернулся на террасу, – бабушка Геля сидела за столом. Слезинок ручейками катились по морщинам к подбородку и там соединялись в одну большую каплю, которая шлёпалась на клеёнку.

– Ба, что ты плачешь?.. Ну, не надо, слышишь...

Вечером Максим долго не мог заснуть.

«Что случилось? – думал он. – Бабушка сказала, что родители поругались... Как это? Зачем? И почему мама почувствовала себя женщиной... А кем она чувствовала себя раньше? И где папа?» – вопросы крючками цеплялись в голове один за другой и вытаскивали страшные мысли. «Они разошлись? ...У Пашки родители в разводе, а мама живёт с каким-то Кабановым... Пашка его так называет... Кабанов опять припёрся... меня – к бабушке с дедушкой, ну и ладно, мне даже лучше... противный он какой-то, – рассказывал Пашка. А теперь и я, значит, останусь с бабушкой... Она очень хорошая, добрая, но я больше всех люблю папу и... маму... Зачем они поругались? Так было хорошо нам всем вместе...»

Максим лежал, отвернувшись к стене; широко открытыми глазами он вглядывался в доску, рассматривая затейливые прожилки и тёмно-коричневые сучки. Один сучок похож на собачий нос, другой – на глаз морского окуня, и сам окунь как бы нарисован древесными слоями. И ещё один сучок – любимый – похожий на внимательного аиста, будто опустил он свой длинный нос вниз и смотрит глазками-бусинками... Аист... Или, может быть, – каба...

Веки сами собой начали слипаться, и он незаметно улетел в объятия Морфея.

В соседней комнате долго не спала и бабушка. Она шумно вздыхала, ворочалась, отчего кровать скрипела и стучала.

Но и у неё в комнате в конце концов всё стихло.

Ночное небо летом остаётся светлым, – в нём не видны многие звёзды, лишь Полярная – светит ярко и чисто. И вскоре, розовеет на северо-востоке, ближе к зениту разгорается Венера, переливаясь острыми – то зеленоватыми, то золотыми, то голубоватыми – лучами...

Когда утром Максим проснулся, он понял, что нужно теперь делать.

Ночью ему приснился замечательный сон: будто прилетел огромный аист, подхватил его и отнёс к себе в гнездо, и там согревал, укрыв крыльями. И так Максиму было хорошо с ним, и тепло, и спокойно... А внизу бегали мама, папа и бабушка, – они искали его и никак не могли найти. Но главное – они были вместе.

К вечеру внук исчез.

Бабушка от волнения всё никак не могла сразу набрать номер дочери, – каждый раз, попадая не туда, извинялась, торопливо набирала снова и снова, наконец ей удалось соединиться:

– Срочно... приезжай... Ты мать, или не мать! Максим... пропал... – голос её дрожал и срывался.

Не находя себе места, бабушка Геля кружила по комнатам, заглядывала куда попало и вдруг обнаружила, что исчезла банка с малосольными огурцами, не было и блинов, которые она пекла по заказу внука ещё к завтраку, но он съел всего пару, а остальные оставил, – вот их теперь и не было.

Она немного успокоилась. «Что-то опять придумал? Изобретатель наш... Приедут шчас, пусть сами разбираются...» – подумала бабушка Геля.

Вариант Сидорова

День Российской Армии, а с некоторых пор день этот наподобие женского 8-го Марта стал праздником мужским, ибо по законам диалектики мужской праздник должен возникнуть неизбежно, если есть женский.

Он и возник.

Женщины принялись поздравлять всех мужчин подряд, а не только жителей Марса, видя в каждом представителе сильного пола как бы надёжного защитника и опору.

Такой вот хороший праздник появился в нашей небогатой на незапланированную радость стране.

Государство народу пошло навстречу – назначили день выходным, признав «мужской праздник» официально.

И каждая женщина старалась одарить окружающих её мужчин – как дома, так и на работе – подарком. Всё шло в дело: рубашки, носки, носовые платки, галстуки, ножички перочинные, зажигалки, – да мало ли в наше время можно набрать вещичек, чтобы выразить знак внимания, рассчитав, однако, и на ответный в марте.

Ну а самые умелые и хозяйственные альтруистки пекли пироги, холодец варили, чтобы за праздничным столом стопарь закусить по-человечески – с хренком и удовольствием.

Авениру Колобашкину повезло: к празднику забюллетенил. Болезнь не ахти, – грипп вирусный, второй день температурил, изнутри ломало, сидел дома.

Проблем с лечением не было. Приходила врач участковый, – молоденькая, в очёчках. «Муха-цокотуха», – подумал Колобашкин, задирая синюю майку, сипя прокуренным горлом при вдохе и поёживаясь от холодных ручек с мороза, которыми «муха-цокотуха» помяла страдальцу живот.

– Печень у вас увеличена, – сказала.

– Это у меня с детства, – ответил Колобашкин, подтянул сатиновые трусы и, покраснев от смущения, накрылся до подбородка синим пикеиным одеялом. – Температура у меня... не от печени ведь...

– Не от печени, – согласилась «муха», – вирус. Чаю с малиной попейте, и вот – выпишу вам лекарство.

Пока она выписывала рецепт, заполняла вождеденный «листок нетрудоспособности», Колобашкин думал:

«Вот ведь лекарство чаю с малиной эт месяц не встанешь когда хоть она выучиться успела мелкая совсем лекарство грит а какое тут лекарство оно одно спокон веку стакан надо засадить от простуды первое дело...»

Ещё с прошлого выходного значил Колобашкин в сливном бачке ноль семьдесят пятую на винте, заполненную на треть, и поэтому рекомендации слушал вполуха, нетерпеливо дожидаясь скорейшего ухода «цокотухи»: даже вспотел под одеялом, – то ли от волнения, то ли от температуры. А как ушла, тут же и принял, чтобы болезнь победить в самом её начале.

Однако вирус поселился в Колобашкине зловредный, видимо, не наш, – залетел из дальних стран, из какого-нибудь Гонконга, или Австралии.

Устоял не наш вирус против нашей белой, и Колобашкин велел нынче жене, когда с работы будет возвращаться, зайти с рецептом в аптеку, но намекнул ненавязчиво, что, мол, по дороге в аптеку, зашла бы она и в магазин.

– Лежи уж, в магазин... Нельзя смешивать. Или лекарство, или её, а вместе только хуже будет, – ответила жена Клавдия.

Говорила это она больше для фасону, в глубине души веруя всё-таки тоже в магазин, а не в аптеку. Но коль сказала, что нельзя, значит не возьмёт, – Колобашкин жену изучил.

– Дык, праздник, Клав... – робко вякнул.

– Поговори ещё, защитничек.

Ну и ладно, Колобашкин не обиделся, потому что был у него в запасе ещё один вариант.

Запасной вариант, он же Марлен Сидоров, обитал на пятом этаже, в соседнем подъезде «хрущёбы», и, если выйти на балкон Колобашкина, то влево наискосок будет – Сидорова, покричать можно, чтобы друган, значит, тоже вышел. Но кричать они опасались – уши везде торчат, докричишься моментом...

Прозорливый читатель, думаю, догадался, что специализировался Сидоров на производстве собственного продукта, трудясь, конечно, за рамками правового поля, вызывая нехорошие мысли у людей злобных и завистливых, которых везде и всегда у нас хватает.

Ученик и последователь Дмитрия Ивановича Менделеева деятельность свою не афишировал, диссертаций и статей по примеру великого учёного не писал, но в узком кругу местных жителей был известен и пользовался не меньшей, а может быть, и большей славой, нежели знаменитый химик. Особенно с утра. Ну и, конечно, некоторый доход незаконный предприниматель со своего дела имел. На жизнь и на опыты хватало.

У приятелей существовал условный сигнал: Марлен в знак готовности встретить Колобашкина вывешивал на балконе старую красную майку. Среди беленькой бабьей мелочёвки она сразу бросалась в глаза. Висит – заходи, друг любезный, нет – так нет, значит, и заходить нечего, от дела отвлекать попусту Сидорова нельзя.

Желая проверить вариант, Колобашкин, надев женин байковый халат, изукрашенный мясными розами, вышел на балкон, – всё-таки канун праздника, – и Марлен гадом последним будет, если сигнал не вывесит, тем более зная, что Колобашкин болен.

Страдалец глянул вверх влево наискосок, – балкон Сидорова пуст! Мало этого удара, – внизу по дороге неторопливой трусцой бежал мужик в тенниске, в трусах и в кроссовках, бородатый, лысеющий, наглый.

– Эй! Ты! – закричал Колобашкин, – ты бы ещё трусы снял, чесал бы голяком!

К удивлению, а на резонные замечания Колобашкина, которые любил он делать интеллигентам в автобусе ли, трамвае, на улице ли, обычно никто не отвечал, – глотали молча, этот-то, бегущий внизу, вдруг задрал голову и, грассируя, ответил:

– Заткнись, пгидуток!

Авенир даже подпрыгнул от неожиданности, а потом от злости плюнул вниз бычком, – не попал, начал шарить глазами, чем бы ещё пульнуть в бегуна, увидел старое эмалированное ведро с гнилой картошкой, которую сберегал для Сидорова, и, выхватывая оттуда твёрдые, будто ядра, замёрзшие картошины, принялся метать вслед убегающему в трусах.

– Я те побегаяю, – кричал Колобашкин, – чтоб ты яйца отморозиил!

Картошины, звонко стучаясь об асфальт, катились к обочине; ворона, пролетая, возмущённо каркнула и скрылась за углом дома; чёрная кошка, вытянув палкой хвост, торопилась перебежать дорогу и скрыться в подвале.

Колобашкин вернулся в комнату, – от негодования и температуры защитника нравственности трясло.

Авенир думал:

«Это ж надо мать их дожили бегают без порток по городу чего хочет показать смотрите мол какой крутой а никакой снял бы трусы посмотрели чего у тебя там нет там ничего у тебя видимость одна бегают как дурак или костюм спортивный бы надел специально выпускают если бегаешь а то в трусах бегит гад психованный жалко я его картошкой не достал по кумполу враз бы остановился а то бегит куда-то...»

Пытаясь прикурить, Колобашкин дрожащими пальцами ломал спички о коробок, после выбил его сам у себя из рук, пнул ногой, от чего тот шайбой залетел под газовую плиту.

Злоба и сознание собственной правоты требовали собеседника, – решил позвонить жене на работу.

– Колобашкину мне...

В трубку сквозь треск и шум прорывались чужие голоса, смех, музыка, какой-то грохот.

– Кого вам?

– Колобашкину...

– Кого, не понял?

– Колобашкину, Клавдию, из формовки...

– Аааа, щас позову...

К лежащей трубке там несколько раз подходили, спрашивали: «Кого?»

– Пошли за ней. Положите трубку, – сердился Авенир здесь.

Донеслось наконец с того конца, как с того света:

– Алё, слушаю...

– Это я, Клава. Что-то голос у тебя не такой?

– Чего?

– Голос, грю, не такой...

– Что ты бормочешь там? Говори громче.

– В аптеке была?

– Была.

– Ну, это хорошо, ладно. А я тут, знаешь, выхожу, это, на балкон, а внизу мужик в трусах бегит.

– Зачем ты на балкон попёрся с температурой?

– Да подожди ты. В трусах, грю, одних чешет... Прикинь? А если все начнут по улице зимой, ха-ха-ха, в трусах, ах-ах-ах... Кха-кха-кха...

– Чо ты несёшь там, в каких трусах? Ты температуру мерил? На балкон зачем-то попёрся... Чо звонишь-то? Мне же некогда, я и правда думала, случилось чего, а он на балкон зачем-то попёрся. Ложись и температуру померяй, перезвоню в обед.

– Слушай, Клавдия, может, зайдёшь на Ленина, возмёшь одну, праздник всё ж таки. А, Клава?

– Ложись и не дёргайся. Температуру, говорю, померь...

Клавдия положила трубку, и разом оборвались шум, треск, и разговоры чужие, и музыка, – в ухо затукали короткие гудки чисто и ясно.

Авенир лёг на тахту, накрылся одеялом, вставил под мышку градусник и затаих; закрыл глаза: в темноте слева направо пролетали золотые пчёлки, шарики катились, червячки скрюченные ползли – медленно, слева направо, слева направо. Голова гудела, спину ломило, позвоночник будто жевал кто, ноги стыли.

Колобашкин думает:

«Так и копыта отбросишь ну Марлен Менделеев хренов уж за ради праздника и то не вывесил может уехал куда да ну куда он уедет небось поставлено у него а может заболел как и я или с бабой чего случилось но это вряд ли с такой как у него ничего не случится как она полицемеров-то выгнала идите грит отсюда у одного даже погон оторвала она сразу просекла что за деньгами приходили крохоборы проклятые интересно кто настучал вот люди сами пользуются сами и серут...»

Колобашкин приоткрыл глаза, достал градусник – тридцать восемь. Так-то ничего, ноги вот только мёрзнут.

Он встал, открыл шкаф и начал дербанить клубок носков, вытягивая то один, то другой, но попадалась всё рвань, наконец, нашёл шерстяные, правда, разного цвета, – да ляд с ними! лишь бы грели, – и опять улёгся, задремал.

Угревшись, спал часа два, снов не видел, а когда проснулся, чувствовал себя бодрее, сразу захотелось встать, курить захотелось, чаю выпить, одна беда – поговорить Колобашкину не с кем. Не жене же опять звонить.

Закурил и, решив поставить чайник, двинул на кухню, там несколько раз наливал и выливал воду, – казалось, что в чайнике плавают дрянь какая-то; включил радио – симфония ныла зубной болью, вывернул ручку обратно.

Подошёл к балконной двери и, стараясь увидеть балкон Сидорова, прижался лицом к стеклу, сплющив нос и щёку, скосил глаза, но всё равно, – обзора самую малость не хватало.

Колобашкин думает:

«Надо выходить а выйдешь опять что-нибудь приключится дурак какой-нибудь настроение испортит да и остыть можно ну а што делать надо выходить...»

Авенир открыл дверь, высунул голову, – и был вознаграждён за смелость, – на сидоровском балконе флагом на ветру моталась красная майка.

Думает Колобашкин:

«Ё-моё а я тут чайник ставлю он может давно повесил ждёт праздник всё ж таки а я тут не знаю чем заняться Марлеша хороший он друга помнит не как некоторые он в праздник о больном друге вспомнил плохо мол другу если друк оказался вдрук а я усомнился чего это он а он ничего это я чего а он в порядке как всегда...»

Колобашкин засуетился: натянул брюки, надел свитер, замотал шею шарфом, да, накинув пальто на голову и просовывая руки в рукава, неудачно повернулся, – в спину вступило, – и так, скособочась, поковылял в соседний подъезд.

У заветной двери, позвонив условным сигналом, – два коротких, один долгий, – Колобашкин прислушался. За дверью прошлёпали шаги.

– Хто?

– Эт я – Веня, с праздником пришёл поздравить.

– Выздоровел? – спрашивал Марлен, открывая дверь. – Заходи, заходи. Никого там нет за тобой?

– Нету. Как сам-то?

Вместо ответа Марлен только рукой махнул.

– Что случилось?

– Не спрашивай, Веня...

– Да в чём дело, Марлеша? – не на шутку перепугался Колобашкин, видя, как друг смахнул указательным пальцем набежавшую вдруг слезу.

– Т...т...танька... Таньк...к...к...у сбило ... камазом
Сдерживаясь, Марлен гукал носом, плечи его вздрагивали, и он разрыдался.

От неприятного сообщения, а Колобашкин никак не ожидал, что застанет приятеля в таком состоянии, да ещё накануне праздника, – в носу защипало, и в глазах навернулись слёзы.

– Жива хоть? – выдавил он из себя вопрос.

– П...перелом бедра у ней...

– Когда случилось-то?

– Третьего дня.

– Вместе со мной. Меня, значитца, вирус свалил, её – камаз. Это день был, етит твою, неблагоприятный. По телику ещё говорили...

Марлен справился с волнением, а, успокоившись, через некоторое время мог уже говорить.

– Это я виноват, из-за меня она пострадала. Послал в аптеку за марганцовкой. Да, говорю, быстрее иди, у меня же процесс идёт, а марганцовка закончилась... Она и пошла напрямик через дорогу, а этот прёт, как танк, ну и зацепил...

– В суд на него подай!

– Не на кого подавать: расшибся камаз-то, с дороги съехал и вдребезги...

Приятель прошёл на кухню. В мойке громоздилась куча невымытых тарелок, в липких разводьях на полу отпечатались ступни босых хозяйских ног, на столе валялись очерствевшие корочки хлеба, пепел, рыбий плавник присох к клеёнке, – кухня без хозяйки, что корабль без капитана...

Наверху, под потолком на буфете, стояли полные трёхлитровые банки с натянутыми на горловины резиновыми перчатками. Некоторые из них свисали набок, другие же, – надутые, слегка покачивались пятернёй, будто посылали привет. То, что созревало в банках, ещё в советские времена так и называли «Привет Горбачёву», но нынче про антиалкогольного Горбачёва народ стал забывать, и в названии осталась только первая часть.

– Куда это ты «привета» столько поставил? – спросил Колобашкин, кивнув головой в сторону банок.

Марлен замер. Он как будто не ожидал такого вопроса, но приятель, сам того не ведая и не вкладывая в вопрос никакого скрытого смысла, или иронии, тем не менее, задел ненароком тайную струну.

Сидоров помолчал, медленно поднял голову, посмотрел с тревогой на банки и тихо произнёс:

– Это, Веня, для опытов, провожу эксперимент...

– Ааааа, – потянул Колобашкин, – понятно...

Между тем, Марлен достал из холодильника красивую бутылку из-под заморского напитка, – стекло сразу запотело, и через некоторое время бока её заслезились каплями. Колобашкин всё поглядывал на них и чувствовал, как от одного только созерцания прелестной посуды сводит скулы, – а Марлен рядом с бутылкой положил ещё и крендель колбаски ливерной.

– А в меня вирус, етит его, залетел и живучий такой... Ничем не ущучишь.

Колобашкин шмыгнул носом от обиды и ещё кашлянул для убедительности.

– Против моей не устоит, ты и в голову не бери, – говорил Сидоров, споласкивая стаканы, – их он содержал всегда чистыми, чтобы прозрачность продукта была видна.

Разлил из запотевшей – и правда слеза – ну, Веня, с наступающим нас! – Взаимно, Марлеша!

Ёкая селезёнкой, Колобашкин в три глотка выпил, поставил стакан, глаза покраснели и, шумно выдохнув, утёрся ладонью, крикнув:

– Ну, брат, роса...

Марлен же выпил совсем немного, – так пригубил только, будто пробу снял.

– Ничего, однако...

– А я сегодня валяюсь, болею, праздник всё ж таки, думаю: как там Марлен? Выхожу на балкон, а он бегит.

– Кто?

– Да псих один, бородатый, в трусах. Я ему, значица, кричу с балкона, а он меня оскорбляет такой. А? Это я, грю, если все в трусах по городу? Ну, если все-то, а, Марлен? Рази я не прав? Ты скажи... Должен быть порядок, или кто чего захотел, то и делай! Это мы, етит так, до чего дойдём?

По мере того, как блаженное тепло разливалось внутри Колобашкина, он становился болтливей, да и вирус, видимо, погибал, – легче дышалось, нос подсох, спину отпустило, и голова так противно уже не гудела.

Но Сидоров сидел тихий и какой-то подавленный.

– Марлен, ну чего ты? Я понимаю – Таньку жалко, конечно, – продолжал распинаться Колобашкин, – а что поделаешь? Я думаю, – срастётся, она ж молодая ещё, здоровая, ещё спляшет.

А Марлен как-то странно смотрел, будто что важное хотел сказать, хотел, но не решался. Потом молча встал, пошёл к буфету, и там, засунув руку – за, извлёк бутылку, «бомбу» зелёную.

– Куда ты её? Эту ещё не кончили, – радостно встрепенулся Колобашкин. – Правда, праздник всё ж таки, ну, ты, блин, даёшь!

– Ты, Веня, погоди... Эту, может, и пить-то нельзя.

– !?

– Я и сам не пойму, что сотворил.

– Сидоров говорил серьёзно, а лицом даже побледнел, осторожно ставя новую бутылку на стол, ближе к стене.

– А на кой ты её выставил?

– Увидишь.

Колобашкин размазал во рту кружок ливерной колбасы, – прилипнув к нёбу, она никак не глоталась.

– Давай жа Ташьяну терь выпем, – с трудом ворочая языком, предложил Веня, – пусть у ней, жнашица, фсё шраштёча...

Выпили за Татьяну. Марлен пригубил, Колобашкин стакан ополовинил. А ставя его на стол, коснулся глазом на новую бутылку и вздрогнул, – стояла она у стены, и, хоть зелёного стекла, но всё равно стена должна быть видна, а тут, – будто провал за нею образовался.

Марлен заметил удивлённый взгляд Колобашкина и покивал головой:

– Во-во, Веня, правильно усёк. Ты думаешь, я её случайно за буфет убрал? Неет, брат, тут не так всё просто...

Он передвинул бутылку на середину стола.

– Глянь-ка.

– Ё-моё, едрит твою, Марлеша, – заморгал глазами Колобашкин.

Взгляд, проходя сквозь, проваливался в бездну, которая клубилась молочно-сияющей субстанцией.

Колобашкин отодвинул бутылку опять к стене и, стараясь не глядеть на неё, молча допил остаток в стакане.

– Из чего? – спросил он Сидорова, кивнув головой в сторону загадочной ёмкости.

– Трудно сказать, Веня. Сейчас сам не знаешь, чего жрёшь. Картошка там с нитратами, томат-паста украинская верняк с радиацией, рис с гербицидами, а вода... Вода-то из крана, – Марлен рукой махнул. – Сейчас чистого эксперимента не поставишь. Это Менделееву хорошо было, всё по таблице, а мне, знаешь, того-этого...

– Дак чего теперь делать-то?

– Не знаю.

– А на вкус пробовал? Может, ничего она?

– Не решаюсь...

С этими словами Марлен взял бутылку и налил содержимого на две трети в стакан, потом осмотрел внимательно стол, будто ища что-то, но, видимо, не найдя – и ладно, – то, что хотел, подобрал чайную ложку и быстро сунул её в стакан.

Ложка мгновенно исчезла.

– Иде она? – вытаращил глаза Колобашкин.

– Не знаю...

Колобашкин судорожно сглотнул, быстро отрезал ножом кружок колбасы и тоже бросил в загадочный стакан. Колбаса исчезла, – лишь на поверхности образовалась неглубокая воронка ли, прогиб ли, – поверхность еле уловимо колыхнулась.

– Это что же, она всё емлет?

– Всё, – утвердительно кивнул головой Сидоров.

Тут надо заметить, что действие традиционного напитка, который употребили друзья, – Марлен, чтобы унять тоску и беспокойство, Веня, чтобы заморский вирус победить, – сказывалось. Особенно было заметно по Колобашкину. Он раскраснелся, глаза блестели, движения обретали свободу, мысль – лёгкость.

– Эх, этого бы зелья в ванну налить, – мечтательно произнёс он.

– Зачем?

– Дак ведь это... я бы этого психа в трусах бородатого туда бы посадил, и – фьють! Или ещё какого дурака нашёл. Их ведь сейчас вокруг мнооого бегают. Или, к примеру, в окоп налить – так враги туда и попадают, так один за одним, один за одним. А? Дак покруче таблицы Менделеева твоего будет. Тебе, если разобраться, цены-то нет. Ты, Марлен, не тут должен сидеть, на кухне вонючей, а в Кремле! Тебе лабалаторию должны дать... Давай за тебя выпьем, за светлую твою голову... Ну, будь здоров! Эах! Хорошо пошла!

Колобашкин устремил заслезившиеся глаза кверху – на буфете, с банок, будто приветствуя и одобряя, покачивались жёлтые пухленькие пятерни. Он им тоже помахал ответно: благодарю, мол, за внимание.

– И такой человек – мой друг! Сидит здесь скромно, отмечает праздник, а жену дак вообще машиной сбили! А вас, что тебя, что её, без охраны и выпускать нельзя... Кто идёт государственные люди идут Марлен Сидоров с супругой... Знай наших! – Колобашкин погрозил кулаком в пространство. – Идут себе гуляют и не хрена на машинах тут ездить перекрыть движение есть перекрыть движение а энтото в трусах расстрелять Татьяна Ивановна смущаица флаги государственные вывесить и оркестр чтобы играл духовой...

От воображаемой картины Колобашкин пришёл в полный восторг, вскочил с табуретки, размахивал руками, кричал, попытался даже завести песняка, но Сидоров не поддержал, – сидел всё такой же печальный и сосредоточенный.

– Марлен, я знаю, почему ты такой! Ну хошь, я её выпью? За ради друга – не побоюся. Хошь? А?

– С ума сошёл? Брось, Веня, чудить.

– Я не чудю, я, если другу надо, я...я... да чего там!

Колобашкин схватил загадочный стакан, поднял локоть, оттопырил мизинец, – и Сидоров не успел не то, чтобы помешать, а и слова молвить, – опрокинул содержимое в глотку.

– Нелрам, Нелрам, ыт йишорох, – забормотал Колобашкин, будто фары глаза пуча, – ыт янем ляноп? Ляноп, Нелрам?

Марлен, дрожа челюстью и стуча зубами, с перепугу бледный, непослушными руками пытался поймать Колобашкина, который на глазах исчезал, уменьшаясь, перетекал куда-то в другое измерение ли, пространство, возможно туда, где пересекаются пресловутые параллельные прямые...

Глаза Колобашкина после загадочного напитка вылезли из орбит наподобие стрекозьих, и теперь, глядя новыми, ячеистыми, он с трудом ориентировался – то ли по дороге идёт, то ли парит над нею, – обозревая удивительное пространство на многие годы вперёд и назад.

Мелькнул папаня в окопе, ефрейтор Колобашкин, – палил в немца одиночными, – вился синеватый дымок между двух красненьких лычек; а чуть дальше, он же, конопатый, голодный мальчонка, бежал берегом синей Волги, пытаясь поймать белую, лохматую козу за титьку, чтобы напиться дармового молока. «Федькяааа! – слышался над рекой голос бабушки Фёклы, – сукин сын, брось животину мучиииить!»! А дед, и его узнал Авенир, сидя среди распаханного поля под одиноким развесистым дубом, пластал леца величиною с тазик, вставляя для просушки деревянные распорки. Он протягивал Федьке рыбий пузырь на забаву. Авенир пролетел мимо – дальше, дальше, за Волгу, к Камню, где собирал свою армию Пугач, хмельную и разбойную. И кто-то, уже вовсе безымянный, бился среди визжащих баб на кулаках, брызжа соплями, зубами и кровью...

В ужасе Колобашкин стрекозою мчался обратно. Под дубом шлёпнулся около дедушки перевести дух. Старый тут же встрепенулся:

– Поправица желаю с похмела, нет ли гривен шести – душу отвести?

Веня дал юбилейный, посвящённый Тарасу Шевченке, блестящий рубль.

– Шалды-булды, начики-чикалды... Толды-болды, бух, бух, бух! – топал дедушка в чёрную землю лаптем и вертел леца на верёвке.

«Такого бы леца нам на Ленина в “Живое пиво”», – отметил про себя Колобашкин и понёсся вперёд, только в ушах засвистело.

Он пролетел над дорогой, где увидел злополучный камаз и несчастную Сидорову Татьяну, он кричал, чтобы береглась, ибо он-то знал, чем всё закончится, но неведомая сила уносила его дальше и дальше, – в светлую даль, и, если там, откуда он летел, мир выглядел кудрявее и гуще, людей было побольше, солнышко сияло жёлтенькое, то здесь – пустынно и призрачно.

Неведомые перначи летели навстречу, и, мать честная! среди них, медленно взмахивая белыми руками, его... Клавдия. Она правила к развалившемуся храму, видимо желая отдохнуть на пустой колокольне, а за нею – по-петушиному торопливо, вытянув тонкие ноги в кроссовках, пристроился пернач с бородатой рожей давешнего бегуна.

Колобашкин думал:

«Ты мне дашь сёдни покой псих бородатый или нет и Клавка тоже хороша я болею а она летает непонятно где то-то её весь выходной не было грит в баню пойду знаем мы эту баню».

– Отпусти птицу! – закричал, что было мочи Колобашкин. – Топтун не насытнный.

Но, то ли не слышали они, то ли звук здесь не распространялся, – внимания на Колобашкина никто не обратил, будто и не было его.

А он не заметил, как оказался и вовсе в пустых пространствах, где ничего, кроме песка да голых, почерневших деревьев не существовало, и лишь тихий ветер поднимал прах, завешивая горизонт, будто занавесом, серой пеленой.

«Господи, конец света ли што?» – глядя на чёрное солнце-дыру, подумал Колобашкин и в страхе повернул обратно...

Сидоров, потрясённый внезапным исчезновением приятеля, терзаясь собственной виной перед ним, но в самой глубине души – безмерно гордый, как и всякий изобретатель, ощутил, однако, свою покинутость в этом мире и странную жуть.

Он осторожно, двумя руками взял зелёную бомбу и перенёс её обратно за буфет.

Через распахнутое окно в кухню вползал холод.

«Почему же окно открылось?» – думал Марлен. Он подошёл и попытался закрыть раму, но в ней вдобавок не оказалось стекла.

«Колобашкин сиганул?» – недоумевал химик и выглянул наружу, но за окном ничего и никого, кроме раскидистых веток старой липы, не обнаружил.

На скорую руку он решил завесить дыру одеялом.

На кухне стало чуть теплее, но темновато.

И в полутьме привиделась ему Татьяна, – будто стоит у раковины и посуду моет. И так ему стало тоскливо, что захотелось её увидеть въяве, услышать голос, как она кричит на него из-за какой-нибудь ерунды, а он даже не может понять, о чём крик, потому что думает о своём: о пропорциях и соотношениях, о загадочных превращениях одного, изначального, в совершенно другое, о непознаваемости волшебного химического мира, – так захотелось, что в организме его, будто сама собой, произошла химическая реакция, и он действительно увидел её, – лежит Татьяна одна одинёшенька в гипсе, с поднятой косо белой ногой на растяжке, в больничном коридоре, и будто бы зовёт его чуть слышно, шевеля сухими губами. Ясно так увидел.

«Значит, ещё не перевели в палату, – подумал Марлен, – а ведь я столик дежурной медсестре сунул... Нет совести у людей».

Между тем, у подъезда дома, где некоторое время назад сидели приятели, – собирался народ.

Непредвиденному сходу граждан служил вид странного человека, висящего на толстых ветвях старой липы, которая чудом уцелела от некогда роскошного парка графа Разумовского, а ныне росла вровень с «хрущёбой», и вот – уберегла кого-то раскидистыми, крепкими ветвями.

Граждане взволнованно обсуждали висящего, строили предположения, – сорвётся мужик оттуда, или так и будет висеть?

Местные старушки опознали в несчастном Колобашкина из тридцать второй квартиры, мужа Клавдии.

Но разбитое окно кухни на пятом этаже, занавешенное почему-то одеялом, навело пронизательных граждан на мысль о том, что мужика в это окно выбросили, или сам он выпрыгнул «по пьяни», да вот – застрял в ветвях.

– Жив ли?

– Вроде живой.

– Не шевелится только.

– Шевельнись там – сейчас тут будешь.

– Дааа, метров шесть лететь.

– Если кирной, то ничего, а тверёзый – убьётся. Однозначно...

– В полицию надо звонить.

– Не в полицию, а в эмчээс, чтобы с лестницей приехали.

– Они всегда с лестницей ездют...

– Звонят уже вон...

И действительно, через некоторое время пустынные днём улицы огласила включённая во всю мощь сирена, – на большой скорости к месту происшествия подъехала красная пожарная машина. Из неё, как опята с пенька, высыпали розовощёкие пожарные и засуетились вокруг дерева: одни отгоняли старушек, другие зачем-то разматывали пожарный рукав, а вверх, утробно бурча и поскрипывая, целя прямым в нашего героя, поползла блестящая лестница.

Когда Колобашкин приоткрыл один глаз, то увидел перед собой незнакомую рожу в каске.

– Эй, дядя, – проговорила каска, просверкав стальными зубами, – живой?

Колобашкин разлепил второй глаз и, озираясь, кивнул головой. То, что жив, он понял, но вот, где находится – нет. Он глянул вниз и от страха зажмурился.

– Не бойсь, керифан, щас мы тебя снимем. Ты где живёшь-то?

Не открывая глаз, Колобашкин невразумительно замычал. А снизу жужжала остроухая старушка:

– Да наш он, наш. Колобашкин ето, ш третьего подъезда, Клавдии мужжжж...

– Это надо ещё разобраться, кто чей муж, как он попал туда? – строго спрашивал лейтенант оробевшую старушку, указывая пальцем на висящего.

А с дороги уже заворачивал к дому бело-синий полицейский «козёл».

– Едут, едут... Полиция...

Народец подался ближе к подъезду, к двери, чтобы в случае чего вовремя слинять.

Наконец, не без труда, Колобашкина отцепили и, выпростав из веток, медленно начали спускать по лестнице вниз головой.

Из «козла» выскочил капитан Зрелов, – попирая землю упругими, кривоватыми ногами, мгновенно оценил обстановку: мысленно наметил двоих из толпы, коих следует взять понятами, зафиксировал внимание на разбитом кухонном окне в квартире пятого этажа, скомандовал пожарным:

– Переверните объект, если живой!

Публика поддержала:

– Действительно, держат, что бревно...

– Ни стыда, ни совести...

– А им всё равно...

Пожарные, кряхтя, принялись переворачивать, механизм скрипел и качался, но тут надо отдать им должное, – не уронив ни спасаемого, ни

профессионального достоинства, – они, в конце концов, водрузили тело на подставленные внизу носилки.

И теперь следовало решить, куда везти человека: то ли в больницу, то ли в полицию.

Мнения разделились. Подошёл капитан Зрелов, наклонился над нашим героем, – в нос шибануло такое амбре, что капитан резко, как от удара, выпрямился.

– Отставить разговоры! Везти к нам.

– Там разберутся, – успокаивал лейтенант-пожарный зашумевших граждан. – Разойдёмся... Пройдите, пройдите, бабушка...

– Жнаем мы, как там ражберутша.

– Ни за что человека взяли.

– Нет такого закону.

– У них ТАМ – всё есть...

– Отставить разговоры! – прикрикнул капитан на недовольных граждан.

Два суетливых сержанта подхватили носилки и трусцой понесли к машине, где у отверстой дверцы Колобашкин приподнял голову и сказал:

– Нелрам, етит твою тьам...

Сказал и уронил голову; тело толкнули внутрь.

Оформлять протокол не стали, но понятых, двух старушек, забрали с собой.

Колобашкин лежал внизу на носилках, лицо его было спокойно, но чуть бледновато, капитан Зрелов время от времени с беспокойством поглядывал на задержанного: не дал бы мужик дуба, – но беспокоился зря! Колобашкин мирно спал, ибо уже наперёд знал, что с ним будет, а наблюдать происходящее во второй раз не хотелось. Устал он...

Машина тронулась, но, чуть отъехав от места происшествия, остановилась, потому что участковый Синяк обратился к капитану Зрелову с личной инициативой.

– Трц капитан, разрешите остаться?

– !?

– Я так считаю – за квартирой на пятом надо понаблюдать.

Капитан долго не думал.

– Выполняйте! – оценил инициативу капитан Зрелов.

Сержант Синяк выпрыгнул из «козла» на тротуар, а машина покатила в отделение теперь уже без остановок.

...Там, куда привезли Авенира Колобашкина, – сотрудники полиции даже в канун праздника находились все на местах согласно штатному расписанию. К празднику ожидали кто перемены, кто званий, а кто и наград.

Поморгав глазами, почти протрезвев, Колобашкин увидел вокруг привычный мордострой, а не фантастические картины и оживился:

– Вы чо, ребята? Эё-эй, чо ты мне руку-то крутишь? Отпусти, слышь! – незлобиво, и даже внутренне посмеиваясь, притворно заныл Колобашкин.

– Молчи, урод! – зло прошипел тот, который заламывал руку, однако, усилие ослабил.

– Гражданин начальник, прикажите отпустить... Чо я сделал-то? А? Я домой шёл.

– Почему в рабочее время не на работе? – строго спросил капитан, к которому Колобашкин обратился, как к гражданину.

– На бюллетне я... болею, озрзе ...

– Больничный лист с собой? – продолжал задавать вопросы капитан.

– Да откуда! Дома на тумбочке лежит, гадом быть, если вру. Я ... это... пошёл друга навестить, – начал было раскалываться Колобашкин, но вовремя сообразил, что запахло сдавать Марлена. Пленник поёрзал на деревянной, отполированной многочисленными задами, скамье, закрыл рот и тупо уставился на капитана.

– Значит, тебя государство лечит, плотит тебе, значит, деньги, а ты ходишь по друзьям и жрёшь до одури хань.

– Почему до одури? Я чуть-чуть только... Чтобы вирус убить.

– А зачем ты на дерево влез?

– На какое?

– Дурака-то не валяй. На какое? Ишь, не знает он, – капитан хлопнул ладонью по столу. – Тут я вопросы задаю!

Колобашкин вздрогнул.

– Как фамилие?

– К...колобашкин с утра было, – попытался шутить Авенир.

– Оформляйте, – кивнул головой капитан сержанту, который сидел за небольшим столиком у компьютера и до команды капитана внимательно рассматривал что-то на своём пальце. На голос командира писарь встрепенулся, быстро вытер палец о стол и начал молотить по клавиатуре.

– Колобашкин... Авенир... Фёдорович, – диктовал капитан. – Русский... Проживает...

Чем больше проникался Колобашкин серьёзностью момента, тем скорее его, поначалу игривое, настроение улетучивалось. Он с беспокойством поглядывал по сторонам, – нельзя ли отсюда как-нибудь смыться, но выхода не видел. Кругом, на всех отверстиях – окнах, дверях, перегородках с проходками – стояли решётки, выкрашенные, видимо недавно, к празднику, небесно-голубой краской.

Колобашкин думал:

«Занёс же дьявол будь неладен тоже мне оборотни в погонах дело шьют эдак каждому можно дело пришить нет чтобы психов бородатых по городу ловить они честных людей хватают Таньку бы сюда она им бельма-то повыцарапала пообрывала погоны или за камазами своими смотрели а то людей сшибают ничего нога вот у ней срастётся...»

– Чего ты там бубнишь? – спросил заплечный и начал опять ломить Колобашкину руку.

– Ой, эй, отпустите же!

– Зубков! Без команды чтобы ни-ни, понял? – распорядился капитан.

– Живи, урод, – прошипел заплечный тихо, так, чтобы слышал только один Колобашкин, и прежде, чем отпустить руку, ломанул её сзади вверх так, что у задержанного, вместо искр, из глаз брызнули слёзы. А сам, как ни в чём не бывало, отошёл к писарю, который, несмотря на молчание задержанного, всё это время выбивал ловкими пальцами дробь протокола.

– Не имеете права, – канючил Колобашкин, – нет таких прав, чтобы людей хватать... Чо я сделал-то?

На публику работал Авенир, а про себя решил, что Сидорова он ни в коем случае не выдаст.

Он думал:

«На-ка выкуси начальник хренов так я тебе и рассказал всё друзей не сдаю если друг оказался вдрук...»

Вывернутую, и теперь болевшую руку, Колобашкин сунул в карман, и там, в кармане, сжимал крепкий невидимый кукиш.

«Мы друзей не сдаём это не у вас тут на-ка на-ка вот!» – упорно сжимал он тайную фигуру в кармане.

Вдруг на столе у капитана зазвонил телефон.

– Капитан Зрелов... слушает...

Отделение полиции, руководимое капитаном Зреловым, по итогам года вышло в области на первое место со всеми вытекающими последствиями, о которых и сообщили капитану пока по телефону.

Колобашкин сразу почувствовал перемену настроения у начальства.

– Гражданин начальник, – осторожно начал он, – т...товарищ капитан, – поправился и, видя, что уже как бы прощён до такой степени, что может называть капитана и «товарищем», продолжил:

– Я заявление хочу сделать.

– Какое заявление?

– Устное можно?

– Валяй...

– Я сегодня... это... был оскорблён, как гражданин. На балконе, с утра, получил оскорбление личности. Я же на бюлетне... это... вышел на балкон, ну... мало ли чего там, а он бегит.

– Кто?

– Да этот, бородатый, в трусах одних, можно сказать прелестями на всю улицу трясёт... Я ему, конечно, замечание сделал, а он мне – оскорбление личности... унизил... как гражданина. Вы бы... это... меры приняли.

– Ну, он же не голый бежал.

– В трусах одних... Но зима ведь, товарищ капитан, псих он, а бегаёт свободно.

– Ладно, Колобашкин, разберёмся. А сейчас вали-ка ты домой, пока я добрый. И больше чтобы сегодня ни-ни, понял – нет? Хотя праздник, конечно, большой.

– Понял, товарищ капитан. С праздником тут вас всех, ребята! Дело, которому служишь! Есть! – вскочив со скамьи, отрапортовал Колобашкин, после, как ему показалось – по-военному чётко, повернулся, а заплечный с искренним сожалением открыл решётку.

«Оборотень в погонах», – подумал Колобашкин, стараясь побыстрее пройти мимо.

Две старушки, которых взяли понятиями и о которых все давно забыли, сидели в комнате отдыха. Они смотрели телевизор. Уже показывали праздничный концерт, и старушки гадали – выступит, или нет Галкин. А после Галкина решили идти домой. В праздник, мол, и полиция отдыхает, и зачем только привезли? Непонятно...

Опамятовался Колобашкин на улице Ленина. Шёл вроде бы домой, а вот откуда, – помнил с трудом. Вроде бы сидели на кухне с Сидоровым, выпивали вроде в честь праздника, и принимал организм, как никогда хорошо, а вот, ЧТО дальше-то случилось? Неужели, правда?! Да нууу... Набьётся же в голову.

Думал Колобашкин:

«Температура ещё эта или вирус в натуре гонконгский залетел холодаёт однако не простыть бы и Клавдия уже дома наверное шас разорёца...»

Время действительно было позднее, мороз к ночи крепчал.

Клавдия, перегорев ненавистью к отсутствующему «имениннику» и устав ждать «паразита», укладывалась спать.

Колобашкин от холода чуть ли не вприпрыжку уже подходил к дому, когда вдруг увидел у родного входа опять полицейскую машину. Бело-синий «козёл» светил подфарниками, а от соседнего подъезда участковый Синяк вел Марлена.

Отступая за угол дома, Колобашкин думал:

«Господи твоя власть сюда добрались неймётся озверели совсем ни дня ни ночи ни праздника».

Сидорова затолкали в машину и туда же забросили мешок, в котором жалобно дребезнуло железо.

«Аппарат изъяли», – мелькнуло в усталой голове Колобашкина, с ужасом следившего за происходящим из-за угла.

«Козёл» от включённой передачи вздрогнул и исчез в морозной темноте, увозя великого химика в казённый дом навстречу тюрьме ли, суме ли, судьбе ли. Кто знает...

А Колобашкин, трясушейся от нетерпения рукой, совал ключ в замок квартирной двери, чая наконец скрыться в родных стенах, пасть в объятия Клавдии, да и лечь уже хотелось, – ноги еле держали от усталости, а тело трясло от впечатлений.

В темноте нащупал выключатель, но потом решил света не зажигать, тихо прошёл в комнату, – и тут-то свет включила сама Клавдия, вертанувшись, прыгнула пружиной с семейной тахты.

Колобашкин, ожидая удара, втянул голову в плечи – и широко открыл удивлённые глаза.

Посреди комнаты стоял стол, на котором были расставлены тарелочки с закуской: селедочка разделана жабрами в растопыр, салатик оливье и колбаска докторская, и янтарные шпроты, и сыр треугольничками нарезан, а венчала всё великолепие бутылка «Золотого кольца» на винте.

Мало этого, – над столом на люстре висела металлическая клетка, в которой от яркого света встрепенулось некое живое существо. Подняв жёлтое перо на макушке, нахохлив спину, пернач, будто срыгнув, провякал мучительно знакомым голосом:

– К-то пги-шол?

– Спи, мой хороший, спи птичка. Мы его, паразита, сейчас обратно отправим, где был. Где ты бродишь!? По-человечески никак не можешь? Все нервы мне измотал! Я думаю: где он? Что он? Подарок, думаю, к празднику, чтобы не скучно ему было... А он пошёл бродить! Он своё везде найдёт... Даром, что больной...

И долго ещё Клавдия кричала на нескладного мужа, он не возражал, а что тут возразишь? – зная, что пока пар не выпустит, не остановится. А так-то баба она неплохая, добрая. Простит.

Через неделю Колобашкин вышел на работу. Но на душе не было покоя, – квартира Сидоровых так и оставалась пустой, будто бельмом подмигивала кухонным окном, завешенным одеялом.

«Где же Марлен? Что случилось?» – думал Авенир и не находил ответа. Химик как сквозь землю провалился.

Через две недели, к 8-му марта, окрепший Колобашкин подарил Клавдии телевизор. Плоский «Самсунг» повесили на кухне, чтобы жена, не отвлекаясь от домашних дел, спокойно смотрела свои любимые сериалы «про любовь».

Сам же Колобашкин предпочитал сериалы, «где стреляют». Теперь никто друг другу не мешал.

Бородатый бегун в трусах, лысеющий и наглый, всё так же нарезал круги вокруг дома. Колобашкин пока смирился, воспринимал бегуна как деталь уличного пейзажа и претензий не предъявлял.

Волновало другое – войска НАТО приближались к границам...

Но среди тревожных новостей всё чаще появлялись и странные. Глядя в телевизор, а иногда и по радио Авенир всё чаще их слышал.

Вот из Латвии:

«...Пока моряки с 26 военных кораблей НАТО и ЕС репетируют в Вентспилсе в рамках учений “Open Spirit”, где, по словам мэра, они в пьяном виде мочились в общественных местах и на витрины, их тошнило, они употребляли алкоголь в общественных местах, что у нас не разрешено. Также они рвали цветы с клумб, чтобы подарить проституткам. Они вели себя как оккупанты, которые не признают суверенитета Латвии и её законов...»

Или:

«... Беспрецедентной по масштабу пропажей стало исчезновение в бескрайних песках, степях ли спецгруппы из 20-ти наёмников ЧВК “Greystone”, входящую в “Academi”, координатором пропавшего отряда которой является спецагент ЦРУ, лично знакомый с его директором Джоном Бреннаном. Ситуация настолько очевидно начала ускользать из-под контроля всех “координирующих” лиц, что в неё вынужден был вмешаться, тайком прилетевший под чужим именем, сам директор ЦРУ. Разбираться на местности, где пропали “интуристы”, он не рискнул – не ровен час и самому можно бесследно исчезнуть...»

Из Эстонии:

«...В день главного праздника Эстонии – 23 июня – Дня победы под Выину и последующего Яни-пяева английские лётчики полчаса летали над Таллиннским заливом. Показывали, на что учились в НАТО. На набережной реки Пирита было много народа – и эстонцам, и русским авиашоу нравилось одинаково. Но когда под финал лётчики зажгли дымовые шашки красного, белого и синего цветов, и над Таллинном повисло подобие огромного российского флага, на лицах многих наблюдателей появилось недоумение, а другие вдруг, ни с того, ни с сего закричали “Ура!”...»

Слушая такие новости, Колобашкин начинал догадываться, куда исчез Марлен.

Взяли Сидорова работать на оборону.

«Однозначно», – думал Колобашкин. Но Клавдии о своей догадке пока не говорил.

Попугай Кирюша к лету выучил несколько новых слов:

– Бу-дь здо-гов не-каш-ляй.

А теперь, содрогаясь от напряжения, тархтя, как незаводящаяся «Нива», поднимая торчком жёлтое перо на макушке, осваивал фразу:

– Пго-гама Вге-мм-мя с ва-ми я Ига-да Зй-на ...г...л...о...

С большими, если не сказать титаническими усилиями, попугаю удавалось, а вернее – пока не удавалось, произносить слово «Зейналова», но он очень каждый раз старался.

ПРОЗА

Светлана СУПРУНОВА

Светлана Вячеславовна Супрунова – родилась в 1960 г. в г. Львове. После окончания ленинградского медицинского училища работала медсестрой в хирургическом отделении Нестеровской районной больницы Львовской области. В 1985 году по направлению военкомата уехала в Афганистан, в медсанбат провинции Баграм. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении. С 1995 по 2000 гг. проходила воинскую службу в Таджикистане в звании прапорщика медицинской службы, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (г. Калининград), сейчас возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета. Печаталась в отечественных и зарубежных изданиях, лауреат ряда российских и международных конкурсов. Некоторые стихи переведены на болгарский и венгерский языки. Член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников.

Живёт в г. Калининграде.

«А сердце всё же просит тишины...»

***

Так не должно быть – глупые рекламы,
На сцене и трибунах балаган,
Гламурные распущенные дамы,
Опять атаковавшие экран.

Уюта бы и воздуха почище,
Так не должно быть – паперть и дворцы,
И выстужено старое жилище,
И на хозяйстве снова подлецы.

И на пути то маклер, то пьянчужка,
И снова взгляд беспомощный ловлю,
Когда у кассы возится старушка,
Отсчитывая деньги по рублю.

И в голове проносится – доколе?
И замечаю воспалённый взор,
Как, отмахав косою в диком поле,
Мужик лохматый смотрит на топор.

Не обойти тогда судьбину вдовью,
Тяжёлой станет каждая верста.
Так не должно быть – с криками и кровью,
Так не должно быть – правда без креста.

Дедушка

Снова от внуков сюрприз:
Быстро одели, обули,
Вывели под руки вниз:
«Мы на часок». Упорхнули.

Скрылось за домом авто.
Здесь бы сидеть-отсидеться.
Старое греет пальто,
Только душе не согреться.

Жизнь пролилась, как вода,
Съедено лиха до крошки.
Вон над макушкой звезда,
И зажелтели окошки.

Думы – что в печке зола,
Мир не становится шире.
Внуки не едут – дела.
Суетно, суетно в мире...

В темень куда-то глядит,
Что-то нездешнее слышит,
Тихо под небом сидит.
Дедушка воздухом дышит.

Поэзия

Забыть слова на месяцы, на годы,
Отшевелив губами, замолчать,
Остаться дома из-за непогоды
И не суметь ненастье обругать.

Смотреть в окошко на кресты и флаги,
Копить печали, словно вызреть,
Водить пером впустую по бумаге,
И вспоминать слова, и вспоминать.

Отгоревать, отплакать, отсмеяться.
Но вырвутся из снежной целины
На белый свет – как заново родятся –
Лишь те слова, которые нужны, –

Невычурные, самые простые,
И вспыхнет свет божественный в ночи,
И сбудется – заговорят немые.
Утихни, каждый, слушай и молчи!

Колыбельная

Пусть трамвай – тепло и сухо,
Катится народ,
И кондукторша-старуха
Денежку берёт.
В тёплом свитере, хромает,
Щурится слегка,
Мелочь сыплет – как считает
Сдачу с молока.

Песенку из доброй сказки
Я тебе спою,
Закрывай, малютка, глазки,
Баюшки-баю.

Хлебушек сегодня горек –
Невесёлый век,
И метёт наш тихий дворик
По утрам узбек.
Неуютно, одиноко,
И поёт узбек.
Тянет сквозняком с востока,
Выпал первый снег.

Всё присыпано порошей,
Зябко воробью.
Спи, мой сладкий, мой хороший,
Баюшки-баю.

Снова сверху: «Здрасьте, здрастьте!» –
Едет в кабинет,
Крепко так примазан к власти
Пухленький сосед.
Шандарахнет из стакана –
Вспомнит про народ,
Улыбнётся нам с экрана,
Что-нибудь соврёт.

На иконке взгляд лучистый,
Русь в святой горсти.
Спи, мой светлый, самый чистый,
Не спеши расти.

Объявление

Тёплых слов бы, тёплых взглядов,
Но простужен этот мир.
Утепление фасадов,
Утепление квартир.

От дождя и снегопада,
Чтобы стужу побороть,
Установят всё, что надо,
Обогреют нашу плоть.

Вышли мы – и не чихнули,
В суете, да всё шутя,
Там хромого подтолкнули,
Тут обидели дитя.

Всё расчётно и платёжно,
Взял бумажку – и пиши.
Это сложно, очень сложно –
Утепление души.

Чёрный кот

Путь простой до магазина –
Двор пройти и огород.
Вон идёт по тропке Нина,
А за нею чёрный кот.

Неторопкий шаг, привычный.
Кот послушный без хвоста.
Новый день, такой обычный,
Как без Нины и кота?

Возвращаются к порогу,
Нина блюдце достаёт,
Трётся ласково о ногу
И мурлычет чёрный кот.

...У подъезда домовина,
А напротив озерко.
Нину скорбная машина
Увозила далеко.

Тот же путь до магазина,
Только убран огород
И румянится рябина.
По тропинке бродит кот.

***

Вот так уходим, не простившись,
Оставив чистые листы,
Отхлопотав, отсуевившись,
Устав от этой суеты.

Летим, летим к другому дому
Совсем одни, в крошечной тьме.
Откланявшись всему земному,
Земное отдаём земле.

Простится ль нам колючесть взглядов,
Беспечность слов, надменность поз,
Что мы, в карман платок упрятав,
Не осушили чьих-то слёз?

За мыслью мысль иного толка,
Желаний нет – чего хотеть? –
И столько времени, чтоб долго
О жизни этой сожалеть.

Соседка

На чаёк засушит травки,
То в окошко поглядит,
То тихонечко на лавке
У подъезда посидит.

В однокомнатной клетушке
Так уныло и мертво,
Похоронены подружки,
Не осталось никого.

Ей бы с кем поговориться
Про дожди и огород,
Очень рано спать ложится
И ранёхонько встаёт.

Громко радио играет,
Но старушка, как на грех,
Ничего не понимает
В новомодных песнях тех.

На ольхе раскрылись почки,
И она который год
Снова в беленьком платочке.
Всё по кругу. Жизнь идёт.

***

В пятиэтажном улье комнатуха.
 Комод и стулья дышат стариной.
 В той комнатухе кроткая старушка,
 Встаёт чуть свет, ложится со звездой.

Я увидела дверь при тусклом свете
 И, ковырнув разболтанный замок,
 Узнала всё: комод и стулья эти,
 Упрятанные кольцами дорог,
 И ватное родное одеяло,
 Как яблочко сушёное, лицо.
 «Чего так долго ты не приезжала?
 Хотя бы за полгода письмецо...»

Всё слушала меня, всё удивлялась,
 И тут смекнула радостно: «Погодь,
 Что ж – насовсем? ужель навоевалась? –
 И тихо так: – Храни нас всех Господь...
 Война – оно занятие пустое,
 А сердце всё же просит тишины...»
 И обронила самое простое:
 «Нельзя ли как-то миром, без войны?»

И сумерки надвинулись тревожно,
 И я тогда подумала о том,
 Что без войны, наверное, и можно,
 Когда сердца наполнены добром.
 Какая-то неведомая сила
 Нам раздаёт смиренье и покой,
 Не то добра кому-то не хватило,
 Не то другим насыпано с лихвой.

***

Зачем смотрю – сама не знаю –
 В глаза соседей и друзей,
 Чужие жизни наблюдаю,
 Забыв на время о своей?

Зачем, в глаза пустые глядя,
 Я слушаю эфирный бред,
 И снова нам мордастый дядя
 Наобещает светлых лет.

А света нет, ложатся тени
 На жизнь чужую и мою,
 Болит душа, болят колени,
 Когда под образом стою.

Взметнулись птицы, откричали.
 Всё чаще плач, всё реже смех.
 Какие разные печали,
 И только крест – один на всех.

***

Никому не скажу и уеду,
 Ни друзей, ни любви не найдя,
 И пойду с чемоданом по следу
 Полоснувшего поле дождя.

Васильки не оставят в покое,
 И ромашки надарят тепла.
 Всё живое, такое родное,
 Так бы шла потихоньку и шла.

Будут рядом закаты, восходы,
 Так душевно – один на один.
 Приживусь на недели, на годы
 Среди ягод и тонких осин.

Забредёт сюда кто-то, возможно,
 Помолчит, на места поглядит.
 «Как там мир?» – расспрошу осторожно.
 «Да куда ему деться? – стоит».

Так ответит – легко, равнодушно,
 Потому и поверю ему.
 Что желать? – ничего и не нужно,
 Если сытно и тихо в дому.

***

Пожитки в нескольких пакетах
 Для холодов и для дождей,
 В цветастой юбке, старых кедах
 Сидит на паперти своей.

Лицо молодки, взгляд старухи –
 Всего намешано в судьбу,
 И на платок садятся мухи,
 И серый пот течёт по лбу.

Сидит под солнцем, одинока,
Чего-то там жуёт порой.
Печали мира так далёко,
Что мир уже как неродной.

Поднимется, возьмёт пакеты,
Когда проклюнется звезда,
Пойдёт встречать свои рассветы.
Хотя бы голос: «Ты куда?»

***

Сосед галичанский, скажи,
Зачем твои пули летают?
Боюсь не наветов и лжи,
Мне страшно, когда убивают.

Не видеть бы хаты в огне,
И ссоры не хочется, в целом.
Наверно, страшнее вдвойне
Тому, кто лежит под прицелом.

И страшно уже за страну,
Где каждый четвёртый – калека.
Мальчишки играют в войну.
Не целься, сынок, в человека!

***

С годами видится простое,
И всё яснее каждый год.
Обиды, суета – пустое,
И правда в том, что снег идёт.

Всё заметёт к утру, похоже.
Фонарь под окнами горит.
Светло, и в этом правда тоже,
И в том, что город этот спит.

И знаешь, что не одинока,
Что где-то высоко луна
И чьи-то голоса далёко.
Благословенна тишина!

И вот фонарь потух. Светает.
Мы все у белого в плену.
А снег идёт, а снег не тает
И продлевает тишину.

Скифы

*Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!*

А.К. Толстой

Юрий Александрович Яхонтов – профессор, доктор технических наук. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга 2011-2013» за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга 2012-2014» за книгу «То, что в сердце давно берегу...». Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «А.П. Чехов».

Живёт в Москве.

Трудно найти в истории другой такой народ, как скифы, который бы окружало столько загадок. Откуда они пришли и куда исчезли, на каком языке говорили? – споры идут до сих пор. В работах (8,9) достаточно убедительно и корректно было доказано, что скифы – это славяне, причём не отдельные племена, а все скифы, и говорили они на общеславянском языке.

Археологически установлена генетическая связь родственных культур: древнеямная (ориентировочно от начала III тыс. до н.э. до начала II тыс. до н.э.); срубная (ориентировочно XV–VIII вв. до н.э.); скифы. Причём антропологические материалы неопровержимо свидетельствуют о неизменности населения, живущего на Восточно-Европейской равнине. Эта неизменность наблюдается и при переходе от скифских к летописным уже временам. То есть скифы были предками позднее живших на этих территориях славян, и сами, естественно, были такими же славянами.

Поэтому всё вышесказанное позволяет утверждать, что скифы – славяне жили на Восточно-Европейской равнине по крайней мере с начала III тысячелетия до н.э. и являлись первыми поселенцами на этой территории. Из материалов, изложенных в рукописи А.Я. Артынова, приведённых в работе (8) следует, что этноним «скиф» уходит в самую глубокую древность – царь-пастырь Форгам ещё в XXX столетии до н.э. основал город, назвав его скифским. Эту древность подтверждает и следующая фраза из Епифания: «Скифство, от дней Ноя и последующих до построения башни и Вавилона и в следующее за построением башни время...» (3). Помпей Трог также писал, что скифское племя всегда считалось самым древним (7, с. 53).

Первым письменным источником, упоминающим скифов, является «Илиада». Первым фундаментальным историческим трудом, где скифам посвящено достаточно много места, является «История» Геродота. К этому труду не у всех последующих древних авторов было однозначное отношение, вызванное тем, что Геродот зачастую использовал не свои наблюдения, а чьи-то рассказы, причём иногда заведомо фантастического характера. Так, Страбон писал: «Легче, пожалуй, поверить Гесиоду и Гомеру с их сказаниями о героях или трагическим поэтам, чем Ктесию, Геродоту, Гелланику и другим подобным писателям» (6, кн. XI, гл. VI, 3). Поскольку, по его мнению, эти писатели рассказывали под видом истории то, что сами никогда не видели. Геродот, однако, по праву считается одним из основных древних писателей, донесших до нас первые сведения о жизни, быте, культуре и местоположении скифских племён. И всё же эти сведения переданы не скифским историком, а иностранцем, не знавшим скифского (общеславянского) языка и побывавшим в ограниченной части Скифии ограниченное время. Гомер называл скифов справедливейшими людьми, во времена Страбона скифов считали самыми прямодушными и меньше всего способными на коварство людьми. Таким образом, за почти тысячелетний промежуток времени (девять столетий) исключительно высокая оценка скифов оставалась неизменной.

В этой статье оценим, по данным письменных источников и сведениям материальной культуры, скифов более позднего времени, начиная с VII в. до н.э. Всё население огромного славянского государства говорило на одном общеславянском языке, в том числе и скифские племена. Причём если в славянах скифах и славянах сарматах определённые антропологические отличия имелись, то между скифами и россами лесной полосы заметной разницы не было. Они имели даже объединённое название: скифо-урало-россы, то есть составляли в сущности единое племя или союз племён. Отсутствие различия доказываются материалами антропологии и данными исторических источников. Древние авторы включали в Скифию и северные народы, живущие выше Днепра (например, Страбон скифами называл роксоланов).

Антропологически облик скифов также видится отчётливо, благодаря значительному количеству исследований по краниологии древнеямной, срубной и скифской культур. Генетическая связь поколений славян-скифов через тысячелетия несомненна, а также очевидна неизменность облика славянина скифа при переходе от скифской культуры непосредственно в славянскую, летописных уже времён. Вот мнение Г.Ф. Дебеца об облике скифов: «Скифы были людьми довольно высокорослыми и довольно хорошо сложенными. Кости ног и рук у них немного длиннее и немного толще, чем у людей начала XX в. ...» (2).

Сохранение своей первоначальной территории (начиная с древнеямной культурно-исторической общности) многие и многие века, а также с тенденцией к её увеличению (за счёт расселения на пустующие места и объединения родственных племён) характеризует военную организацию славян (и скифов в том числе) как самую совершенную на те времена с постоянной динамикой улучшения. Подтверждением тому служат данные археологических исследований, из которых видно, что в жизни скифов военное дело играло выдающуюся роль.

В работе (4) говорится: «...его [скифа] полная вооружённость не уступает боевой оснащённости средневекового рыцаря и, безусловно, превосходит всё, что известно для других народов Восточной и Средней Европы» (с. 86). Набор

оружия позволял вести эффективный бой на дальней дистанции (лук, стрелы, праща), на средней дистанции (метательные копья и дротики) и в ближнем бою (меч, копьё, боевой топор, кинжал). Был большой набор защитного вооружения – щиты, панцири, шлемы, ножные доспехи, боевые пояса. Скифские стрелы имели высокие баллистические качества. В Ольвии на плите зафиксирован результат удивительной дальности полёта стрелы, выпущенной из скифского лука, – свыше 521 м. Большинство мечей изготовлено из высоколегированных сталей (4, с. 134-138).

Арриан в своей работе «Тактика» приводит подробный рассказ о скифских военных значках, в котором узнаётся русская смекалка. «Скифские военные значки представляют собою драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они сшиваются из цветных лоскутьев, причём головы и всё тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас; но полезны и для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой». (1, с. 521).

И, как результат высокой военной организации скифов, также можно привести слова Арриана из другой уже работы, «Поход Александра Великого». «Кира образумили скифы, люди бедные и самостоятельные, а Дария – другие скифы» (1, с. 515). Это наши предки – славяне!

Скифы славились исключительно высоким качеством обработки кож, что подтверждается находками изделий из кож, близких к современной юфти, подошвенной и шорной. Применялись сырец и замша. Ткани у скифов были полотняные и шерстяные, красились в красный, синий, жёлтый, зелёный, сиреневый и другие цвета (4, с. 133). Используя материалы работы (5, с. 152), представим себе скифа в одном из вариантов одежды. Короткий, удобный кафтан с косо срезанным откидным воротом, на поясе туго затягивался ремнём. Штаны узкие, кожаные, плотно облегающие ноги. На ногах – мягкие полусапожки без каблуков. Голова, с длинными волосами, зачёсанными назад, повязана лентой. Не правда ли, неплохо и для нашего времени?

Для обработки дерева применялись топоры, тёсла, долота, стамески, ножи, пилы, свёрла и буравы. Скифы умели вязать брёвна в срубах в обло, использовались пазы и вязка досок в фальц (4, с. 133). Приведена лишь часть достижений скифской культуры, но и этого достаточно, чтобы понять, что высокий уровень этих достижений не вяжется с встречающимся зачастую в литературе образом дикого, одетого в шкуры, ираноязычного скифа-степняка. Суммируя эти достижения, становится очевидным, что в целом духовно-материальный уровень жизни скифов-славян был одним из самых высоких для того времени. И этот вывод позволяет по-новому взглянуть на многие археологические памятники скифского времени. И странной начинает выглядеть позиция некоторых археологов, при которой обнаруженные в скифских курганах скифские вещи с изображением скифов и скифских сюжетов вдруг объявляются сделанными греческими мастерами. То есть заведомо необъективная позиция, что «дикие» скифы такое сделать просто не могли.

Разумеется, предметы из скифских курганов, например, такие, как пектораль из кургана Толстая Могила, золотая накладка на горите, серебряная

ваза из кургана Чертомлык, золотой гребень из кургана Солоха, электрический сосуд из кургана Куль-Оба и многие другие находки были сделаны скифами-славянами. Да и трудно представить, чтобы греческий мастер, выполняя изделие, стал бы помещать на нём скифские сюжеты. И сцены из жизни Ахилла на золотой накладке на горите из кургана Чертомлык лишней раз подтверждают, что Ахилл был скифом (скифом-славянином времени срубной культурно-исторической общности), так же как и сама накладка была скифского изготовления.

Итак, славянская история уходит вглубь тысячелетий, что подтверждается письменными источниками, данными археологии и исключительно высоким уровнем развития материальной культуры славян – скифов.

Литература

1. *Арриан*. Поход Александра Великого. Тактика. История Парфии. SC, I, 2.
2. *Дебец Г.Ф.* О физических типах людей скифского времени. ПСА. М.: Наука, 1971, с. 9.
3. *Епифаний*. Оглавление. SC. I, 3, с. 708.
4. *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия. В кн.: Археология Украинской ССР, Т.2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наукова думка, 1986.
5. *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Одежда, украшения и предметы быта. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология Киев: Наукова думка, 1986.
6. *Страбон*. География. М.: Ладомир, 1994.
7. *Помпей Трог*. История. SC. II, 1.
8. *Яхонтов Ю.А.* Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика. М.: Вече, 2009.
9. *Яхонтов Ю.А.* Ираноязычны ли были скифы и сарматы? Литературно-исторический журнал «Великороссъ» 2013. №4(10). С. 160–170.

Сокращения: ПСА – Проблемы скифской археологии; SC – В.В. Латышев. Scythika et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе.

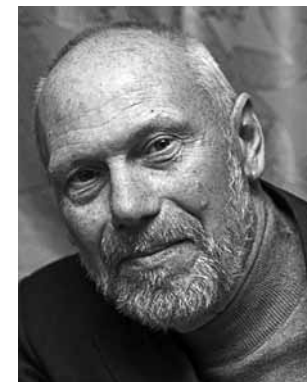

ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России и Академии российской литературы. Публикации (с 1985 г.) в газетах, журналах, коллективных сборниках. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2012-2014» за поэтический сборник «Всего дорожке».

Живёт в Москве.

«Как будто бы гармоника играла...»

***

Я по истории не шибко
 Был грамотен, но твёрдо знал,
 Что Беловежскую «ошибку»
 Затеяли как мой финал.

Давно. Ещё народовольцы,
 Когда морочили крестьян,
 И любопытных богомольцев,
 И положительных мирян.

Потом в царей кидали бомбы,
 Сплавляли с Дона казаков,
 Спецов гражданских и при ромбах
 Селили в кельях Соловков.

И стало так, когда не стали
 Молитвы с вечера творить
 И на рассвете перестали
 С Отцом Небесным говорить.

И карту Родины, чьей краше
 На глобусе, конечно, нет,
 Уже не называли нашей,
 Списав как школьный раритет.

А было так. Забыли песню,
 Как брать Приморье шли вперёд,
 А до того пришли на Пресню,
 А до того пошли в народ.

К разговору о предках

Фотографии близких
 В довоенных виньетках,
 Не у всех обелиски
 – Как ни помни о предках! –
 Ознакомленных летом
 Сорок первого года
 С самым жарким рассветом
 В жизни нашего рода.

***

Закат на фарфоре
 Небесного дна
 Расплавился в море
 Зачатием дня.
 Зарёю на водах
 Из мрака на свет
 Природа при родах
 Явила рассвет.

***

Тишину под покровом тумана
 Расплескали в Кремле звонари
 С колокольни большого Ивана,
 Возвестив о приходе зари.

***

Надо, на колени встанем
 Перед образом святым.
 Ну, а если враг достанет,
 То уж точно, постоим.

Юбилейное

Неловко мне в моей рубашке,
 Где был потёртым воротник,
 Когда однофамилец Кашкин
 В кино, как правильный мужик,
 Без заморочек жил, по-свойски:
 Ты мне, а я тебе... Тогда
 Товарищи из комсомольских
 Для нас ещё не господа.
 Тогда писали о победе,
 Храня её авторитет.

Теперь в гражданской у соседей
 Войне непобедимых нет.
 Тогда жилось мне в коммуналке,
 Бывало и в деревне жил,
 Где пьют теперь уже на свалке
 За победителей бомжи.

***

Как будто бы гармоника играла,
 Петляю по дворам, теряя след,
 Завалинку найду ли для привала,
 Ту, на которой сиживал мой дед.

Деревня ли, село – не это важно,
 А важно, что давно избы той нет:
 Доглядывал за домом бесшабашно
 И за добром, что наживал мне дед.

Мужицкой не усвоивши науки,
 К учителям подался городским.
 Всё б ничего, да напрягают глюки,
 Когда не занят чем-нибудь мирским:
 Как будто бы гармоника играла...

Мельпомена¹

В лабиринтах метрополитена
 Попрошайкой, не щадя колен,
 Мне напоминает Мельпомена
 О друзьях, желавших перемен.

***

Мне писать фальшивые стихи
 Не с руки, а те, что я умею,
 Всё равно, что предлагать глухим –
 Перед равнодушными немею.

С девяностых, прозвищем лихих,
 Сколько горя, родина ты наша,
 Претерпела от детей своих,
 И не вся ещё испита чаша...

¹ Муза трагедии

ПОЭЗИЯ

Валентин СУХОВСКИЙ

К 50-летию творческой деятельности

Валентин Николаевич Суховский – родился 27 августа 1949 г. в Архангельской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, работал в журналах «Наш современник», «Встреча», газете «Гудок», издательстве «Советский писатель». Член Союза писателей России. Член-корреспондент Академии Российской словесности и Академии поэзии. Автор пятнадцати книг. Лауреат нескольких литературных премий. Награждён Грамотами Министерства культуры РФ и Правительства Москвы. Руководит литературной студией «Муза и лира» и литературно-музыкальной гостиной «Златоуст».

Живёт в Москве.

«Хранимые памятью чувства...»

В сентябре 1966 г. районная газета «Ленинский путь» Вельского района Архангельской области, которая выходит ныне под названием «Вельские вести», опубликовала стихи студента сельхозтехникума Валентина Суховского. В 1960-е гг. его стихи, рассказы, новеллы, статьи публикуются также в газетах «Моряк Севера», «Северный комсомолец», «Вологодский комсомолец», «Часовой Севера», «Транспортный строитель». Тексты первых песен на стихи В.Н. Суховского опубликованы в сборнике «Край наш северный».

Журнал «Великороссъ» поздравляет нашего постоянного автора с юбилеем творческой деятельности. Желаем новых премий и наград, книг, здоровья!

Ивановский ситец

*Памяти моей матери
Суховской-Фефиловой Александры Клавдиевны –
труженицы нищей, но ещё живой тогда
настоящей русской деревни, кормившей Россию.*

По радио пела Русланова
В быту порубежных годин.
И простенький ситец Иванова –
Деревню собрал в магазин.
Портреты почившего Сталина
Ещё не убрал сельсовет...
Отпала налогов окалина,
Крестьяне увидели свет!

Он высветил радости малые,
Заметный едва в нищете.
Но песни звучали удалые,
Невесты цвели в красоте.
И с верой, сравнимою с мужеством,
Что счастье свернёт ко крыльцу,
Мечтали они о замужестве,
И ситцы им были к лицу!
Прибасы для них разорительны;
Богаты лишь жемчугом рос...
Но, помню, расцвёл изумительно –
Ивановским ситцем покос!
Как ладненько блузка приталена,
Как дышит высокая грудь...
Когда гармонист на завалине –
Всю ноченьку глаз не сомкнуть!
Как день ни тяжёл с утра раннего,
Но вечером – песни да пляс...
В почёте он был, в обожании –
Ивановский ситец у нас!
И помнит моё поколение:
Отрадой он был на Руси –
Сменил гимнастёрки военные...
Да кто же его не носил?!

Мамина молитва

Я вижу маму пред иконой
В родном краю, в родном дому.
С ней, сединою убелённой
Как будто рядом постою.
На судьбу не ропщи, если трудно бывает;
Верь, что радость и счастье
не пройдут стороной,
Пока от бед оберегает
Молитва матушки родной.
Давно ли рядом были дети,
А вот теперь живёшь одна.
И тишина на белом свете,
Застыла мама у окна.
На фотографиях в альбоме
Глаза улыбкою цветут.
Дороже нет родного дома,
Здесь верят в нас, здесь любят, ждут.
Порою в жизни мы упрямы,
А надо жить с людьми добром.
Когда придёт письмо от мамы,
Повеет на душу теплом.

Вдруг наплывёт нечаянная грусть...

Вдруг наплывёт нечаянная грусть,
 Войдёт в глаза, нахлынет прямо в душу.
 И вновь влечёт на Северную Русь
 Проведать мать и бабушку послушать.
 Послушать сказ, былинку пережить
 И возродить в душе восторг и сказку.
 Вот вытаяла в поле озимь ржи,
 Освежены весной в природе краски.
 Поутру встанешь. Чуть звенит ручей,
 И улочка подсушена прохладой.
 И не с ружьём тяжёлым на плече
 Идёшь на ток, а с чуткою отрадой.
 Упругий синий наст чиркнув крылом,
 Пойдёт грудастый тетерев всё шире.
 И ветерок в мерцанье золотом
 В его хвосте свистит, как в древней лире.
 Вдруг вспомнишь детство: топится овин,
 А у гумна по насту – токовище.
 Свербят скворцы в овражке средь рябин
 И хлебный дух выходит на дворище.
 Теперь в деревне не пекут хлеба,
 И нет гумна, не топятся овины.
 Не та гульба и русская судьба...
 Бывали праздники, а ныне грусть, кручина.
 Как при царе, жил долго тот уклад,
 И веяло вокруг Святою Русью.
 А ныне всё не в такт и невпопад,
 Всё меньше русского, с того и веет грустью.

Образ Родины

Николаю Карасёву

В широком ли поле дорога бежит,
 По лугу раздольному вьётся –
 И лён голубеет, и волны по ржи,
 И сизая дымка с болотца –
 Всё радует глаз и волнует в груди
 Хранимые памятью чувства...
 Часовня на склоне холма впереди
 Прекрасна не только искусством.
 Она – воплощенье крестьянских трудов.
 В ней отсвет наследственной веры
 И тайна единственной меры
 Глубокому смыслу венков.

ПАМЯТЬ

Василий ПОЛЯКОВ

Военный лекарь Бородин и офицер Мусоргский

Шёл 1856 год. Уже заканчивался второй месяц осени – октябрь. В Петербурге смеркалось и темнело рано. Налетал порывами промозглый сырой ветер, раскачивал и пригибал к земле деревья, нёс по дорожкам сада последние листья. Косыми струями лил дождь. Крупные капли выступивали по навесу затейливую ритмичную дробь. Сказочными чудищами проносились в фантастической пляске тёмные низкие тучи. Вихревыми хороводами кружили фиолетовые, золотистые, бордовые, коричневые, охряные, жёлтые и красные листья.

За окнами Второго военно-сухопутного госпиталя были видны однообразные скучные серые дома, кареты, проезжавшие по лужам, торопливые одинокие промокшие прохожие. Полутёмный мрачный коридор приводил в огромные палаты, в каждой из которых помещалось несколько десятков человек. Сегодня дежурил 23-летний ординатор Медико-хирургической академии. Миновал всего один год с тех пор, как ему торжественно вручили диплом лекаря с отличием. А теперь он обстоятельно и неторопливо делал самостоятельный обход.

Во время обхода некоторые больные жаловались на свои недуги, другие стонали, бредили, метались в ознобе и лихорадке. Были и такие, что лежали на койках молча, с тяжкой грустью думая о родной стороне, о доме. Выздоровливающие и бойкие отпускали злые шуточки насчёт больницы похлёбки. Однако все – и тяжелобольные, и выздоравливающие мечтали скорее покинуть сие богоугодное заведение.

Лекарь давно обошёл все палаты. Он прилежно осмотрел каждого больного, расспросил жалобы, простучал грудь, послушал сердце и лёгкие, прощупал живот. После обхода лекарь долго и аккуратно заполнял скорбные листы.

Привычная ежедневная работа отодвигала невесёлые мысли о слишком малой пользе от его

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил докторскую диссертацию. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

работы, в которой было больше озарения, интуиции, искусных приёмов, чем подлинной науки. Да и могло ли быть иначе, если основные достижения медицины сводились к подробному описанию страданий, если ещё столько неведомого было впереди и у физиологии, и у физики, и у химии?

Работа в химической лаборатории была страстью молодого лекаря. Каждую свободную минуту он отдавал колбам и пробиркам, в которых совершались таинства превращения вещества. Молодой лекарь давно обдумывал план своей докторской диссертации об аналогии между химическими свойствами и действием на организм мышьяковой и фосфорной кислот.

Но сегодня день был потерян, вся текущая черновая работа выполнена, и оставалось сидеть и скучать в дежурке в обществе очередного офицера (как правило, солдафона, да ещё хвастающегося непрерывными мелкими интрижками и однообразными любовными похождениями).

С такими невесёлыми мыслями лекарь сильно надавил на массивную ручку двери дежурной комнаты. Он не ошибся. Перед ним сидел очень изящный, припомаженный юноша, почти мальчонка, в офицерском мундирчике с иголочки.

Представились, познакомились. Лекарь обратил внимание на барскую выхоленную, с тонкими пальцами и узкими ногтями руку офицера. Первая настороженность, вызванная модной в то время аристократичной манерой офицера изъясняться немножко сквозь зубы и пересыпать речь французскими фразами, постепенно улетучивалась. Сначала беседа была бессюжетной и касалась многих второстепенных, ничего не значащих друг для друга тем. Приглядываясь к офицеру, лекарь исподволь открывал в его лице и манерах даже нечто привлекательное.

Но вот заговорили о музыке и проговорили всё оставшееся время. Так, на дежурстве в госпитале, судьба свела двух будущих неразлучных друзей. Лекарю предстояло стать знаменитым химиком, академиком Медико-хирургической академии и известным композитором. Офицеру было суждено окончательно оставить армейскую службу и полностью посвятить себя музыке.

В тот день дежурным лекарем был Александр Порфирьевич Бородин, а дежурным офицером – Модест Петрович Мусоргский.

Сохранилась и была опубликована записка А.П. Бородина об этом вечере. «Первая моя встреча с Модестом Петровичем Мусоргским была в 1856 г. (кажется, осенью, в сентябре или октябре). Я был свежееиспечённый военный медик и состоял ординатором при 2-м военно-сухопутном госпитале; М.П. был офицер Преображенского полка, только что вылупившийся из яйца (ему было тогда 17 лет). Первая наша встреча была в госпитале, в дежурной комнате. Я был дежурным врачом, он дежурным офицером. Комната была общая, скучно было на дежурстве обоим; экспансивны мы были оба; понятно, что мы разговорились и очень скоро сошлись. Вечером того же дня мы были приглашены на вечер к главному доктору госпиталя, Попову, у которого имелась взрослая дочь; ради неё часто делались вечера, куда обязательно приглашались дежурные врачи и офицеры. Это была любезность главного доктора. М.П. был в то время совсем мальчонком, очень изящным, точно нарисованным офицериком: мундирчик с иголочки, в обтяжку, ножки вывороченные, волосы приглажены, припомажены, ногти точно выточенные, руки выхоленные, совсем барские. Манеры изящные, аристократические, разговор такой же, немного сквозь зубы, пересыпанный французскими фразами, несколько вычурными. Некоторый оттенок фатоватости, но очень умеренный. Вежливость

и благовоспитанность необычайные. Дамы ухаживали за ним. Он садился за фортепиано и, вскидывая кокетливо ручками, играл весьма сладко, грациозно и проч., отрывки из «Триваторе», «Травиаты» и т.д., а кругом его жужжали хором «charmant, délicieux!» и проч. При такой обстановке я встречал М.П. раза 3 или 4 у Попова и на дежурстве в госпитале, состоя уже ассистентом при кафедре химии»...

«Осенью 1859 года, – рассказывает А.П. Бородин в той же записке, – я снова свиделся с ним (М.П. Мусоргским – В.П.) у адъютант-профессора, академика и доктора артиллерийского училища С.А. Ивановского. Мусоргский был уже в отставке. Он порядочно возмужал, начал полнеть, офицерского пошиба уже не было. Изящество в одежде, в манерах и проч. были те же, но оттенка фатовства уже не было ни малейшего. Нас представили друг другу; мы, впрочем, сразу узнали один другого и вспомнили первое знакомство у Попова. Мусоргский объявил, что вышел в отставку, потому что специально занимается музыкой, а соединить военную службу с искусством – дело мудрёное, и т.д. Разговор невольно перешёл на музыку. Я был ещё ярким мендельсоном, в то время Шумана не знал почти вовсе. Мусоргский был уже знаком с Балакиревым, понюхал всяких новшест музыкальных, о которых я не имел и понятия. Ивановский, видя, что мы нашли общую почву для разговора, музыку, предложил нам сыграть в четыре руки А-мольную симфонию Мендельсона. М.П. немножко поморщился и сказал, что очень рад, только чтоб его уволили от Andante, которое совсем не симфоническое, а одно из “Lieder ohne Worte” или что-то вроде этого, переложенное на оркестр. Мы сыграли первую часть и скерцо. После этого Мусоргский начал с восторгом говорить о симфониях Шумана, которых я не знал тогда ещё вовсе. Начал наигрывать мне кусочки Es-дурной симфонии Шумана; дойдя до средней части, он бросил, сказав, “Ну, теперь начинается музыкальная математика”. Всё это мне было ново, понравилось. Видя, что я интересуюсь очень, он ещё кое-что поиграл новое для меня. Между прочим, я узнал, что он и сам пишет музыку. Я заинтересовался, разумеется; он мне начал наигрывать какое-то скерцо (чуть ли не В-дурное); дойдя до Trio, он процедил сквозь зубы: “Ну, это восточное!”, и я был ужасно изумлён небывальными, новыми для меня элементами музыки. Не скажу, чтобы они мне даже особенно понравились сразу: они скорее как-то озадачили меня новизною. Вслушавшись немного, я начал оценивать и наслаждаться. Признаюсь, заявление его, что он хочет посвятить себя серьёзной музыке, сначала было встречено мною с недоверием и показалось маленьким хвастовством; внутренне я подсмеивался немножко над этим. Но, познакомившись с его “скерцо”, призадумался: верить или не верить?..»

Прошло 6 лет после первого знакомства и 3 года после второго. Остались позади превращение военного лекаря в профессионального химика и педагога, стажировка в лабораториях за границей, женитьба.

«После моего возвращения из-за границы осенью 1862 года, – вспоминал А.П. Бородин, – я познакомился с Балакиревым (в доме у С.П. Боткина), и третья моя встреча с Мусоргским была у Балакирева, когда тот жил на Офицерской, в доме Хилькевича. Мы с Мусоргским снова узнали друг друга сразу, вспомнили обе первые встречи. Мусоргский тут уже сильно вырос музыкально. Балакирев хотел меня познакомить с музыкою своего кружка, и прежде всего с симфонией “отсутствующего” (это был Римский-Корсаков, тогда ещё морской офицер, только ушедший в далёкое плавание в Северную Америку). Мусоргский сел с Балакиревым за фортепьяно (Мусоргский на primo,

Балакирев на *secondo*). Игра была уже не та, что в первые две встречи. Я был поражён блеском, осмысленностью, энергией исполнения и красотой вещи. Они сыграли финал симфонии. Тут Мусоргский узнал, что и я имею кое-какие поползновения писать музыку, стал просить, чтоб я показал что-нибудь. Мне было ужасно совестно, и я наотрез отказался».

Балакиревский кружок вскоре выработал определённую музыкальную программу и стал именовать себя «Новая русская музыкальная школа». В 1867 г. в статье большого друга и активного участника кружка критика В.В. Стасова впервые было сказано, что кружок сплотил кучку, но могучую кучку композиторов. Действительно, главой и руководителем кружка был М.А. Балакирев, в кружок входили А.П. Бородин, Ц.А. Кюи, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков, некоторое время к нему примыкали Н.Н. Лодыженский, А.С. Гусаковский, Н.В. Щербачёв. Точный термин, написанный выдающимся критиком, прочно вошёл в историю русской музыки и русской культуры.

«Могучая кучка» как сплочённая группа закончила своё существование к середине 70-х годов XIX столетия. Уход из жизни М.П. Мусоргского и А.П. Бородина окончательно расстроил монолитность кружка и прервал его программную деятельность, хотя Николай Андреевич Римский-Корсаков дождался до 1908 г., сам основатель кружка Милий Алексеевич Балакирев – до 1910 г., а Цезарь Антонович Кюи – до 1919 г.

Перу Модеста Петровича Мусоргского принадлежат 5 опер: «Саламбо» (по роману Г. Флобера), «Женитьба» (по комедии Н.В. Гоголя), «Борис Годунов» (по трагедии А.С. Пушкина), «Хованщина», «Сорочинская ярмарка» (по повести Н.В. Гоголя). Кроме того, им написана симфоническая картина «Ночь на лысой горе», сюита для фортепьяно «Картинки с выставки», вокальные циклы, песни, романсы.

Он умер 16 (28) марта 1881 г. в Петербурге в 42 года.

С марта по декабрь потрясённые его внезапной смертью члены «Могучей кучки» практически не собирались, не показывали друг другу новые музыкальные сочинения, не посещали театры и концерты.

11 декабря 1881 г. в Мариинском театре давали 22-е представление оперы М.П. Мусоргского «Борис Годунов». Композитор и дирижёр Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов (1859-1935) так вспоминает об этом: «На представление “Бориса Годунова” М.А. Балакирев приобрёл билеты и пригласил Римских, Бородиных, Ильинских, Стасовых и меня. С непередаваемым чувством грусти собрались мы в ложе. В течение спектакля я несколько раз наблюдал, как А.П. Бородин смахивал набегавшую слезу; а сцену смерти Бориса от волнения он не смог слушать и вышел из ложи. Настроение было тяжёлое, и все мы чувствовали глубокую жизненную драму великого русского музыканта».

Через 4 года после смерти М.П. Мусоргского в некрополе Александрово-Невской лавры, где он был похоронен, состоялось открытие памятника, сооружённого по проекту архитектора И. Боголюбова и скульптора И. Гинцбурга. Это событие А.П. Бородин описал в письме к жене, Катерине Сергеевне. «Это было 27 ноября, в день первого представления “Жизни за царя”. Памятник грандиозный, с барельефом Мусоргского, с надписями вязью, перечнем его сочинений; решётка прелестная и оригинальная: на ней изображены ноты: темы из “Бориса” и пр. Всё это было убрано цветами, венками, очень эффектно. Памятник был сначала закрыт коленкором чехлом, сделанным так, что достаточно дёрнуть за тесёмки, привязанные к четырём сторонам памятника,

и чехол разваливался, открывая памятник сразу весь. Была торжественная панихида, потом лития перед памятником. Принесено много венков; в том числе венков от Консерватории, от которой были Давыдов и Бернгард (инспектор). Дёрнули тесёмки при открытии памятника, с четырёх сторон: Балакирев, Корсаков, Кюи и я. По открытии памятник освятили, кропили святой водой. Потом пошли речи. По настоянию Стасова первым был я; затем прочла прекрасную речь Полина Стасова; потом прочли написанное слово Н.Н. Римской-Корсаковой...»

На памятнике М.П. Мусоргскому и сегодня можно прочитать прекрасные слова:

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.*

Александр Порфирьевич Бородин пережил своего друга всего на 6 лет. Он умер 15 (27) февраля 1887 года. Прах его покоится рядом с прахом М.П. Мусоргского. Памятник над могилой сооружён по проекту архитектора И. Ронета и скульптора И. Гинцбурга через 2 года после похорон, в 1889 г.

История сооружения памятников также заслуживает упоминания.

За 5 лет до смерти А.П. Бородина Петербургскую консерваторию на 17-ом году жизни заканчивал учащийся Реального училища и одновременно любимый ученик Римского-Корсакова Александр Константинович Глазунов. Его дипломной работой в консерватории оказалась Первая симфония, впервые исполненная 29 марта 1882 года. На этом концерте судьба свела Александра с М.П. Беляевым, богатым лесопромышленником и страстным любителем музыки. Беляев был восхищён талантом молодого композитора и решил пропагандировать его творчество. Увлечение творчеством Глазунова побудило Беляева заинтересоваться судьбой и других русских музыкантов. Лесопромышленник познакомился с группой современных ему композиторов и в дальнейшем сумел оказать большое влияние на дальнейшее развитие музыки в России, поощряя творческий труд русских мастеров.

В ноябре 1884 года с целью поддержания молодых дарований Беляев учредил премии за новые сочинения русских композиторов. В 1885 г. Глазунов получил беляевскую премию за свой первый струнный квартет и без колебаний пожертвовал её на памятник Мусоргскому. Затем талантливый Глазунов продолжал получать беляевские премии ежегодно. А в 1887 году премии не присуждали, так как все деньги решили потратить на сооружение памятника только что умершему Бородину...

...Композитор Александр Порфирьевич Бородин за неполные 54 года своей жизни оставил заметный след в русской культуре и науке. Он известен как незаурядный учёный-химик, избранный в 1877 г. академиком Медико-хирургической академии, и как один из организаторов и педагогов высшего учебного заведения для женщин – Женских врачебных курсов. Сочинённая им музыка воплощает замечательные качества русской души: любовь к родине, свободолюбие, мужественное величие, широту, глубокий лиризм. Им написана опера «Князь Игорь», 1-ая и 2-ая (Богатырская) симфонии, симфоническая картина «В Средней Азии», 1-й и 2-й квартеты, камерно-инструментальные ансамбли, романсы, фортепьянные пьесы.

Жизнь подвела итоги жизни двух неразлучных друзей. А их первая встреча на дежурстве состоялась 160 лет тому назад...

ПОЭЗИЯ

Владимир КАБАНОВ

Владимир Иванович Кабанов – родился 30 декабря 1950 г. в деревне Поддубки Дмитровского района Московской области. Член Союза писателей России. Литературным творчеством занимается с 1988 г. Окончил Тамбовское высшее военное авиационное училище лётчиков ВВС СССР имени М.М. Расковой в 1973 г. Военскую службу проходил в боевых частях Дальней Авиации. Военный лётчик I класса. Летал помощником командира корабля и командиром корабля на дальних и стратегических самолётах, бомбардировщиках-ракетоносцах. В 1988 г. принимал участие в боевых действиях в Афганистане. Имеет боевые награды. Майор запаса. Пишет стихи, стихи для детей и прозу. Автор четырёх поэтических сборников. Участник и дипломант различных поэтических конкурсов.

Живёт в Дмитрове.

«Я не хочу своё услышать эхо ...»

Верчу судьбы веретено

Кручу, кручу судьбы веретено.
Уходят дни и улетают годы.
Тебя не видел я уже давно,
И мысли затевают хороводы.

Вертись, моё веретено, жужжи,
Пряди, мотай, вытягивай мой жребий.
А если будут в нём лишь миражи,
То от меня взамен тепла не требуй.

Я б не сложил судьбы без доброты,
Ведь в ней хранятся истины истоки.
Я счастлив тем, что есть на свете ты,
И тем, что ты читаешь эти строки.

Стихами не солгу

Я смело, твёрдо проведу черту
Меж тем, что есть, и между тем, что было,
Но долго буду помнить доброту,
И то, что сердцу радость приносило.

За это всё учусь благодарить
Всевышнего, судьбу и добрый случай,
Плохое постараюсь позабыть,
Ведь солнце светит ярко и за тучей.

И пред любовью буду я в долгу:
Её хранить моя надежда будет.
Стихами никогда я не солгу,
А все мечты небесный суд рассудит.

Тропинка

Берёзка стройная одета инеем.
Тропинка белая мила мне именем.
Ищу любовь свою я на тропинке той,
А на пути моём лежит обрыв крутой.

Берёзка стройная – душа ранимая,
Скажи, куда ушла моя любимая?
Ищу любовь свою я на тропинке той,
А на пути моём – седой туман стеной.

Горят в душе моей костры осенние.
Верни, тропинка, мне мечты весенние!..
Искал не зря любовь я на тропинке той –
Она явилась вдруг, пришла сама собой.

Я не хочу своё услышать эхо

Хожу по лесу, кланяюсь дарам.
Кленовый лист плашмя упал в корзину.
Письмо на нём я написал бы Вам
И передать бы попросил калину.

Хожу по лесу, думаю о Вас.
На сердце и отрадно, и привольно.
Зелёный доктор помогал не раз,
Когда мне было нестерпимо больно.

Хожу по лесу, осенью дышу.
Я рад всему, что мне дала природа.
Из леса уходить я не спешу:
В душе моей – спокойная погода.

Хожу по лесу, предаюсь мечтам.
Мне даже дождь неожиданный не помеха.
Я так хочу о главном крикнуть Вам,
Но не хочу своё услышать эхо.

Сквозь толщу сомнений

Уносят надежду мою журавли
И машут мне дружно большими крылами.
Уменьшился клин и растаял вдали...
Пытаюсь я выразить чувства словами.

Окажется в небе пушинка души –
Кружиться начнёт надо мною высоко.
Быть может, увидишь её виражи,
И нашим не будет сердцам одиноко.

Сквозь толщу сомнений пробьётся их бой,
Польётся о счастье красивая песня.
Я верю, что встретимся скоро с тобой.
И станет в груди моей сладко и тесно....

Осень окрасила клёны

Осень окрасила клёны
В охристо-огненный цвет.
Ветер ласкает их кроны –
В кронах колышется свет.

Солнышко перед закатом
Стелет косые лучи,
Пахнет грибным ароматом,
В стаи слетелись грачи.

Синюю даль небосвода
Взор мой случайно пронзил.
Сладкий дымок с огорода –
Детство в душе воскресил...

Холодное утро

Холодное утро. Туман вдалеке
Поднялся до самых верхушек...
Селения спят и плывут в молоке,
Не видно дымов от избушек.

Я вновь к небесам обращаю свой взор.
Строжайший всегда там порядок.
Небесные силы над ними надзор
Ведут безо всяких оглядок.

Когда-то его ощущал на себе,
Со мной ничего не случилось.
Моей непростой и нелёгкой судьбе
Недаром дарована милость.

До крайнего срока я долго летал.
Бывали сомнения, страхи...
И нервы мои превратились в металл –
Наверно, родился в рубахе.

ПРОЗА

Осенние зарисовки

Эссе

*Дитя дождя! Прильнув к земле,
Белёсый пар, росе навстречу,
Пополз хвостами по траве,
Венчая августовский вечер.*

*Нежданный гость небесных стран,
Рекой безмолвия молочной,
Курился перистый туман,
Стеллился кисеей непрочной.*

*Пушистой стаей белых крыл,
Рассеявшись над косогором,
В поля заснувшие поплыл,
Мечтать о воспаренье скором.*

... После необычайно длинного лета, наступила осень. Ночи стали холоднее. По утрам висит над окрестностями тяжёлый сырой туман. Но природа словно не желает готовиться к зиме. По-прежнему густой зеленью манят леса, травы радуют свежестью, земля быстро просыхает от ночной влаги и вновь наполняется летним теплом. Птицы, успокоившись после весенних перепалок за территорию, высидев птенцов, не поют ночи напролёт, спокойно сидят в густых кронах деревьев. Время собираться в стаи не пришло, и они мирно наслаждаются последними тёплыми деньками. Утки лениво плавают в реке. Иногда раздаётся всплеск, и из воды выскакивает щука, увлечённая погоней за мелкой рыбёшкой. И вновь наступает тишина. Солнечно. По небу плывут облака, лишь иногда набегают тучи и проливается внезапный, повесеннему скоротечный, тёплый дождик. И вновь весело сияет солнце. Грибной сезон в разгаре. Особенно много белых и подосиновиков. Красавцы мухоморы гордо стоят повсюду. В этом году их просто нашествие! Появляясь то тут, то там, они незаметно берут нас в осаду, понемногу сужая круг. Но с ними никто не воюет, уж больно хороши. Так и стоят они, часовыми, охраняя лесной покой.

Инеcса ИЛЬИНА

Инеcса Яшиновна Ильина (Фёдорова) – член МГО Союза Писателей России, Союза Писателей XXI века, Академии Российской Литературы. Поэт, актриса театра. Автор книг поэзии: «И оживёт мой сон», «Маски». Лауреат различных литературных конкурсов и премий. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (всероссийного фестиваля патриотической поэзии «Фортост» 2014, 3-е место), награждена медалями: им. М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, 55 лет МГО СПР России.

Живёт в Москве.

Инеcса ИЛЬИНА

А в садах отчаянно цветут астры, георгины и другие осенние цветы. Отчаянно, потому что хозяйева, готовя свои владения к зиме, безжалостно скашивают траву, заодно избавляясь от излишне разросшихся цветов.

*Осенние цветы не пахнут,
Но их прощальная краса
Глядит с любовью в небеса,
Пока на грядках розы чахнут.*

*С них пчёлы мёда не берут,
Летят в кипрей и медуницу.
Дневная бабочка садится,
Чтоб обрести ночной приют...*

Недолго осталось буйствовать разнотравью. Чуть перевалит сентябрь к закату, повеет первыми ночными заморозками, и поникнет, почернеет осенняя краса. Заблестят красно-жёлтыми «сединами» берёзы и начнётся самая драматичная пора осени – листопад. Но впереди бабье лето, и потому, до самого Покрова, можно обманываться по-летнему тёплым солнышком и любоваться на звёзды тихими безветренными вечерами.

ПОЭЗИЯ

Нина ГОЛОВАНОВА

Редакция журнала «Великороссь» поздравляет Нину Голованову с юбилеем!

Нина Федотовна Голованова – физик-теоретик и поэт, родилась в семье советских инженеров. Окончила московскую школу с золотой медалью, а затем физический факультет МГУ им. Ломоносова. Научная деятельность связана с изучением микромира. Имеет научные труды. Член МГО СП России. Автор трёх поэтических сборников: «Эти строчки», «Избранное», «Ясным утром». Последняя книга, изданная МГТУ им. А.Н. Косыгина, в 2011 г. была отмечена дипломом литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга». Награждена также литературными премиями МГО СП России имени Грибоедова и Лермонтова. Роман Н.Ф. Головановой в стихах «Люк и Фек. Мир и война» в 2014 г. был удостоен литературной премии МГО СП России «Серебряный крест» с вручением наградного знака «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

«Мы, русские...»

Осенние философские размышления

Осень близится, и в чистых небесах
Перьями персты застыли белых дланей.
У берёз зелёных в пышных волосах
Затаился жёлтый признак увяданий.

По ночам внезапно тихо заискрит
Звездопад, поток кометной яркой пыли.
Буду вспоминать до утренней зари
Годы, что уже давным-давно уплыли.

Счастье с горестями в них сплелись в одно,
Вот любовь навывлет сразу пульей в душу.
Свыше пластырем живительным дано –
Детский смех и топот по весенним лужам.

Вдохновенный озарения успех,
Решена довольно сложная задача,
А в награду – «Думаешь, умнее всех?
Получай пинок – месть за твою удачу».

Я дарю Отчизне свой упорный труд
И надеюсь, что он всё же пригодится.

НИНА ГОЛОВАНОВА

А добытый в шахте знаний изумруд,
Пусть сияет на груди её в петлице.

Время скупое нам отпущено, в обрез,
Только лишь на то, что очень важно в жизни.
На весах всевышних ныне перевес,
Верю я, дел, что нужны Отчизне.

Белые хризантемы

Ах, хризантемы! Печальная нежность
Ваших взлохмаченных белых цветов
Знак подаёт, что грядёт неизбежность
Долгих дождей и больших холодов.

Розы цвели и гвоздики пылали,
Жаром и негой сводили с ума.
Птицы в лесах и садах щебетали,
Знать не желали, что грянет зима.

Смолкли их песни, птенцы повзрослели,
В шумные стаи собрались они.
В небе сыром косяки полетели –
В страны далёкие, в тёплые дни.

Что птицам нужно, зачем прилетают
В наши края, где зимой холода?
Видно, они, как и люди, мечтают
Родину видеть, пускай иногда.

Принцы взаперти

Всё те же галки и вороны,
Луна на небе в полтенге.
И те же женский крик и стоны,
Теперь уж в интернет-реке.

Нашёл другую – помоложе,
Или богаче, иль знатней.
Тоска, печаль всё время гложет,
Змея – обида на людей.

Самодостаточны, красивы
Мужчины, вроде бы хотят,
Но то ли злы, то ли спесивы,
Что не даёт им бог ребят,

Или доверчивых девчушек,
Которых не любить нельзя.
Не радостны блеск побрякушек,
Поездки в Рим и на Гоа.

И ловят в водах интернета
Призывы принцев: «Не грусти»,
Для тех нет ни зимы, ни лета,
Живут, как в тюрьмах, взаперти.

Мы, русские...

Мы, русские, не сдаёмся!
Мы иногда отступаем,
Но знаем, что это на время.
И вернёмся, как бы ни было
Тяжело бремя
Для нашей Земли.
Трепещите, врали,
Вместе с ворами и врагами
Вынесем вперёд ногами
Из нашей страны.
Всё, что взято из нашей казны
Вернётся с избытком.
Врагам будет пыткой
Видеть нас счастливыми и гордыми.
Да свершатся Заповеди Нагорные!

ПРОЗА

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Рассказы

Подростки

Какое отвратительное слово – «подростки»! Вроде бы уже не дети, но ещё не взрослые. Подросли, вытянулись, возмужали, но ещё не научились главному – быть взрослыми. Человек взрослеет тогда, когда начинает отвечать за свои слова и поступки. Научить этому должны родители, семья. Но это в идеале, а в действительности многие семьи вечно перекалдывают тяготы по воспитанию подростков на школу, учителей, дескать, им за это деньги платят. А подростки пользуются этой неразберихой и творят, что хотят.

Татьяна никогда не боялась подростков. Ещё бы! Она ведь была педагогом по призванию. После окончания школы сразу поступила в пединститут, закончила его с отличием, много лет работала в школе. Всякое на своём педагогическом веку повидала, особенно в качестве классного руководителя пятого, а затем и шестого классов. Её ученики то и дело попадали в разные истории: то один мальчишка другого головой о батарею ударит, то девочки мальчику в бутылочку с домашним компотом стирального порошка насыплют, то мальчик девочке на уроке физкультуры так «удачно» подножку подставит, что та потом месяц с загипсованной рукой ходить будет.

Когда Татьяне всё это изрядно надоело, перешла на работу в институт, благо, что педагоги с её образованием и таким стажем работы всегда востребованы.

Став преподавателем, в душе она осталась школьным учителем, ведь учитель – это не специальность, а диагноз. Когда в общественных местах подростки вели себя неподобающим образом, никогда не оставалась в стороне, как это делает большинство наших граждан, так как боятся этой непредсказуемой братии. Но Татьяна была не из таких. Вся её жизнь – словно иллюстрация слов известного барда Михаила Щербачева: «Ведь

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

если не я, то кто же, то кто же?...» Друзья говорили ей: «Не лезь!» Но разве она могла с её-то жизненным кредо?..»

Однажды, вернувшись домой, Татьяна увидела поднимающихся по лестнице на их этаж ребят лет тринадцати. Они шли в гости к соседской девочке – семикласснице Лене. Все были возбуждены. Татьяна почувствовала запах сигарет и алкоголя. Поняв наконец, кто автор беспорядка на их этаже, она немного пошутила, как обычно шутила со своими учениками, а потом вежливо попросила ребят не сорить на лестничной площадке. Ребята пообещали и даже сдержали своё обещание.

Прошло дней десять. Татьяна благополучно забыла о том случае, пока ей о нём не напомнили. На дворе стоял солнечный и радостный февральский день. Занятия закончились, и она возвращалась домой, улыбаясь чистому голубому небу и лёгкому морозцу. В воздухе наконец-то чувствовалось приближение весны. Однако её благодушное настроение сменилось тревогой. Не успела она открыть входную дверь своей квартиры, как вдруг ей послышалось, что на улице стреляют. Её любимый кот Барсик, прижав уши, метнулся к балконной двери. Татьяна последовала за ним. Выйдя на застеклённый балкон, она с трудом поверила своим глазам – в боковом стекле красовались шесть дырочек от пуль.

Татьяна набрала номер соседки Веры, с которой дружила. На её счастье, Вера была дома и мигом примчалась. Оценив обстановку, женщины поняли, что стреляли из кухонного окна соседней квартиры – той, где жила семиклассница Лена. Обе решительно направились туда. Татьяна позвонила. Звонки прозвучали громко, требовательно и беспощадно – совсем как звонок на урок. Дверь открыла Лена – босая и в одной рубашке.

Татьяна и Вера устроили ей допрос, но девочка, конечно, всё отрицала. И вдруг на их этаже остановился лифт, и оттуда вышли три парня всё того же нежного возраста и направились к ним. Вера, имея двух взрослых сыновей, была человеком не робкого десятка. Поняв, что нельзя упустить этот шанс узнать всю правду, она схватила одного из них за рукав куртки и втащила в Ленину квартиру. Двое других убежали. Татьяна вызвала милицию.

До приезда милиции парень всё им рассказал. Встретившись у школы во время каникул, они дружной толпой, как водится, завалились к Ленке, ведь её мама целыми днями работала и раньше десяти часов вечера не приходила. Один парень по имени Антон принёс пневматический пистолет, подаренный дедом, и предложил пострелять. Двое согласились. Мишенью выбрали Татьянин балкон.

Лена позвонила Антону и пригласила его ещё раз зайти к ней под каким-то благовидным предлогом. Когда Антон пришёл, его уже ждали сотрудники милиции, прибывшие весьма оперативно. Татьяну и Антона вместе отвезли в районное отделение, где Татьяна написала заявление, указав место, как предполагаемую причину такого поведения подростков. Месть за сделанное им десять дней назад замечание.

В эту ночь Татьяна плохо спала. В голове крутился какой-то калейдоскоп из событий предыдущего дня. Уснула она только под утро, но не успела проспать и пару часов, как в дверь позвонили. С утра пораньше её решили навестить три мамы со своими отпрысками. Подростки стояли молча, опустив головы, пока их матери извинялись за своих сыновей и уговаривали Татьяну забрать заявление. Татьяна объяснила им, что пневматический пистолет – это далеко не безобидная игрушка: сначала они стреляют по балкону, потом по живому существу, к примеру, по коту или собаке, а следующими на очереди уже будут люди.

На следующий день Татьяна направилась в районное отделение милиции. Начальник отдела по делам несовершеннолетних посоветовала ей не подавать встречное заявление, пока виновники не возместят ей материальный ущерб. Это показалось Тани разумным. Вернувшись домой, она позвонила на фирму. Представитель фирмы оценил работу по замене балконного стекла в шесть тысяч рублей. Не откладывая дело в долгий ящик, Татьяна решительно набрала телефонный номер мамы Антона и сказала, что готова пойти им навстречу, если родители заплатят названную оценщиком сумму денег.

Как ни странно, мама Антона решила ещё и поторговаться, на что Татьяна ответила: «Я всё равно буду менять стекло – с вашей помощью или без неё. Если вам жалко денег, заявление я забирать не буду. Выбирайте – или по две тысячи с семьи или позорное пятно в биографии ваших сыновей».

Через три дня пришли родители этих подростков с деньгами. На этот раз женщин сопровождал мужчина лет шестидесяти. Он зашёл в Танину квартиру, как к себе домой, осмотрел место происшествия и, жуя жвачку прямо Тани в лицо, смачно произнёс:

– А ничего стреляли! Кучно!!!

Татьяна решила поинтересоваться у мужчины, кто он такой. Ответ не заставил себя ждать:

– Человек!

Такого открытого хамства Татьяна вынести уже не смогла и выставила человека за дверь, несмотря на разницу в возрасте.

Как потом выяснилось, это был дедушка нашего «Ворошиловского стрелка», подарившего ему пневматический пистолет. Матери Антона было очень стыдно за свёкра, а Татьяна поняла, почему мальчик вырос именно таким. Это лишь подтвердило её теорию, что от осинки не родятся апельсинки. Она молча взяла деньги и написала расписку в их получении. Конфликт был исчерпан. Наутро она подала встречное заявление в районное отделение милиции.

Спустя пару месяцев Татьяна медленно шла домой, нагруженная двумя сумками – одна – с учебниками, другая – с продуктами. Вдруг увидела идущего впереди подростка – одного из тех, который стрелял по балкону. Рядом с ним шёл мужчина. Похоже, они никуда не спешили, а просто прогуливались, о чём-то оживлённо беседуя. Когда Татьяна почти догнала их, то услышала, как подросток спросил своего отца:

– Папа, а ты купишь мне пневматический пистолет, такой же, как у Антона?

– Конечно, – ответил его отец.

Услышав эти слова, Татьяна горько вздохнула, набросила на голову капюшон куртки, чтобы не быть узнаваемой, и быстро прошла мимо...

Педсовет

Не секрет, что власть оказывает огромное влияние на психику человека. Ощущение своего превосходства над другими – это как адреналин в крови. Испытав один раз, хочется попробовать снова и снова, и уже невозможно остановиться. Встречается подобное явление не только в политике. Это происходит и в семье, и, что самое страшное, в школе. Многие педагоги порой упиваются властью над теми, кого учат. Но не понимают они главного – поставив ученику двойку, вызвав в школу его родителей или пригрозив исключением,

они не заставляют его учиться, а скрывают своё бессилие, а порой и непрофессионализм. К чему это может привести? Последствия подобных поступков непредсказуемы. Практика показывает, что своей властью педагог может сломать ребёнка. И, к сожалению, не только морально!

В детстве Василису окружали очень властные люди. Несмотря на свой строптивый характер, она изо всех сил старалась угодить и маме, и отцу, боясь нарушить законы, раз и навсегда установленные в семье. А её классная руководительница наводила страх и ужас на весь класс, ибо была знающим и очень требовательным педагогом. И никому из ребят даже в голову не могло прийти явиться на урок с неподготовленным домашним заданием или не принять участия в классных или школьных мероприятиях. Это грозило большими неприятностями.

Вот так и провела наша героиня всё детство и отрочество в страхе. Поэтому, решив однажды стать учительницей, она дала себе слово, что никогда не будет использовать власть над своими учениками, а постарается стать им другом.

Когда Василиса пришла на работу в школу, то поняла, что не такая как все. Она не только учила ребят, но и дружила с ними, общаясь не только в школе, но и за её пределами. И ей казалось, что другие педагоги, дорвавшись к власти над школьниками, теперь всю стараются их унижить, чувствуя своё превосходство над ними.

Самой главной забавой для школьных учителей в те годы был малый педсовет с вызовом провинившихся учеников. Вот где было раздолье поизощряться в методах воздействия на мальчишек и девчонок, но, в основном, конечно, мальчишек, ибо эта братия исторически доставляет учителям гораздо больше хлопот. Среди таких учеников был и десятиклассник Костя Лавров. Он не был ни заядлым прогульщиком, ни скандалистом – он просто плохо учился. Но именно это безразличие к учёбе настолько сильно раздражало его классного руководителя, что та решила поставить вопрос на малом педсовете о его дальнейшем пребывании в школе.

На этот педсовет пригласили и Василису, так как один из вопросов касался её. Костю она совсем не знала, потому как не работала в старших классах. Будучи лицом незаинтересованным, она просто слушала всё, что там обсуждалось. Сначала выступила Костина классная руководительница, говорила очень эмоционально, постоянно подчёркивая нежелание Константина учиться. Её поддержала учительница русского языка и литературы. Она ссылаясь на то, что её предмет включён в перечень обязательных вступительных экзаменов. И это была чистая правда, ведь во всех вузах нужно было писать сочинение или диктант. А Константин по-прежнему делал огромное количество ошибок в правописании и не хотел посещать дополнительные занятия после школы. Потом высказалась учительница по математике, сказав, что Константин не сдаст экзамен по её предмету даже в школе, ибо с начала учебного года он не выполнил ни одного домашнего задания. Такая же ситуация сложилась у Константина и с английским языком. Выступление её коллеги решило в конечном итоге судьбу Константина. Сам он стоял и молчал даже тогда, когда его спросили, почему он такой и что собирается дальше делать.

Когда Константину разрешили покинуть кабинет, директор школы поставила вопрос о его исключении. И тут Василиса не выдержала. Она попросила слова и сказала, что учителя не имеют права распоряжаться судьбой своих учеников, призвала подумать о судьбе человека. Когда коллеги проголосовали

за исключение Кости из школы, Василиса, проголосовавшая против, встала и, сказав: «Неужели вам не страшно?», ушла с педсовета.

Была весна. На улице пели птицы, но на душе у Василисы явно был не май. У неё перед глазами стоял этот худенький мальчишка, похожий на неоперившегося птенца. Она долго бродила по улицам, думая, что если с ним что-то случится, то виноваты будут те, кто не помог ему, кто выгнал его, чтобы улучшить школьные показатели успеваемости. Конечно, нет человека – нет проблемы.

Но вскоре эти думы сменились другими. Нужно было выставлять четвертные и полугодовые оценки, заполнять документацию и, наконец, купить путёвку в дом отдыха, чтобы хорошо отдохнуть летом и набраться сил перед новым учебным годом.

Новый учебный год начался, как всегда, традиционным августовским педсоветом. Выслушав доклад директора о планах, педагоги приступили к обсуждению общих вопросов. Последним был вопрос, повергший всех присутствовавших на педсовете в шок – погиб бывший ученик их школы Костя Лавров. Директор поведала собравшимся страшную историю.

Будучи изгнанным из школы, Костя связался с какой-то компанией барыг, распространяющих наркотики, и не принёс вовремя деньги. Ему пригрозили, но Константин, несмотря на хрупкое телосложение, был парнем неробкого десятка. Он сказал, что отдал им всё по договорённости, а поднятый ими процент его не касается. Но с этими людьми, охочими до денег за счёт несчастья других, лучше не шутить. Они решили ему отомстить.

Костя жил на последнем этаже восьмиэтажного дома вместе с родителями и бабушкой. Трёхкомнатная квартира была типовой распашонкой, в которой три окна выходили на одну сторону, а одно окно – на противоположную. Тем, кто узнал, в какой квартире живёт Костя, нетрудно было догадаться, какую комнату он занимает.

Однажды ночью, когда все обитатели квартиры спали мирным сном, кто-то забрался на крышу и, привязав к верёвке бутылку с горючей смесью, разбил окно и бросил её внутрь. В квартире начался пожар. Железную дверь заблокировало, и поэтому никто не смог выйти из квартиры до приезда пожарных и врачей. Но бабушка задохнулась сразу в доме, Костя умер по дороге в больницу. Его папа скончался через два дня, так и не придя в сознание, а мама... попала в сумасшедший дом. И никто не мог сказать, сколько она проживёт, и можно ли вообще назвать это жизнью.

Василиса выслушала всё это, стиснув зубы, чтобы не расплакаться. А когда директор закончила рассказ, подняла руку и, получив разрешение высказаться, сказала: «Кто дал нам право распоряжаться чужими судьбами?! Если бы не решение исключить мальчика из школы, его жизнь могла бы сложиться иначе! Мы вырвали его из привычной среды одноклассников. Но человек не может быть в изоляции, особенно, если этот человек молод. Ему обязательно нужно общение. Лишённый одной компании, он непременно будет искать другую. И никто не может дать гарантии, что новые знакомые окажутся порядочными людьми. А мы своей властью толкнули Костю к тем, кто лишил его и его близких жизни. А, может, это сделали мы?»

Пока Василиса говорила, она смотрела на педагогов, которые отводили в сторону глаза. Хотелось верить, что им было стыдно за то, что они натворили.

Власть сама по себе ни хороша и ни плоха. Она лишь инструмент в руках человека, который распоряжается ею. А последствия работы этого инструмента зависят только от одного – нашей совести ...

ПОЭЗИЯ

Виктор АСТАФЬЕВ

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Виктор Никитович Астафьев – родился в 1948 г. Закончил МГРИ им. С. Орджоникидзе по специальности горный инженер-геофизик. Кандидат геолого-минералогических наук. Работал начальником геофизической партии, заведующим лабораторией, начальником отдела во ВНИИ. Член Российского Союза писателей с 2014 г.

Живёт во Владимире.

«Проступят прошлого следы...»

***

Если счистить коросту с уставшей души
и добраться до генного кода –
жив во мне старовер из тамбовской глуши,
из крестьянского древнего рода.
Не суровый начётчик, двуперстным крестом
осеяющий пыль фолиантов,
а потомственный смерд, одарённый Христом
полной мерой рабочих талантов.

Ведь крестьянам не ставили бронзовых плит,
имена не вносили в скрижали,
чтоб цари и вожди одевались в гранит,
предки плуг и винтовку держали.
Сколько тягот и горечи выпало им,
трудно хлебом насытить державу,
сколько их полегло по равнинам глухим,
заслужив безымянную славу.

Я их крови и плоти фрагмент небольшой...
В кабале современной неволи
остатся печалиться древней душой
о крестьянской несбывшейся доле.
Вот и сердце, и руки томятся в тоске,
что не сделал заветное дело,
и сжимаю я землю весной в кулаке,
рассыпается – значит поспела...

***

Изведать пустоту страниц
как запоздавшее блаженство, –
зачем кормить лукавых птиц,
забывших неба совершенство?
Зачем упорно падать ниц,
ловить отхлынувшие были
и влажным трепетом ресниц
держат виденья, что уплыли
в немую пустоту страниц?

***

В воспоминаниях пропасть,
как в омуте, совсем не диво,
их торжествующая власть
всесильна и несправедлива.

Замкнув на прошлом мыслей бег,
от горестей не отогреться...
Зачем же создавать себе
штрафную камеру для сердца?

Чем одиночество страшит?
Не холодом пустой постели,
а состоянием души,
живущей в одиноком теле.

***

Я вернулся вчера в заколдованный лес,
я хотел повторения летних чудес,
и сквозь луж зеркала дивным светом маня,
паутина дождя пропустила меня.

Иероглифы туч на промокнувшем холсте,
и следы исчезают в шуршащей листве,
и пунцовые гроздья раздетых рябин
всё не могут коснуться берёзы седин.

Только ёлок шеренга в шинелях до пят,
да отважный отряд переростков опять
на упавшей осине стоит, не таясь,
а вокруг расстилается чёрная грязь.

Хоть бы солнца глоток, хоть бы лучик с небес,
но тревожно молчит заколдованный лес,
и нависла над сказкой свинцовая хмарь...
Я вернусь, когда будет прозрачный январь.

И к замёрзшей коре я щекою прижмусь,
и припомню осеннюю, давнюю грусть,
и застонет берёза, любви не тая,
может быть, в прежней жизни невеста моя.

***

Я много раз пытался сбросить
ошибок прежних тяжкий груз,
но, если друг совета спросит,
рецепта выдать не берусь.
Пенять былому несерьёзно,
и коль заела суета,
попробуй сам, пока не поздно,
начать жизнь с чистого листа.
Добавь к желанию отваги,
рискни... Но удивишься ты,
когда на девственной бумаге
проступят прошлого следы...

Перед иконой

Мысли замерли на старте
ожиданием парящим –
столько лет в пустом азарте
жил фальшивым настоящим.

Не тужил о перспективах,
пил нектар, не чуя вкуса,
в бурных жизненных извивах
редко избегал искуса.

Разменял грошовой рентой
предпосылки генных кружев,
израсходовал моменты,
путь назначенный нарушив.

Эхо внутреннего стона
бьётся жилкою капризной...
Потемневшая икона
смотрит с доброй укоризной...

ПРОЗА

Сергей СКОРЫЙ

Ностальгические новеллы

(из цикла «Шестидесятые далёкие года»)

Граната для полковника Маринина

Боже мой, как же мне нравилась Танька Маринина! Пухленькая, с румянцем на щёчках, украшенных ямочками, двумя косичками, торчащими в разные стороны, но главное – акающим московским говором, разительно отличающимся от нашего южного произношения. Она была младшей и любимой дочкой полковника Маринина, лётчика-истребителя, фронтовика, солидного полноватого мужчины с ёжиком седых волос и строгим взглядом. Маринины жили в Москве, но летом отдыхали в нашем небольшом старинном крымском городке, где у них был свой дом – нечто вроде дачи. Приезжали москвичи на собственном автомобиле – просторной и – как мне казалось тогда – удивительно красивой «Победе». Такой машины ни у кого из местных жителей не было.

Дом Марининых стоял по соседству с нашим подворьем. Именно это сыграло определённую роль в произошедшей со мной истории.

Я всячески хотел обратить на себя внимание столичной соседки, но сделать это мне, тринадцатилетнему провинциальному мальчишке, было совсем непросто. Выразительной внешностью я не отличался, что же касается одежды, то о каких-то гардеробных изысках и говорить не приходится! Как и все мои сверстники, летом ходил в обычных спортивных трикотажных шароварах, которые сильно вытягивались и пузырились на коленях, или хлопчатобумажных брюках, имевших странное народное название – «штаны из чёртовой кожи». Сверху наряд дополнялся майкой или рубашкой с короткими рукавами, которые к исходу лета приобретали основательно выгоревший вид. Обувью обычно служили лёгкие кожаные тапочки на шнурках, недостатком которых являлось то, что они сильно скользили, особенно по траве. Какие-либо

Сергей Анатольевич Скорый – родился и вырос в Крыму. Окончил Таврический национальный университет (Симферополь), аспирантуру Национальной академии наук Украины (Киев). Поэт. Член Союза русских, украинских и белорусских писателей АР Крым, Союза русских писателей Восточного Крыма. Автор пяти поэтических сборников. Стихи, проза, публицистика, переводы публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Нева», «День и ночь», «Южная звезда», «Ковчег» и многих других. Лауреат и дипломант ряда крымских литературных фестивалей. Доктор исторических наук, профессор археологии.

Живёт и работает в Киеве (Украина) и в Крыму.

головные уборы попросту игнорировались. Зато положительными моментами моего облика были смуглость, худощавость и чрезвычайная подвижность.

На фоне моей провинциальной обыденности Танька явно выглядела принцессой. Чуть ли не каждый день она появлялась на улице в новом платье, что сопровождалось соответствующей реакцией местных девчонок. Таньку они не любили, в отличие от меня...

Воспитывали меня (если так вообще можно сказать) бабка и дед, поскольку родители временно жили в Киеве, где учился отец. Рос я свободолюбивым подростком и «шлялся» – как говаривал мой дед – с местными пацанами по окрестным лесам. Наши «походы», порой на довольно большое расстояние, объяснялись не только и не столько любовью к родной природе. Мы искали на местах боёв, партизанских стоянках оружие времён Великой Отечественной войны, и нередко эти поиски были успешными. Во всяком случае, у меня был замечательный, хотя и ржавый, арсенал: винтовка системы Мосина (в просторечье – «трёхлинейка»), знаменитый автомат ППШ, несколько немецких миномётных мин без зарядов и взрывателей, каски – наши и немецкие. Особой гордостью, вызывавшей негромкую зависть у друзей, была наша противотанковая граната, но без заряда. С «личным оружием» мы разыгрывали целые баталии, за городом, подальше от людских глаз. С неизменным восторгом в стан «неприятеля» металась граната, в чём я особенно преуспел...

Моё чрезмерное желание понравиться Татьяне не прошло мимо внимания её бдительного и строгого родителя. И, однажды, встретив меня, «дежурившего» возле их дома и ждущего появления «московской принцессы», полковник Маринин, очевидно, с профилактической целью, больно надрал мне уши, приговаривая: «Чтобы я тебя, сопляк, возле моей дочери больше не видел!»

Случилось это на глазах вышедшей на улицу Таньки... Надранные уши горели, но ещё больше – лицо, от нестерпимого стыда и обиды. Я закусил губу, чтобы не расплакаться...

«Эх, полковник, полковник, – размышляю я сейчас, по прошествии очень значительного времени, – наверное, был ты отважным истребителем: видел тебя в кителе, увешанным наградами. Быть может, “завалил” в воздушном бою не одного “мессера” и “фоккера”... Но, не сомневаюсь в одном: ты был плохим знатоком человеческой души. Нельзя истреблять так безжалостно первую влюблённость, да ещё на глазах у предмета обожания! Невозможно и противоестественно унижать формирующуюся в юном существе гордость...»

Это у меня сейчас такие мысли. А тогда... Тогда я вообще ни о чём не думал. Схватив спрятанную в сарае противотанковую гранату, я, что было силы, швырнул её в окно комнаты, где находился мой обидчик...

Раздался звон стекла и, прежде чем убежать, я увидел, как полковник с неестественной для его комплекции скоростью юркнул под кровать. Он, конечно, не догадывался, что противотанковая граната не имеет заряда, но как бывший фронтовик, прекрасно знал поражающие способности этого взрывного устройства...

...Нет, никто меня не забирал в милицию. Ну, не мог же бесстрашный боевой офицер, горевший однажды в самолёте и чудом выживший, признаться, что испугался простой болванки. Дело завершилось серьёзной домашней экзекуцией, осуществлённой любимым дедом.

Вы меня спросите: сожалю ли я об этом поступке? Или по-другому: стыдно ли мне?

А я вам отвечаю: нет!

Лёнька-немчура

Женщины с нашей улицы не любили мою соседку, тётку Женьку, незамужнюю, худощавую, с бледным лицом, ходившую почему-то всё время в платке, надвинутым почти по самые глаза. На вид ей было где-то за тридцать, но нам, двенадцатилетним-тринадцатилетним мальчишкам казалась она, ну, если не старухой, то вполне пожилой тёткой. Помню, как при её появлении на улице сидевшие по вечерам на скамейках женщины начинали шептаться, а беззубая бабка Пашка однажды, когда соседка шла из магазина с каким-то кулёчком в руке, сочно плюнув ей вслед, прошамкала:

– Во, курва пошла! Подстилка немецкая! Гостинец, небось, понесла выбл. ку своему!

Я знал, что первое слово – нехорошее, ругательное, а вот какое отношение «подстилка немецкая» имеет к тётке Женьке, было невдомёк, да и с «выблядком» не всё было понятно... Но однажды из случайно услышанного разговора моих бабки и деда я узнал, что наша соседка во время войны с немцами «таскалась»... Правда, сказано это было немного иначе, но вполне достаточно для того, чтобы я понял смысл фразы. И ещё, что у Лёньки, сына Женьки, отец – самый настоящий фашист.

...Лёньке Алдушецкому, вихрастому, светловолосому, почти рыжему парню с голубыми глазами было лет шестнадцать. Он отличался ростом, довольно широкими плечами, лобастой головой, но при этом смотрел на мир как-то по-доброму и наивно. Внешне он совсем не напоминал свою мать. Лёнька хорошо учился в старшем классе, но ни пионером, ни комсомольцем не был. Да, и друзей, насколько я помню, у него не водилось.

Мы все в начале 1960-х жили небогато, а Алдушецкие, так те – просто бедствовали. Тётка Женька работала уборщицей в школе, Лёнька часто помогал убирать ей классы, оставаясь после уроков. Сколько помню, ходил он в одной и той же одежде, а у нас, хоть и изредка, но появлялись какие-то обновки.

...А тень прошедшей страшной войны витала ещё рядом. Окрестности нашего крымского городка были наполнены различным железом, среди которого встречалось немало оружия, вполне стрелявшего, и боеприпасов, нередко взрывававшихся. Понятное дело, что в силу своей неразумности и возрастного любопытства жертвами опасного наследия войны чаще всего становились мальчишки. Некоторые мои сверстники так и остались навсегда юными, иные были покалечены на всю оставшуюся жизнь... Было и другое. Помню, водился с нами великовозрастный парень лет за 20, известный в городке как «Витя-дурачок», или «Витя дюн-дюлю», как мы его почему-то называли. Было это вполне безобидное создание, физически сильное, но совершенно слабого расклада. Он сторонился взрослых, боялся шума и доверял только нам, детям. Мы азартно предавались развлечениям того времени: «резались» в ножички, били ногой жёску (кусок овечьей шкурки со свинцовым грузиком), играли в денежку о бортик.

Не помню уж, от кого, но узнали мы грустную историю о Вите-дурачке. В 1941, во время бомбёжки города, маленький Витя лежал в кровати. Попавшая в дом немецкая авиабомба, уничтожила всех, кроме него и его мамы. Но Витя навсегда остался по разуму ребёнком...

...Мы росли на подвигах героев войны, пионеров и комсомольцев, и с законной ненавистью относились к фашистам, с недетским презрением к их пособникам и предателям.

И надо же – оказывается тут, рядом с нами, живёт тётка, самая что ни на есть пособница, да ещё и её сынок – фашистский выкормыш! Боюсь, нынешнему читателю нелегко будет понять всю степень негодования и ожесточённости, охвативших компанию уличных пацанов, в которую входил и я, живших по законам своих представлений о чести.

Ах, как мы травили Лёньку... Стаей злобных волчат поджидали его то у дома, то после школы, обзывали немчурой проклятой, фашистом недорезанным, грозили подкараулить по темноте, швыряли ему в спину камни. Думаю, что Лёнька, старший по возрасту и намного сильнее физически, мог бы разогнать нашу лютующую компанию, да ещё надавать кому-то. Но он почему-то этого не делал, а моргая белёсыми ресницами над удивлёнными глазами, втягивал голову в плечи и, сутулясь, каждый раз уходил прочь. Нас же эта непонятная покорность распалаяла ещё больше...

Верно, что безнаказанность порождает вседозволенность. Объектами нашей злобы вскоре стали дом тётки Женьки, а позже и она сама. Дому делались всякие пакости, самой мелкой из которых было битьё оконных стёкол, довольно дефицитных в то время. А тётке Женьке, когда она вечером, после работы уставшая возвращалась домой, нередко кто-то из нашей компании в спину выкрикивал оскорбления, которые мы слышали в её адрес от старших. Какими жестокими, оказывается, можно быть в прелестном детском возрасте!

...Я ничем не отличался от своих сверстников – такой же волчонок в стае. Помню, бегу на некотором расстоянии от тётки Женьки и кричу ей в спину бранные слова из репертуара беззубой бабки Пашки. Но, зацепившись за что-то на дороге, растягиваюсь во весь рост. Потирая ушибленные колени, сажусь на пятую точку, а надо мной – тётка Женька.

– Дурак ты ещё несмышлёный! – вдруг говорит она мне, вместо того, чтобы дать по шее, чего, собственно говоря, я и ожидал.

– Любовь у меня была с Куртом, большая, настоящая! И Лёнька – от этой любви. Эх, если бы не война... сынок!

И вдруг платок соскальзывает с головы тётки Женьки, а я смотрю – никакая она не старая, даже красивая, только вот волосы её почему-то все будто мукой обсыпаны...

«Время стилияг»

До сих пор из моей памяти иногда выныривают слова этой совершенно дурацкой песенки, из 60-х годов:

*Не ходите, дети в школу,
пейте дети «Кока-колу»,
не играйте в баскетбол,
а танцуйте рок-н-ролл!*

Господи, как же всё давно это было! Удивительное «время стилияг»... Впервые я узнал о них в году 1964-ом, увидев яркую карикатуру в сатирико-юмористическом журнале «Крокодил» (его выписывала семья моего соседа и дружка Сашки Решаева). На ней были изображены молодые люди, своим видом сразу же поразившие моё воображение. Парни – с диковинными причёсками, струящимися вперёд такими «коками», длиннющими бакенбардами

и подбритыми усиками, в клетчатых пиджаках с немисливо расширенными плечами, невероятно узких брюках и туфлях на толстенной подошве. Девушки – с подобранными волосами, туго перевязанными на затылке вверх и струящимися затем вниз, по плечам (позже эта причёска получила наименование «конский хвост»), узких коротких брючках или широких плиссированных юбках, туфлях на высоких каблуках-«шпильках». Молодые люди, взявшись за руки, лихо отплясывали, высоко задирая ноги, неведомый мне танец. Стихотворный пассаж под рисунком с обвинительным жаром сообщал, что это – «стиляги», пижоны, бездельники и проходимцы, оторвавшиеся от нашей социалистической действительности и попавшие под влияние западной разлагающей морали. А танцуют они идеологически вредный танец «рок-н-ролл»...

Это было захватывающе и интересно! В нашем южном провинциальном городке «стиляг» пока ещё не было. Однако, старшие ребята, учившиеся в Симферополе и других крупных городах за пределами Крыма, приезжая домой, привозили не только всевозможные рассказы об этой – выражаясь современным языком – «продвинутой» молодёжи. Некоторые из них тоже начали щеголять предметами одежды, не виданной нами ранее и невесть каким образом попавшей к ним. Особенно впечатляли рубашки, на выпуск, с «кричащими» изображениями типа тропических пальм, с обезьянами на них, загорелых заморских красоток в откровенных купальниках, и аналогично украшенные галстуки. Словарный запас моего поколения медленно, но уверенно стал пополняться диковинными словами: «чувак», «чувиха» («чува») (со временем модифицированные в «чудак», «чудоха»), «кайф», «лабать», «мэн». Некоторые из них, несмотря на почтенный возраст, бытуют в «великом и могучем» и поныне. С именами собственными в молодёжной среде стали происходить любопытные метаморфозы: Бори стали почему-то именоваться Бобами, Жоры – Джонами, Сени – Сэмами...

Появилась музыка, неслыханная ранее... Она приходила разными путями: иногда попадала в наши приёмники с волнами западных радиостанций, прорывая сети мощных отечественных «глушилок», но чаще носителями её выступали гибкие пародии на пластинки – так называемые «рёбра», записи, сделанные на рентгеновских плёнках. Поставленные на проигрыватель «рёбра» шипели, подпрыгивали на крутящемся диске, но под настойчивым воздействием корундовой иглы начинали издавать ритмические мелодии с англоязычными текстами. Настоящих пластинок «из-за бугра» у нас не было. Но и «рёбра» являлись предметами живого обмена и продажи. Откуда они появлялись, постепенно наводняя городок, понятия не имею...

Одними из первых, невероятно захватывающих мелодий, которые мне довелось в то время услышать, были «Rock Around The Clock» и «Let's Twist Again». Тогда я, конечно, не знал, что исполнителями этих песен были один из первых «королей рок-н-ролла» Билл Хэйли и легендарный «твистер» Чабби Чеккер...

Любопытно, что почти сразу на «роковые» мотивы появился слегка похабный песенный «фольклор», в котором всюду обыгрывались популярнейшие слова – «чувак», «чувиха», «рок»... К примеру, вот что всюду распевало младшее поколение:

*На развилке трёх дорог,
стоит терем-теремок.
Из окна несётся рок.*

*Вышел зайчик на крыльцо,
почесал своё я...*

А старшие подростки предпочитали это:

*На столе чувиха гола,
под столом бутылка «Колы»,
рядом с ней лежит чувак,
напевая «Мамбо-рак»...*

По сей день не знаю, что это за творение – «Мамбо-рак»... Догадываюсь, что речь, вероятно, могла идти о «Мамбо-Роке» – одном из наиболее известных рок-н-роллов, исполняемых Биллом Хэйли... Но из той песни – слова не выкинешь!

Стало шиком носить брюки-«дудочки», зауженные до такой степени, что снять их порой было делом нелёгким! Спасали лишь разрезы с двух сторон швов. Считалось модным поднимать вертикально воротник рубашки... Конечно, клетчатых пиджаков с подставными ватными плечами, рубашек с пальмами, обезьянами и красотками, как и обуви на толстой микропорке, у нас не было. Но всё же...

Наши сверстницы старались не отставать и поражали мальчишеское воображение не столько «нарядами», сколько необычными причёсками. Впечатляющие названия трёх из них помню до сих пор: «Я у мамы – дурочка», «Приходи ко мне в пещеру», «Я упала с самосвала, тормозила головой». Яркой особенностью первой была чёлка, почти закрывавшая глаза, вторая же характеризовалась довольно сумбурным начёсом, внутри которого, по-видимому, и находилась та самая «пещера»... Чтобы представить, как выглядела третья причёска, большого воображения не надо...

Проводником «стиляжьей» моды в нашей компании был мой одноклассник Вовка Скакунов, которого мы звали «Скакуном», а в свете распространившейся моды – Вольдемаром. Жил он в многодетной семье, без отца, учился – так себе... Но что касается всяких западных «штучек» – равных ему не было. Я думаю, основным «поставщиком» всего этого являлся его старший брат Колька, работающий в порту одного из южных городов. Вольдемар одним из первых в нашем городке вырядился в «дудочки» и стал гордо носить купленную братом яркую рубашку с попугаями. Более того, ему удалось завести удивительную причёску с выступающим вперёд «коком», точно такую же, как я видел на карикатуре в «Крокодиле». Эта деталь его облика вызвала особую зависть. Бакенбарды и усы у Вольдемара пока ещё не росли... Именно он у себя дома продемонстрировал нам, как под звучание «рёбер» нужно танцевать рок-н-ролл, по-видимому, выучившись вычурным «па» у старшего брата. От Вольдемара я впервые услышал имя «Элвис Пресли». Он же показал маленькое, плохого качества фото Элвиса и дал послушать записанные на «рёбрах» рок-н-роллы в исполнении голосистого американца. Понятное дело, мы в большинстве своём подражали Вольдемару... Правда, мои попытки завести такую же, как у него причёску – ни к чему не привели: непослушные вихры никак не хотели приобретать вид впечатляющего «кока»...

Однажды Вольдемар таинственно сообщил, что вместе с Колькой приезжает несколько его друзей, настоящих «стиляг», и вот они-то и покажут, как надо «лабать рок»...

В летнюю пору основным центром культурного времяпрепровождения молодёжи нашего городка являлась открытая танцевальная площадка – «пятак»,

расположенная в старинном тенистом парке, именуемом жителями сокращённо – «горсад». «Пятак» возвышался над местностью и был обнесён оградой. Украшали её фигурные бетонные столбики, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга и придающие забору даже некую ажурность. Внизу, по его периметру, на приличной от земли высоте, находился бордюр. Стоя на нём и держась за край ограды, можно было вволю наслаждаться видом танцующих на «пятак». Именно этим и занимались мы раза три в неделю, когда в парке устраивались танцы. Сама танцплощадка нам (14-15-летним) была недоступна. Остальным для входа на неё нужно было покупать билет. Некоторые шустрые «безбилетники» лихо перепрыгивали изгородь и растворялись в толпе танцующих. За порядком на «пятак» чаще всего следили бдительные «народные дружинники» с красными повязками на руках. Обычно они удаляли с танцплощадки молодёжь, танцующую не «те» танцы, затевающую потасовки или пребывающую основательно «под шафе». Но бдительность «народных дружинников» вовсе не ограничивалась слежением за «пятак». Влюблённые разных возрастов ни в коей мере не должны были выражать свои чувства друг к другу прилюдно. Например, молодому человеку нельзя было «на людях» целовать девушку, ибо это считалось аморальным. По этой причине потенциальные «нарушители» старались уединяться в тёмных аллеях парка или скамейках, под сенью густых кустов...

И вот вечером одного из воскресений на «пятак» появился брат Вольдемара – Колька, а с ним две незнакомые «чувихи» и «чувак». Компания была практически копией «стиляг» с той самой карикатуры из «Крокодила»! Разве что у ребят не было пиджаков, поскольку царила летняя теплынь. Зато всё остальное – крайне впечатляло! Думается, что Кольке удалось договориться (не знаю – безвозмездно ли?) с киномехаником Витькой, который параллельно с показом фильмов в местном кинотеатре «крутил» музыку на «пятак»... После завершения плавного вальса, вдруг во всю мощь нескольких «колонок», установленных по кругу, близ столбов освещения, грянул «Рок вокруг часов»!

Боже, что тут началось! «Народ» в центральной части «пятака» расступался, создавая для танцующих пространство... А брат Вольдемара, его приятель и две их подружки, перемещаясь с приличной быстротой то взад-вперёд, то в стороны, выделывали ногами и руками в такт музыки совершенно невообразимые штуки... Венцом танца явилось «пробрасывание» между ногами парней взъерошенных «чувих», что было сделано мастерски, без нанесения травм последним о бетонный пол «пятака». При этом девчонки сверкнули тем, что обычно прячется под юбками... Восторгу «народа» – не было предела!

Но... набежали «дружинники» и дружно, взащей, вытолкнули с танцплощадки Кольку и заезжих «стиляг», всячески порицая их нехорошими словами... Да, это было зрелище, память о котором осталась навсегда!

...Мы, игнорируя призывы глупой, но популярной песенки, куплет из которой приведён в начале этого повествования, продолжали ходить в школу, играть в баскетбол... Хотя при этом – признаюсь честно – всё же учились танцевать рок-н-ролл. А вот «Кока-колы» – одного (как считалось) из символов «загнивающего» Запада – в те годы, так и не пришлось попробовать: в Советском Союзе этот идеологически чуждый напиток не производился и не продавался...

ПОЭЗИЯ

Геннадий Викторович Кожин – окончил Московский авиационно-технологический институт, Военно-инженерную радиотехническую Академию. Полковник. С 2003 г. по 2015 г. – Генеральный директор оборонного предприятия. Автор книги стихов. Живёт в Москве.

Геннадий КОЖИН

«Мне жизнь мила, но только лишь в борьбе...»

***

Вот стук колёс умолк, и на платформе
Стою я, окружённый тишиной.
И сердце замирает поневоле,
Прощаясь вмиг с никчёмной суетой,
И обретает вновь утерянный покой.
Вот купола блистают Троицы Святой,
Внизу родник звенит водою ключевой,
Тропинка через поле, бегущая за мной,
И величавы сосны своею сединой.
И бисер утренней росы на девственной
траве,
Рассыпанный ковром, как маки у Моне,
И поражает буйных красок гамма,
И редкой красоты деревни панорама.
Деревни, подарившей мне уют!
О, Санниково, ты души приют!

***

Как хочется порой мне быть
Рабом покорным вдохновенья
И предано, и с упоеньем
Ему остаток лет служить,
И чтобы им повелевалось
Мне каждый день прожить творя,
И чтобы сердце наслаждалось,
Что годы прожиты не зря.

Хочу, чтоб страсть не утихала,
Предав забвению покой,
И вдохновенье сохраняло
Мне душу вечно молодой.

***

Как я люблю уединенье!
Когда душа себе самой,
Забыв тревогу и сомненье,
Тихонько шепчет, что покой
Она находит в упоеньи
Воспоминаний лет молодых
И в ожидании свершений
Честолюбивых грёз своих.

Маме

Мне мама говорила,
искренне любя,
В жизни, сын, надейся
только на себя.

А мне тогда казалось,
есть в жизни чудеса,
Если друзья не смогут,
помогут небеса.

И вот когда сурово
жизнь обошлась со мной,
В себя утратил веру
и потерял покой.

Я попросил у неба:
«добрее будь со мной»,
А мне оно ответило
дождя скупой слезой!

Хоть и прошло с поры той
так много трудных лет,
Мне навсегда запомнился
небес простой ответ.

На все вопросы сложные
жизнь свой ответ дала.
Я часто повторяю,
как, мама, ты права!

***

Не угасают страсти дивные во мне.
По-прежнему я чувств прекрасных полон,
Неравнодушный к женской красоте,
Я с юных лет был ею очарован.

Другая страсть – успешность в жизни брэнной,
Я вечный раб её самозабвенный.
О Боже! Я в плену страстей своих,
Но не лишай меня оков прекрасных сих.

***

Вчера ещё искрился в поле снег
От солнечных лучей. Казалось, век
Ему блистать своею белизной,
Но нет, зима уходит на покой.

Теперь уж снег на поле не искрится.
Он ныне потемнел и тех лучей боится,
И бугорки оттаявшей земли
Чернеют стайкой птиц, усевшихся вдали.

***

Вчера уехал, а сегодня тянет
Меня в мой деревенский дом,
Где душу мне озябшую согреет
Огонь камина, сосны за окном,
Где солнечным залито поле светом,
Укрытое пушистым белым пледом.

Когда коснётся грусть меня слегка,
С друзьями я спешу укрыться в бане,
И улетает хворь души – тоска,
Когда колдуют веником над нами.
Небесный ангел, стрелы отложив,
На это свыше разрешение спросив.

Быть может, и вернётся мой Пегас
Сейчас оседланный удачливым поэтом,
Но если вдохновенен я сейчас –
Деревне благодарен я за это.

***

Загадок в жизни мне не перечесть,
Мы видим в ней порой, как честь
И рядом с ней бесчестье существует.
Как на предателя порою негодует
Предавший вас. И как один жирует,
От нищеты спасения другому нет.
И как любовь от смерти нас спасает,
Как от любви несчастный погибает,
Как холода желаем летом мы,
Как хочется зимою теплоты,
И почему во время пенья соловья
Из недр приходит шум землетрясения?
Как создаётся вечность бытия
Из пролетающих секунд мгновенья,
И птицей высоко мне хочется взлететь,
Но оставаясь на земле, куда мне крылья деть?

***

И снова встреча волнует кровь,
Когда вернёшься к друзьям ты вновь,
Ведь чувствам добрым сердца верны,
И явью станут надежды сны.

Дни нашей жизни прошли не зря,
Друг в друге видим подчас себя,
Невзгоды помним и дни побед,
И не забыть нам прожитых лет.

Пусть нашей дружбы горит звезда,
И путеводной станет она.
Пусть каждый будет здоров, богат,
А нашей дружбе Vivat, Vivat!

***

Испытывают сталь всегда на прочность,
Для золота на пробу испытанье есть,
И только человека жизнь пытается
На прочность, пробу, совесть и на честь.

***

Когда б мне задан был самой судьбой
Вопрос, поверь мне, очень непростой,
Иль в пламени борьбы сгорать,
Иль в неге сладкой долго пребывать,
Я искренне ответил бы судьбе,
Мне жизнь мила, но только лишь в борьбе.

***

Когда в стихах я гимн пою
Природе, ветру, звёздам неба,
Я мысленно тебя благодарю,
Мою Кассандру и, конечно, Феба.

ПРОЗА

Антон ЛУКИН

Рассказы

Зубная боль

Вечером у Семёна Крылова разболелся зуб. Так окаянный стал ныть, хоть на стену лезь. Настродался Семён в сорок лет с этими зубами – хлебнул горяшка. Был он мужик крепкий, плечистый, в молодые годы подраться любил. Всё село в кулаке держал. Да и кулаки его трудно назвать кулаками – как кувалда. Если кого угостит такой ручищей, враз сляжет. Две недели хворать будет, а то и больше. С годами, правда, немного утихомирился, но всё равно, по пустякам да с глупостью не досаждай его, не тревожь душонку. Озлится, посмотрит из-под бровей косо и пошлёт на три советских. А коли кто и этих слов не поймёт, поможет своей пудовой гирей. И неважно, сосед ты ему, родственник какой или начальник. Хоть министр. Никого не боится. Но лет шесть назад выяснилось, что это не так. Есть и у него слабое место. И этим местом оказался кабинет зубного врача.

Как подумает Крылов, что нужно к стоматологу идти, аж в пот бросает. Стоит только на секунду представить, как войдёт он в кабинет, как усядется в кресло, и как начнут наболевшийся зуб сверлить, да ещё иглой убивать нерв – плохо становится. Трясти начинает.

– Дай ещё одну, – Семён обратился к жене, что лежала на диване и листала какой-то журнал. Та проигнорировала. – Тамара!

– И так уже три выпил. Потерпи.

– Таблетку!

Женщина, отложив журнал в сторону, ушла на кухню, принесла обезболивающего и стакан воды.

– На! Больше не проси. Не дам.

От супруга лекарства Тамара прятала, потому как знала, что дай ему сейчас волю, он за час всю упаковку употребит. С каждым разом таблетки всё меньше помогали.

– Мужик тут с ума сходит, а ей хоть бы хны. Лежит-полёживается, журнальчики листает.

Антон Евгеньевич Лукин – родился 2 декабря 1985 г. в селе Дивеево Нижегородской области. С 2005 по 2007 гг. проходил воинскую службу в городе Курске. Автор 8 книг прозы. Печатался в периодических изданиях: «Наши современники», «Молодая гвардия», «Север», «Дальний восток», «Огни Кузбасса», «Огни над Бией», «Литературная учёба», «Алтай», «Литературная газета», «День литературы», «Московский литератор» и др. В 2012 г. за рассказ «Жених из райцентра» стал лауреатом премии им. Андрея Платонова «Умное сердце», в 2013 г. за книгу «Самый сильный в школе» – дипломантом Всероссийской премии «Золотой Дельвиг». Гранпризёр литературного конкурса «Хрустальный родник», который проходил в 2014 г. в Орле. Вошёл в Длинный список премии «Ясная поляна» 2014 г. С января 2015 г. Член Союза писателей России.

Живёт в Дивеево.

– Что же мне перед тобой плясать?
 – Начинается. Я ей про Фому, она мне про Ерёму.
 Тамара присела на диван.
 – Сколько раз тебе говорить, что не лекарства мне эти жалко, а о тебе дураке забочусь. Чего ты их одну за другой глотаешь, словно аскорбинки?
 – Я на тебя посмотрел бы, – обиделся Семён. – Легко языком чесать, когда ничего не болит.
 – Нечего и смотреть. Я бы до последнего не сидела, не ахала и не охала. А пошла бы и вылечила зуб. Протянул кота за хвост, теперь мучаешься.
 Тамара ушла на кухню. Семён, придерживая челюсть, прилёг на диван. Хотел было уснуть, но не вышло. Не-ет, с этой болью ему не справиться. Всё перетерпеть можно, но это... И ногу, и пальцы, и рёбра ломал – терпимо. Тут же – крохотулька такая, с ноготь величиной, а ноет, стреляет так, словно душу режут. Глаз ещё левый разболелся. Так всегда, только зубы заиграют, сразу и в ухо и в глаз отдаёт. Зараза. И сколько раз не обещал сам себе Крылов, что всё, завтра в больницу, но наступает это самое «завтра», ничего уже не тревожит, и никуда не идёшь. Хотя знаешь, знаешь прекрасно, что через несколько дней снова же этот зуб даст тебе «дрозда». Так заноеет окаянный, хоть в гроб ложись.
 В сенях послышались, чьи-то шаги. В дверь постучали три раза, и в избу вошёл Игнат Тепкин.
 – Хозяева дома?! – послышался с порога его весёлый и наглый бас.
 – Где ж им быть? – Тамара, вытирая полотенцем ладони, вышла в прихожую.
 – Не выручите ли спичками, соседи?
 – Чем?
 – Шучу, – Тепкин улыбнулся. – Пару сотен не одолжите до вторника?
 Тамара пристально посмотрела на соседа.
 – На бутылку?
 – На её родимую, на её.
 Женщина ушла в комнату за деньгами. Семён с дивана наблюдал за Игнатом. Ждал, когда тот что-нибудь скажет. Этот без шуточки обойтись не мог. Недолголюбивал его Крылов за орлиный нос и игривый характер. Седина на висках, а всё хихоньки да хаханьки. Не понимал Семён, когда взрослый мужик ведёт себя словно дитё малое. Смотреть противно. Потому-то, бывало, и получал Игнат от соседа по худой шее. Но это так... больше для профилактики, чтоб не лез. Хотя и это словно вилами по воде. Сколько не ругайся с ним, сколько не води кулаком перед носом, всё нипочём. Не понимает. Дурак он, видно, и есть дурак. Зато бабам его прибаутки нравятся. Но с этими тоже всё ясно. С их парами извилинами только и дело, что смеяться не пойми над чем. Покажи палец, со смеху лопнут.
 – А ты чего барином разлэгся? – не вытерпел всё-таки Игнат.
 Крылов промолчал. Вернулась Тамара.
 – Вот, держи. Ольге только не говори, где взял.
 – Что я, совсем что ли, – сказал сосед и кивнул на Семёна. – Чего он у вас, захворал что ли?
 – Зуб разболелся. Вот и мучается.
 – Зуб? Ха. Так ведь есть одно очень хорошее старинное средство. Вмиг вся хворь уйдёт. Как рукой снимет.
 – Что за средство? – поинтересовалась Тамара. Семён прислушался.

Игнат прошёл на середину комнаты, ближе к больному, и остановился.
 – Нужна длинная нитка, а лучше леска. Один конец я привязываю к дверной ручке, а другой... слушаете? Внимательно сейчас. А другой, Сеня, тебе в рот, вернее к зубу. Ты глазки закрываешь, я дверью оп, и зубик твой у меня на ладони. Вот и весь фокус.
 Тепкин подмигнул Крылову глазом и расплылся в улыбке.
 – Я тебе сейчас... – Семён приподнялся с дивана.
 – Угомонись! – прикрикнула Тамара и поспешила выпроводить гостя за дверь. – А ты нашёл время шутить.
 – Так ведь... – Игнат что-то хотел сказать в оправдание, но соседка закрыла перед самым его носом дверь.
 Семён по-прежнему, придерживая ладонью челюсть, кряхтел и стонал.
 – Завтра же вырву его, к чертям собачьим, – со злобой прохрипел он. – Хватит.
 – Давно пора, – поддержала жена.
 – Лишь бы только Андрей Евгеньевич отпустил в город. У него ведь, сама знаешь, семь пятниц на неделе.
 – Никаких городов, – возмутилась Тамара. – В нашу больницу пойдёшь.
 – Ага, щас! Разбежался.
 – Надо будет, побежишь как миленький.
 В город, в платную поликлинику Семён ездил уже четыре раза. Каждый раз тянул резину до последнего, пока зуб не раскрошится как грецкий орех. Залатают его там, запломбируют опытные стоматологи, и будет зубик сиять белизной как новенький. Но и возьмут за такую работу чуть ли не весь Сенькин аванс. В тот момент Семён готов отдать и две своих зарплаты, только попроси. В эти страшные для него минуты, находясь в кресле с открытым ртом, сидит он ни живой ни мёртвый. И хотя зуб со всех сторон обколот уколами, страх не покидает его бедное сердечко до последней секунды, пока он с онемевшей челюстью не окажется на улице. Никогда бы не подумал Крылов, что будет чего-то так сильно, с таким безумием бояться. Всё-таки каждый человек по-своему слаб. Вроде, и крепкий на вид, ничем, казалось бы, не возьмёшь, ан нет, и у него есть тайное окно – слабое место. У каждого свои страхи.
 Когда Крылов залечивал первый зуб, то ли заморозка попала слабая, то ли брак, а только как коснулись иглой оголённого нерва, словно током ударило. Чуть из кресла не выпрыгнул. И теперь каждый раз, открывая в зубном кабинете рот, Семён ждёт этой резкой пронзительной боли. И пусть полчелюсти онемело с языком, всё равно, он знает, он ждёт – будет больно.
 – На эти деньги мы лучше пылесос возьмём. А зуб и у нас вырвут. Не переживай, – сказала Тамара. – Ещё за это платить. Не аристократы.
 – Какие мы умные, – возразил Семён. – А про Шпаликова ты уже позабыла? Сколько раз тебе говорить, что к нему я ни ногой.
 – Что он тебя там съест что ли?
 – Съест не съест, а, поди, только и ждёт, как я к нему приду, сниму шляпу и сам усядусь в его капкан. Здрасьте, мол, Владислав Арсеньевич, а вот и я, собственной персоной. Делайте со мной что хотите, – Крылов на секунду приумолк. – Он ведь мне там, через рот, всю душу изувечит.
 – Нужен ты ему больно, – изумилась Тамара. – Всё село ходит и ничего. Даже хвалят.
 – Ты не забывай про его хиленький носик, – упомянул Семён. – Я у него давно в чёрном списке. Только вопрос времени – когда!

– Поди, позабыл уж про тебя десять раз, – сказала супруга. – Это, во-первых, а во-вторых, он же врач и давал клятву Гиппократу.

– Кому?.. Я тебя умоляю.

Семён взялся за челюсть, зажмурился. Зуб выстрелил новым зарядом боли. И на этот раз обезболивающее помогло ненадолго. Совсем не берёт. Так, отпустит на немного и вновь заноеет с новой силой, хоть челюсть выдирай. Видно, изошло всё его время, пришла пора. И как бы ни было тяжело, Крылов понимал – нужно идти в больницу.

– Ну, хочешь, я сама с Владиславом Арсеньевичем поговорю? Что он, не человек что ли?

– Я тебе поговорю! Так поговорю! – Семён из-под бровей глянул на жену. – Не хватало на старости лет такого позора.

– А чего бы и нет? Чай, он тоже не дурак и всё понимает, что пользоваться своим рабочим положением, это ведь тоже... извините меня, подсудное дело. Мы закон знаем. И пусть не думает, что откуда-то из лесу вышли, – Тамара стала умничать. С ней это бывало. – Пришёл к нему в кабинет и не трясись, как зайка серенький перед волком, а будь умнее. Прикинься грамотным. Сядешь в кресло и так, между словом, ненароком, будто бы завязать разговор, спроси его. Вот же народ интересный в нашем правительстве. Что не день то новые поправки. Не читали, Владислав Арсеньевич, уголовный кодекс в переработке? Что не указ, то новый подпунктик. Этот, естественно, не читал ничего. Сразу в штаны наложит. Поймёт, что тебя голыми руками не возьмёшь, – сказала Тамара важно. – Пусть нас сами бояться, – и улыбнувшись, подошла к мужу. – Так что, Сенечка, будь умнее. Голова предназначена, чтобы думать, а не лбом гвозди забивать.

Крылов сквозь боль засмеялся. Умела жена его всё-таки иной раз удивить. Вот, скажите на милость, откуда у ней эта идея взялась? Как вообще пришла в голову? Ладно бы где в конторе сидела, а то ведь, доярка. Что ей, коровы, что ли нашептали, пока она за вымя дёргала? Ох, бабы, бабы, ушлый народ. Насмотрятся детективных сериалов, потом строят из себя Агату Кристи.

– Вот что. Как бы там ни было, а к Шпаликову с разговором не лезь, – велел Семён. – Запрещаю.

– Но и ты у меня в платную поликлинику деньгами сорить губу не раскачивай. Пока дитё в школу не оденем и крышу в хлеву не заменим, ты у меня про каждую лишнюю копейку забудь, – обиделась супруга.

Тамара отправилась в спальню. Семён попросил ещё таблетку, но та и ухом не повела, зашла в комнату и прикрыла дверь.

Полночи Семён не мог заснуть. Ворочался с боку на бок – всё никак. Да разве уснёшь тут, когда болит. Как струна растягивается боль, не унимаясь. А после обрывается – блям! Хоть к потолку подпрыгивай. Вспомнился Шпаликов. Не хотелось о нём думать в эти минуты, но его физиономия крепко засела в памяти после сегодняшних разговорах о нём. Стоматологом он был действительно хорошим. Со всего района ездили к нему люди и хвалили. Просто так говорить не будут, значит, и впрямь, золотые руки в этом деле. Только вот Семёну в его кабинет дорога была закрыта. Была неприятная история лет восемь тому назад. Владислав Арсеньевич тогда только из города приехал и устроился в больницу. И так случилось, что в первые же дни их пути пересеклись в магазине, когда Семён пьяный (отмечал День пограничника) разбушевался у прилавка. Владислав Арсеньевич сделал тому замечание,

заступившись за кассиршу, за что тут же получил в лоб. Звезданул Семён разок худощавому специалисту и сразу же сломал нос. Отсидел пятнадцать суток, выплатил денег и больше об этой истории старался не вспоминать. Хотя помнил прекрасно, как тот кровавым ртом прохрипел: «Ничего, земля круглая!». Тогда Семёна это веселило. Ну что мог этот прыщ в рубашке ему сделать? Теперь же, вспоминая его слова, они не казались ему нелепыми. Оказывается, и этот худощавый, по сравнению с ним, слабый человек, может и ему, при удобном случае, сделать больно. Попробуй, иди, сядь в его кресло, своими костлявыми ручищами он покажет тебе, где раки зимуют и что земля действительно круглая. В этом Крылов не сомневался.

Утром, собираясь на работу, Тамара вновь спросила мужа, не поговорить ли ей с Владиславом Арсеньевичем.

– Тут времени нет перекурить нормально, а ты с больницей своей привязалась, – сказал Семён, надевая рубаху. – Работать надо.

– Опять начинается? Перестал зуб болеть, засиял как лысый на солнце. Снова через два дня плакать же будешь.

Семён улыбнулся, поцеловал жену и покинул избу. Зуб, действительно, уже не болел, и думать о нём в такое прекрасное утро совсем не хотелось.

Мир один на двоих

Светало. У горизонта, где посажена рожь и пшеница, колыхнула алым платком заря. Розовой волной поплыли по бескрайнему небу облака. На всю округу пронеслось громкое противное кваканье. Распелись тоже! Как заводные! Артисты! Небось, радуются тихому утру, новому дню, солнышку. Где-то в траве застрекотали кузнечики. Природа давно проснулась, умылась прозрачной росой, и жизнь забила вовсю ключом.

За деревней у реки возле огромной старой берёзы стояли парень и девушка. Обоим не больше семнадцати. Чернбровая красавица с вьющейся косой за спиной, в белом сарафане прижималась к дереву. Парень, высокий и крепкий в плечах, в зелёной рубахе и серой кепке, стоял рядом. О чём-то беседовали. Разговор вёл юноша. Девушка, наклонив голову, молча слушала его. У каждого из нас глубоко в памяти хранится такое утро. Именно такое. Заря, река, дерево... ещё бывают качели, скамья, тёплый дождь... Как же одинаково мы любим в этом возрасте. Одинаково встречаем рассветы и провожаем закаты. Да и как можно не любить, когда на двоих нам всего тридцать пять лет? Весь мир у наших ног, и все дороги открыты – только выбирай. Юность, юность, как же трепетна ты и прекрасна. Как заря вспыхнешь ярким огнём и уйдёшь в бытие, оставив в памяти глубокий тёплый след.

Девушка, проведя по коре дерева ладонью, молча пошла вдоль реки. Парень догнал её, взял за локоть, прижал к себе.

– Настя, – коснулся её плеча.

– Саша, не надо, – девица наклонила голову. – Не надо.

– Я же приеду.

– Приедешь, – еле слышно произнесла девушка и подняла глаза. – Зачем тогда нужно было говорить... зачем тогда... Я же знала, что поедешь. Захар Дементьевич велит, и поедешь.

– Как я могу отказаться, если народ велит. Люди надеялись на меня, а я им «не хочу». Это ведь тоже не дело.

– Вот и езжай в свой Горький! – девушка попыталась пойти, но парень крепко удержал её за плечо.

– Меня не будет каких-то девять месяцев. Соскучиться не успеешь, как я ворочусь.

Настя медленно перевела взгляд в сторону, где шумела река, и тихо сказала:

– Клава тоже едет в Горький.

– Ну и что? Подумаешь, Клава. Сдалась тебе эта Клава.

– Я же видела, как она на тебя в клубе смотрит. И подруги мне говорили, что... что нравишься ты ей.

– Глупости.

– А если ты и правда ей нравишься, Саша?

– Мало ли чего из этого.

– И в город она тоже едет осенью.

– Она на бухгалтера поступает. И не один год там пробудет, – парень улыбнулся. – А я – глазом моргнуть не успеешь, как приеду домой.

– Это только кажется так, что быстро. А на самом-то деле...

– Я тебе писать буду. Каждый день.

– Ты что?!

– А что?

– Родители ещё подумают невесть чего.

– Что же мне теперь и письмо написать нельзя, – в голосе прозвучала обида.

Настя промолчала.

– Хорошо, – не сразу ответила она. – Ты только пиши сестре моей, Маше. А я у ней забирать буду. Ладно?

– Только ты мне тоже пиши, – сказал парень.

– Хорошо, – девушка скромно улыбнулась и медленно пошла, поглядывая на реку. Юноша шёл рядом.

Рассвело. Вот ведь тоже – светает и темнеет так, что и не заметишь. Вроде бы только вот-вот, совсем недавно темень стояла несусветная, а сейчас, пожалуйста, вокруг ясно, и стрекочут кузнечики.

– Я вчера к бабе Лизе ходила, матушка за молоком козьим посылала. Пришла, а там Егорка...

– Кто?

– Егорка, – Настя засмеялась. – Козлёнок. Ох, и забавный, ох, и шустрый. Всю поленницу разворотил окаянный, всех кур распугал. А петуха сам боится. Петух своих курочек в обиду не даёт. Прогоняет его. Я сама не видела, мне баба Лиза рассказывала. Забавно, да? – девушка остановилась. – А ведь он слабеньким уродился. Совсем нехороший был. Думали, не выкарабкается. А баба Лиза выходила его. В избу забрала, через соску молоком поила. Головку вот так вот одной рукой придерживала, а другой кормила. Теперь вон какой красивый стал. Шустрый – глаз да глаз за ним нужен. Маленький ведь ещё, вот и хулиганит.

Александр с замиранием слушал подругу. Какая же она всё-таки хорошая. И голосок такой добрый, что послушаешь его, и так хорошо становится, так радостно делается на душе, будто только что испробовал волшебную конфету. И любоваться ею одно удовольствие. Какое же это счастье стоять рядом с ней и трогать её ладонь. Такая она красивая. Красивая и по-детски ещё немало наивная.

Александр приблизился на полшага, коснулся Настиного предплечья и поцеловал её.

– Ой, Саша, не надо. Зачем ты так? – спросила девушка. – А если бы нас сейчас кто увидел?

– Да кто нас может увидеть?

– Мало ли? Может, кто и на рыбалку спозаранку вышел... или... Никита Кондратьевич стадо, поди, уже погнал.

– Я же аккуратно.

– Всё равно, – Настя прошла вперёд и украдкой улыбнулась. Не услышав за собой шагов, она обернулась. Александр стоял неподвижно.

– Обиделся? – тот промолчал.

– Не обижайся, пожалуйста.

– Я и не обижаюсь.

– И правильно, – Настя взяла друга за руку. – Помнишь, как за той роцей картофель собирали. Нас тогда всей школой посылали. Помнишь? – улыбнулась. – Небо ясное-ясное было, ни тучки, ни облачка. И вдруг, откуда ни возьмись, дождик пошёл. И такой тёплый, лёгкий, озорной. Прошёл мимолётно, словно поздороваться к нам забежал. А как пропал, радуга появилась. И такая красивая, и так рядом, кажется, пробегись немного, и она прямо над тобой будет...

– Вот поженимся, родишь мне сына. Назову его Юрой, – оборвал разговор юноша.

Настя притихла. Большие карие глаза её заиграли вопросительным знаком.

– А почему Юрой?

– А что? Мне нравится, – пожал парень плечами. – И я как папа должен сам выбрать мальчику имя. Это железно, – улыбнулся. – Юрий Кулаков. Звучит?

– А если родится девочка?

– Если родится девочка, тогда имя за тобой.

Настя призадумалась.

– А дочку мы назовём Зоя. Вавилова Зоя, нравится?

– Отчего же Вавилова, когда ты будешь Кулакова?

Девушка засмеялась.

– Ой! Точно. Кулакова.

Настя, придерживая сарафан, присела на траву. Александр примостился рядом. Рыжее солнце весело отражалось в реке, и тёплый ветер изредка проносился, поглаживая щёки и волосы.

– Ты к старику Еремею часто заходишь?

– Стараюсь каждый день, но совсем недолго бываю у него, – ответил парень. – С Лёшкой ему дрова позавчера кололи. А так... Заскочишь ненадолго и всё. А вы с Любашей навещаете старика? Вроде как собирались.

– Редко мы с Любой ходим к нему, – призналась Настя. – Больше одна навещаю. Жалко его. Совсем один. Газету прочесть и то некому. Это вы молодцы, что дрова накололи. Вы с Лёшкой не забываете его. У него ведь нет никого. А одному, ой, как плохо.

– Плохо, – согласился Александр и, подумав немного, добавил: – Я тебе, Настя, из города серьги привезу.

– Зачем?

– Подарок.

– Разве так подарки делаются? – ласково спросила подруга. – Подарок должен быть внезапный.

– Это сюрпризом называется.

– Всё равно. Подарок тоже должен быть неожиданным. Так он намного приятней.

– Тогда я тебе что-нибудь другое привезу.

Настя положила голову другу на плечо.

– Спасибо. Только ты мне не говори, ладно? А то про серьги сказал, я про них уже и думаю, – девушка улыбнулась. – Ой, Саша, а в городе сейчас, наоборот, очень красиво. Да?

– Наверное.

– Кругом огни, фонтаны, трамваи ходят... Охота в город, только честно?

– Вот ещё.

– Совсем-совсем неохота?

– Ну, если только чуточку, – признался парень.

– А ты будешь по мне скучать?

– Спрашиваешь. Кому я письма обещал писать каждый день, лешему?

Настя тихонько засмеялась.

– Я бы тоже хотела в Горький съездить. Я ведь там не была, только один раз, и то, совсем маленькой. Я и не помню ничего.

– Съездишь. Какие твои годы. И вместе съездим с тобою ещё не раз.

– Правда?

– А чего? Конечно. Мы с тобой и в Москву, и в Ленинград съездим. Везде побываем, куда только душа запросится. Мы теперь с тобой едины, и всё будем делать вместе, – Александр обнял подругу. – Куда ты, туда и я, куда я, туда и ты. Целый мир один на двоих.

– Весь мир? – девушка загадочно улыбнулась.

– Весь мир, – повторил парень. – Мы теперь с тобой вместе, и ничего нам не помешает, если мы любим друг друга.

Настя крепче прижалась к Сашиному плечу.

– Мне недавно один сон приснился. Такой нехороший. Ты, наверное, смеяться будешь. Но не надо. Ладно?

– Это же всего-навсего сон.

– Не смейся, не надо, – девушка выпрямилась, приподняла голову. – Снится мне, будто мы с Клавой в лес по ягоды пошли. Ходим, блуждаем, а ни одной ягодки не видно. Все ноги об кусты изрезали. И вдруг вышли мы с ней на поляну, а там земляники видимо-невидимо. Как ковёр красный. И ты посреди этого ковра лежишь. Я к тебе. Подошла ближе, хотела ягодку сорвать, а это вовсе и не ягоды, а вода. Красная такая. Словно кровь. И ты в ней утопаешь. Я Клаву окликнула, глядь, а тебя уже и нету. Мне так страшно стало. Я и проснулась. К чему бы это?

– Мало ли чего может присниться. Не бери в голову.

– И Клава там же.

– Сдалась тебе это Клава.

– Сон и, правда, нехороший. Хотела к Тимонихе сходить разузнать о нём, да побоялась. Лучше уж будь что будет. Нечего судьбу раньше времени тревожить.

Вдалеке показались три мальчугана с удочками, шли удить рыбу. Белокурый мальчишка в майке громко и весело рассказывал что-то друзьям. Теперь уже не посидишь спокойно, не пообщаешься, не полюбишься на реку.

Скоро рабочий народ в деревне отправится по своим делам. А это значит, что и им пора расходиться. Настя приподнялась, отряхнулась, поправила подол.

– Ой, Саша. Как мы засиделись с тобой, – сказала она. – А ведь мне скоро с матерью на пасеку идти.

– Побудь ещё немного, – попросил парень.

– Пойду, я Саша. Только ты подожди немного. Сразу не иди.

– Такая ты смешная, – улыбнулся юноша. – Что же теперь и пройтись с тобой нельзя?

Настя направилась к деревне. Александр окликнул её. Девушка обернулась.

– Я люблю тебя.

Настя быстро пробежала глазами вокруг и, убедившись, что никто их не слышит, улыбнулась и поспешила в деревню. Парень смотрел ей в след: на босые ноги, светлый сарафан и длинную тёмную косу. Нет, всё-таки он ей из города привезёт серьги. Красивые. Дорогие. Как однажды матери подарил отец. Обязательно привезёт. И подарит их той, с кем хотел бы поделить этот мир на двоих. Александр достал папиросину и закурил. Лёгкой походкой он отправился в деревню. Проходя мимо Настиного дома, остановился. Окно её комнаты было распахнуто. Парень надорвал кусок от упаковки папирос и осторожно пробрался к её окну. Достав из кармана рубахи маленький карандаш, не раздумывая, написал: «Настенька, я тебя очень люблю. Сашка. 22 июня 1941 г.». И аккуратно положил записку в цветочный горшок.

По деревне пронеслись петушиные голоса, созывая рабочий народ просыпаться и заниматься делом. Александр шёл по улице и любовался деревьями, что шумели листвой. С цветка на цветок перелетали бабочки. Какое прекрасное утро. И таким же прекрасным будет день. Замечательно всё-таки жить на этом белом свете. Жить и любить.

Отцовское сердце

Константина Аркадьевича Громова весь вечер тяготило странное предчувствие. Непонятное беспокойство затаилось глубоко в душе. Оно-то и не давало покоя. Это был мужчина маленького роста с аккуратной лысиной и среднего телосложения. Везде во всём внимателен, нетороплив. Ни лишнего словечка тебе не скажет, не придерётся просто так по пустякам. Вёл тихую однообразную жизнь. Работал Константин Аркадьевич в сельской школе учителем. Вот уже как тридцать лет преподавал юным односельчанам историю. Дочь его Олеся этим летом окончила школу и уже подала документы в городе, в институт. С раннего детства мечтала стать врачом. Как-то налажено и гладко шла у Константина Аркадьевича жизнь, хоть другим в пример ставь – взрослая дочь-умница, рядом любимая жена, дом, хозяйство, работа, приносящая людям пользу. И, наверное, оглянься сейчас Громов назад, то смело мог бы признать: «А ведь, и правда, жизнь прожил как человек». А, поди, тоже бывало, как и у всех: и радость и боль, разочарование и успехи, а всё же сумел пройти эту длинную дорогу как надо. И всё бы так и шло своим путём к спокойной тихой старости, если бы не Васька-безотцовщина. На селе его прозывали коротко – шалопай. Он, действительно, был какой-то бестолковый, дурной. Никаких слов не понимал. Если уж, что вбил себе в голову, ни

одним ломом не разогнуть. Константин Аркадьевич знал паренька – преподавал у него историю и даже какое-то время бывал классным руководителем. Так что Громову хорошо был знаком этот горьковатый фрукт на вкус. Кое-как с грехом пополам окончил Васька девять классов и подался в ПТУ. Отучился на тракториста, получил водительские права и работал теперь водилой. Всю свою несмысленную жизнь провалял дурака, а теперь зарабатывал ничуть не хуже, чем одноклассники, которые с хорошим аттестатом не сумели найти подходящую работу. Вот она жизнь. Пыхтел-пыхтел за учебниками, а с красным дипломом никому не нужен. Не то, чтобы уж совсем не нужен, а просто нет мест. А всё потому, что «засидевшиеся пенсионеры» не желают уступать тёпленькие места молодым, или же какое начальство пытается пропихнуть своего работника, несмотря на то, что тот дуб дубом. Так что, поработай парень годик-другой «мальчиком на побегушках», а там, глядишь, и местечко подходящее найдётся.

Это произошло в конце мая, когда Олеся готовилась к экзаменам. В девушку влюбился Василий. Вот ведь как бывает – всю жизнь прожили бок о бок, детьми были, ругались постоянно, а только стоило расцвести цветочку аленькому, как тут же сорванец поспел, как шмель какой. И теперь Василий кричит на всё село, что у них большая любовь и что рано или поздно поженятся они и будут жить долго и счастливо. Люди посмеиваются, а тому словно с гуся вода, хоть бы хны. Сколько валерьянки испил с этим Васькой Константин Аркадьевич, сколько нервов потрепал и не сосчитать. Каждую ноченьку уснуть не может. Наладился жених по ночам к их дому ходить. Облокотится на калитку и по окнам глазами рыщет, как зверь какой. То камушек бросит, то свиснет. Поспи тут с таким. Каждую ночь свои сюрпризы. Весь забор исписан, какая Олеся хорошая, с соседних садов все цветы посрывал.

– Да скажи ты ему наконец, что не нужен он тебе, Олеська! – бранились соседи. – Для него, гадёныша, цветы сажали?

– Говорила, толку-то, – отвечала девушка. – Если он деревянный, разве ему что докажешь?

– Деревянный не деревянный, а вон как любит.

– Знаем мы эту любовь, – сердился Громов. – Сам костями лягу, но дружбе этой не бывать.

– Этот тугодум теперь житья не даст ни вам, ни нам, – охали соседские бабы. – Хоть кастрируй его, как котика шелудивого. И то не поймёт.

– Как бы дом не поджог, – сказал однажды кто-то. – Дурная голова рукам покоя не даст.

Константин Аркадьевич поначалу несерьёзно отнёсся к этим словам, но каждый раз, когда Васька подходил к забору и начинал глазеть в окна, становилось беспокойно. Поди разбери, что у этого влюблённого дурака на уме? Сколько раз милицию вызывали, сколько раз его забирали, и всё ему нипочём. Диву давались, когда же он спит? Днём его не было видно, он всегда в разъездах. Но только наступал вечер, Василий появлялся у забора и искал глазами Олесю.

Этим вечером Васька не появился. Наверное, поэтому Константина Аркадьевича и не покидало странное предчувствие. Куда подевался? Неужто услышал Всевышний молитвы и образумил дурака? Вряд ли. Перед сном Громов на носочках подкрался к окну, как преступник какой, и аккуратно отодвинул край занавески. У забора никого не было. Подозрительно осмотрев двор, Константин Аркадьевич лёг в кровать и обнял жену.

– Не видно? – спросила та.

– Не видно, – не сразу ответил Громов.

– Ну и ладно. Давай спать. Может, и правда за ум парень взялся.

– Сама-то себя слышишь, что говоришь? – Константин Аркадьевич искаса глянул на супругу. – Не-ет, этого дьявола, прости Господи, ни одна кочерга не возьмёт. Этого уже ничем не исправить. Характер с пелёнок. Свалился на нашу шею, ирод.

Всё же этой ночью Громов уснул в тишине. Никто не шастал у забора, не бросал в окна камушки, и даже пронзительного взгляда сквозь занавески не ощущалось. Пару раз всё-таки за ночь Константин Аркадьевич вставал, подходил к окну, но убедившись, что у калитки никого нет, удовлетворённый ложился в постель досматривать сон.

Но рано утром, где-то в четвёртом часу, за окнами послышалось громкое пение под гитару. Диким воплем доносилась до жильцов дома отчаянная серенада влюблённого.

«Спря-ячь за-а высоко-оким забо-ором девчо-онку, вы-кра-аду вместе с забо-ором...», – Васька выл на всю улицу. Певец из него, как выяснилось, тоже оказался никудышный. Но то, что он старался, было слышно по тому, как он пытался перекричать гитару.

– Это невозможно, – Константин Аркадьевич вскочил с постели. – Что же этот паршивец вытворяет?! Совсем совесть потерял.

Накинув на голое тело фуфайку, прямо в домашних тапочках Громов выбежал во двор. Заприметив хозяина дома, Васька перестал играть и убрал гитару куда-то за спину.

– Совсем ополоумел?! – закричал мужчина. – Я тебя спрашиваю?

– А что такое? – Василий был выпивший. Как ни странно, но пьянством тот никогда не славился. Может, и выпивал, конечно, где-то и с кем-то, но по селу потом не бродил, как веник, не красовался.

– Ты на время смотрел?

– Смотрел.

– Чего ты нам житья не даёшь? Чего тебе от нас все надо?

– Олесю.

– Замолчи! – закричал Константин Аркадьевич в гневе так, что и сам испугался своего крика. – Ты это брось, парень. Слышишь меня? Выкинь, говорю, это из головы.

– Как же я выкину, когда я её, ик, люблю.

Громов глубоко вдохнул и выдохнул, постарался успокоиться, не кричать больше.

– Ты, пойми, Василий, – заговорил он как можно спокойней, рассудительней. – Жизнь она ведь суровая штука. Не всегда она бывает сладка. Многие пытаются урвать самый сладкий кусок и местечко потеплее. Да только с ней, с жизнью, эти номера не проходят. Она в ответ лягнуть может. И очень больно. Нельзя вот так вот с размаху крикнуть «это моё!» и прибрать руками себе. Не всё, что хочется, исполняется, как по щучьему веленью. Нет, сынок, такого не бывает. Ведь мы в первую очередь люди, а не варвары какие и дикари, чтобы силой всё заполучать.

– Что вы этим хотите сказать? – Васька достал из-за пазухи початую бутылку, откупорил, предложил Константину Аркадьевичу, тот отказался. – За ваше здоровье, папа.

Василий залил в лужёную глотку самогона.

– А говорю я про то, что не подходите вы с Олесей друг другу. Разные вы. Во всём разные. Найди другую девушку, которая рада будет разделить с тобой свою судьбу. Неужто у нас девиц больше нет? Вон, какие барышни ходят по селу, только выбирай. Не весь свет клином сошёлся на одной Олесе... Да и не любит она тебя.

– Вот с чего вы взяли такую глупость, а? Кто вам сказал, что не любит? Между прочим, мы с ней очень даже хорошо дружим. И у реки мы с ней мило беседовали на прошлой неделе. Она окуньков приносила? Так это я наловил. И, между прочим, она мне улыбалась и не посылала никуда. Значит, не так уж я ей и неприятен. Верно?

Константин Аркадьевич теребил влажные ладони, пытаясь ещё как-то держаться.

– Это ничего не значит.

– Конечно, не значит. У вас всегда всё не значит, – Васька облокотился на забор, протянул голову ближе к собеседнику. – Заперли её, как зверя какого в клетке, и довольны.

– Послушай, что тебе говорят...

– А то я не знаю, что вы мне скажете, ик. Я уже всё это сто раз слышал. Вам меня не понять. Я вам чужд. Хорошо. Но вы у дочери спросите, хочет она вечерами гулять или предпочитает, как мелкота какая, дома сидеть. Вон, оглянитесь, – Васька указал рукой в сторону дороги. – Все гуляют, только одна она, как прокажённая. Это же неправильно. Зачем вы вмешиваетесь в нашу жизнь?..

– Что?

– Не украду я её и не съем. Хотите, мы с ней у дома будем вашего встречаться? Прямо вот тут. Вот на этой лавке. Хотите, под вашим присмотром. Вы же меня совсем не знаете. Не такой уж я и плохой, как вам кажется. А узнаете меня лучше, стыдно станет, что такого ранимого человека обижали. Ик. Папа...

– Замолчи! – Константин Аркадьевич снова взорвался. – Ещё раз скажешь такое... Папа. Я тебе... Бесстыжий.

Громов двинулся к калитке. Васька мотнулся от забора. Упал. Попытался встать на ноги, снова упал. Громко засмеялся. Поднялся.

– Всё равно мы поженимся. Вот увидите, – сказал парень.

С минуту стояли молча, не шевелясь, глядя друг другу в глаза.

Василий, взяв гитару в руки и играя по струнам, запел, удаляясь в темноту:

*С тестем водочку мы пьём,
С тестем крепко дружим.
С тестем весело живём,
Никогда не тужим...*

Константин Аркадьевич проводил глазами влюбленного музыканта и смотрелся. Никого больше не было видно. Свет в соседних избах не горел. К счастью, влюблённый Ромео не успел поднять своим воплем народ.

Громов отправился к дому, уселся на приступки, достал из кармана фуфайки папиросы. Вышла жена.

– Ну чего он?

– Чего-чего, ничего. Как об стену горох, ей богу. Трындит и трындит об одном и том же. Не-ет, пока Олеса здесь, житья он нам не даст.

– Что же это за напасть-то такая? – вздохнула супруга. – И ведь не боится никого. Ни милицию, ни...

– Что она ему, милиция-то. Чай, он к нам не воровать лезет. А по улице ходить ещё никому не воспрещалось, – Константин Аркадьевич взялся за грудь.

– Сердце?

– Сходи на кухню. Достань валидолу. Сейчас подойду.

– Не курил бы.

– Да-а, – Громов мотнул головой. Женщина зашла в дом.

Константин Аркадьевич потушил папиросу. Посмотрел на небо. Начинало светать. Прохладный утренний ветерок пронёсся, поглаживая голые колени. Жизнь. Непонятная эта штука жизнь. Сколько думай о ней, сколько гадай, а всё равно не познаешь её тайны. Вспомнилась юность, когда сам Аркадьевич был чуть моложе Васьки. Вспомнил, как безумно любил свою жену Веру, да только вот боялся и стеснялся к ней подойти. Она и не замечала его в ту пору. В выпускном классе с Игорьком встречаться стала. Тоже вот, такой же, как и Василий, баламут был. Несерьёзный. Одно только на уме. И отчего же им, девушкам, пока молоды, такие вот и нравятся шалопаи? Неужто не понимают своим нутром их лисьи повадки – что от них хотят. Вот и Вера тогда не сумела разглядеть истинного Игорька и забеременела. А этот прохиндей, как узнал, сразу на заработки в город, в бега. Потом, правда, объявился, навестил родителей. Что там у Веры стряслось, никто не знает. Да только не выносила она дитя. Окончил Громов институт, вернулся в родное село и, несмотря ни на что, взял Веру в жёны. Это тогда он был Костя-учебник, а теперь Константин Аркадьевич. И вот уже тридцать лет живут они душа в душу. И пусть судьбу не предугадаешь, но одно знал Громов наверняка. Девушек, пока они молоды и красивы, нужно оберегать от таких вот пустозвонов. Превратилась куколка в принцессу, а как дальше жить, как с красотой своею совладать, не знает. Ведь любой проходимец может сорвать этот весенний цветок и, наигравшись, выбросить. Понимал и знал это Константин Аркадьевич прекрасно, оттого-то и болело сердце за единственную дочь. Сколько их ещё таких вот Василиев будет. Ведь не один он такой. А в город уедет, а там что...

Вдалеке ярко-красным огоньком загорелась заря и пошла волнами по всему небу. В такое утро хорошо и спокойно. Выйдешь, бывало, в такую рань, вдохнёшь воздуха, и жить охота. Охота жить и радоваться жизни. Но сейчас этой лёгкости не было. Глубоко внутри затаилась у Константина Аркадьевича тревога. Прожил он свои годы, много чего повидал, познал суровую правду жизни – потому и тревожно за счастье Олеси. Беспечно за судьбу единственной дочери. И с этим не поборешься. Отцовское сердце не обманешь.

В родном краю

Филипп Маркунин приехал погостить денёчка на три-четыре к матери. Не был дома четыре года. Всё как-то не получалось навестить родных. Не сказать, чтобы он совсем не вспоминал о доме, о матери, о сестре... Всё-таки, как-никак, а в родительской избе детство мимолётно пролетело. Да и как не вспомнить о мамушке, о родной кровинушке, о человеке, который тебя вырастил любовью и лаской? Отними, пожалуй, у человека воспоминания, любовь, жалость – и он потеряет в себе человечность, которая только и отделяет

нас от каменной бездушной стены. Случается, занает сердечко, вспомнишь о матери, и так тревожно на душе становится, что сил нет. Как-никак, а годы немолодые. Отца уже давно схоронили. После похорон Филипп так и не был в родительском доме. Часто бывает, что затоскует сердечко, запорхает крыльшками, словно пташка в клетке, запросится в родные края, да работа не отпускает. Только и успокаиваешь себя, что будет отпуск, и обязательно навестишь мать. Но вот приближается тот самый долгожданный отпуск, и все думы о поездке на родину куда-то исчезают. Так, к сожалению, бывает. Думаешь-думаешь весь год о родных, а приходит этот самый «отпуск», жена с детьми запросится на море, и все твои планы теперь только о солнечном курорте. В этот раз было иначе. Перед самым отпуском Филиппу приснился странный сон. Будто сестра его Анжела сидит на крыльце в одной ночнушке, оголив колени, и поглаживает покойного пса Валдая. Окна в избе заколочены. Помнится Филиппу, что ни матери, ни племянника Ванюши нигде не было видно. Только сестра с распущенной косою грустно обнимала пса и напевала ему колыбельную. Отчего-то ноги у неё были изрезаны, и Валдай старался слизать с неглубоких ран языком кровь. Маркунин проснулся в холодном поту и до утра не сомкнул глаз. Неужто с матерью чего стряслось? Нехороший сон. Хотя сны всякие бывают. Иной раз такая белиберда приснится, всю голову сломаешь и не поймёшь, к чему. Весь день Филипп ходил сам не свой, а под вечер позвонил сестре узнать, как у них дела. Оказалось, что всё хорошо, только вот соскучились по нему и деткам ужасно. И решил Маркунин через пару недель, как освободится на законных правах от работы, навестить мать. Жена от такой идеи в восторг не пришла.

– Никуда ваш юг не убежит, и море ваше за четыре дня не украдут, – сказал тогда Филипп. – Навещу своих. После поедом отдохнуть.

Спорить с ним никто не стал, но и составить компанию тоже никто не блеснул желанием. Оно, может, даже и к лучшему. Иногда человеку нужно побыть одному, отдохнуть от всех.

В родимом доме Филиппа встретили с распростёртыми объятиями, поцелуями, со слезами. Матушка с годами превратилась в плакунью. Она и в молодые-то годы не стыдилась слёз. Бывало, всплакнёт на радостях или с горя. А теперь и вовсе – случись чего, и тут же слёзы. И не поймёшь иной раз, то ли радуется, то ли огорчилась. Но сейчас были добрые слёзы, слёзы радости. Как-никак сын мать навестил, в избу солнышко заглянуло, их Филипп, пусть и короткий, но привёз с собою в эти серые бревенчатые стены праздник.

Пока Филипп распаковывал подарки, беседовал с матерью и слушал забавного Ваньку, сестра его, Анжела, тем временем затопила баню. Баба она была крупная, румянистая, всю работу по хозяйству тащила на себе: и мужскую и женскую. Молодая, красивая, работающая... да на такой женись, она тебе и женою и матерью станет. Сытый, глаженный, ухоженный будешь, лишь бы сам дурака не валял и от работы не уваливал. Как ни крути, а с такой женой не забалуешь. Потому, наверное, до сих пор и одна. В город ей, конечно, уехать нужно, чем в этом захолустье последние остатки молодости губить. Сколько раз её Филипп звал – не едет. Мать не хочет оставлять одну, да и город её пугает. Это уж если сразу в юные годы не подашься туда, не уедешь из деревни, потом сложнее поменять что-то в жизни. И страшно, и издумаешься весь: «А стоит ли?»

После бани распаренный и разруганный, как молодой поросёнок, Филипп с семьёй пил чай и беседовал о жизни. Анжела жаловалась, что школу

их, девятилетку, собираются закрывать, и если это случится, то Ваньке, как и другим детям, придётся ездить гранит науки грызть в Черёмушки. А это за двенадцать километров. Кто возить станет? Мало того, что школа в зиму почти не отапливалась, дети в куртках и пальтишках учились, то теперь и вовсе закрыть собираются. Филипп понимающе кивал головой и посматривал на белобрысого Ваньку, который весело надкусывал торт и совсем не переживал, что школу собираются закрывать. Мать, Августина Васильевна, коротко рассказывала о сельской жизни, которая в принципе ничем не изменилась за последние годы. Разве что у Лупатовых сын погиб.

– У Марьи Лупатовой, Кольку-то помнишь? – спросила Августина Васильевна сына. Филипп кивнул. – Прошлым летом на тракторе перевернулся в овраг пьяный.

– Убился?

– Знамо дело, – ответила та. – Все кости, как через мясорубку прошли. Куда там.

– Да и не сказать, чтоб уж шибко и пил, – вздохнула Анжела. – Выпивал, конечно, ну, а кто тут не пьёт? Но так ведь и работал. И голова и руки при себе. И не буянил сроду. Чего вот, скажи на милость, понёсся сломя голову вдоль оврага?

– Марью жалко, – Августина Васильевна тихонько вздохнула и отвела взгляд в сторону, в угол, где висели иконы. – Единственный ребёнок в семье. Внуков и тех не оставил. Были бы внуки, всё, глядишь, с бедой легче управиться было бы. А тут... Она теперь места себе не находит. Каждый день с утра до вечера на кладбище проводит. Не приведи, Господи, родителям детей своих пережить. Не приведи, Господи.

Филипп посмотрел на мать. Сердце сжалось от жалости. Вспомнил, как два года назад дочурка упала с дерева и сломала руку. Полезла снимать котёнка и сорвалась. Филипп тогда места себе не находил в больнице, пока дочери накладывали гипс. Сотню такой же боли перенёс бы сам, лишь бы его дитя не страдало, не плакало. Чего уж говорить про материнское сердце, которое всю жизнь переживает за своих детей.

Тем временем из комнаты показался Ванька, который пришёл за очередным куском торта. Не став слушать взрослую беседу, он вот как уже с полчаса ушёл к себе в комнату смотреть телевизор.

– Ничего не слипнется? – в шутку спросила Анжела. – Вот только попробуй у меня не поужинать.

– Не слипнется, – важно сказал паренёк и, положив на блюде кусок торта, поспешил обратно к себе.

Все улыбнулись. Анжела принялась убирать со стола, Филипп отправился на крыльцо покурить. Село, как и десять лет назад, жило всё такой же тихой, спокойной жизнью. По улице носилась чья-то рыжая дворняга, вывалив набок язык, гоготали где-то гуси и кудахтали куры, кучерявый мальчишка лет пятнадцати гнал со стороны оврага стадо. Вот она где жизнь. Живи, никуда не торопясь, да радуйся... красота кругом какая... и спешить никуда не надо, сломя голову несясь на утренний трамвай. Куда спешим, зачем? У каждого человека финиш жизни один. Дальше могильных холмиков всё равно не убежишь.

Потушив каблуком ботинка окурок, Филипп решил пройтись по селу. Выйдя за калитку, он не спеша побрел по улице, на которой прошли его детство и юность. Ах, память-память, можешь же ты встряхнуть душонку так, что и

не заметишь, как сквозь улыбку на щеке блеснёт слеза. Всё сейчас Филиппу помнилось, словно только вчера покинул эту улицу. Как босоногим мальчуганом играл с ребятами в лапту и чехарду, как носился на стареньком «школьнике», пугая соседских уток и гусей, как за тем вон оврагом на лугу помогал пастуху Емельяну пасти стадо, и всегда рядом был верный друг Валдай. Даже припомнилось, как у сердитого, хромого на одну ногу старика Василия Степановича рвали ночами сливу и яблоки. Много чего было. Кажется, что и не уезжал никуда, что и не было никакого города, а только все тридцать с небольшим и была эта улица, пруд за околицей, сады, полные сирени и вишни. Филипп остановился возле старенькой покосившейся избёнки, в которой уже несколько лет никто не проживал. Раньше там с родителями жила Першина Елена или просто Алёнка, как Филипп любил её называть. Красивая, весёлая, забавная девчушка с двумя родинками на левой щеке. Когда-то в этой девочке он не чаял души, ночами не спал, верил и знал, что обязательно они поженятся. Возле того вон тополя стояли до рассвета, целовались. Как быстро пролетело время, каких-то двадцать лет, а помнится всё, словно и не было никакой взрослой семейной жизни, а только и была эта весенняя зелёная юность. Теперь Алёнка сама городской житель. Как поступила учиться в Казань, так и осталась там. Слышал Филипп от сестры, что она каждое лето навещала мать, а потом забрала и её к себе. Больше их здесь не видели. Избу продавать не стали. Так и стоит она покосившаяся среди других бревенчатых изб, напоминая, что когда-то и в ней проживали хорошие добрые люди.

Филипп, сам того не ожидая, прошёл село и вышел к кладбищу. Навестить отца собирались с матерью завтра. Но теперь-то уж не возвращаться назад. Филипп зашёл на погост. Вот оно где последнее пристанище людей. И тихо здесь, и спокойно, и в то же время грустно. Проходя мимо надгробных плит, понимаешь, что не вечен человек. Жизнь легко оборвать и в молодые годы. Вон их сколько юных и красивых лиц. Жить да жить, а они с неведомой тайной смотрят на нас с могильных крестов – будоражат жалость. Молодых всегда жалко.

Могила отца была ухожена. Видимо, Ангела частенько навещает её. Она вообще с ранних лет была привязана к отцу. Папина дочка. Сильно переживала, когда его не стало. Вся в мать – такой же доброй души человек. Добрая и работящая. С возрастом, наверное, тоже плакуньей станет. Добрые люди всегда всех жалеют, переживают обо всём – оттого и слёзы. Филипп присел у могилы, посмотрел на крест, с фотографии которого пожилой мужчина мирно смотрел в даль кладбища. Вспомнилось, как ходили с ним на сенокос заготавливать сено. Скотины держали много. Это сейчас только у матери козы да куры остались, а раньше и корова была, и поросята имелись, да и кроликов одно время разводили. Хозяйство было. Переведя медленно взгляд на могилу, Маркунин подумал о том, что вот прожил человек жизнь, честно прожил, всю душу вкладывал в детей и работу. И за все эти четыре года у сына его не нашлось времени навещать могилку. Если бы не дочь, то поросла бы, скорее всего, бурьяном, как многие могилы. Тоже, поди, разъехались детишки по городам, заманил их этот стальной зверь в свои объятия, что и про родителей не вспомнят. Не найдут время навещать могилочку, убраться на ней, отдать дань благодарности и почтить память. С этой мыслью у Филиппа больно сжалось сердце. Стало стыдно и горько на душе.

Уже возвращаясь обратно, почти у самых ворот Маркунин заметил низенькую сгорбленную старушку в чёрном платке. Та неподвижно стояла у

могилы. Только подойдя ближе, Филипп узнал её. Это была Марья. Та, что в прошлом году схоронила единственного сына. И вот, стоит она у его могилки и ничего не замечает, что происходит вокруг. Весь мир сейчас замер, потому как она мысленно ведёт беседу с сыном. Филипп решил подойти. Пройти мимо, пусть даже тебя и не заметили, было как-то неправильным. С Николаем всё-таки росли на одной улице, в одну школу бегали, даже в армию и то уходили в один день.

Только когда Филипп подошёл почти вплотную, Марья заприметила его и обернулась. Маркунин, не проронив ни слова, посмотрел на неё. Как же она постарела. Прядь седых волос виднелась из-под чёрного платка, глубокие морщины гуляли по всему лицу, пустые одинокие глаза... Даже худое тело её было сейчас каким-то скукоженным, сутулистым. Перед Филиппом стояла старушка, хотя эта самая «старушка» была моложе его матери. Вот что горе с человеком делает.

Некоторое время стояли молча. Тишину развеяла Марья. Убрав седину под платок, она тихонько, еле слышно, вздохнула:

– Маму решил навещать?

– Решил, – тоже вполголоса ответил Филипп.

– Всё-таки нашёл время, – какая-то капелька упрёка прозвучала сейчас в словах, Маркунину стало даже как-то не по себе. – И я вот к Коленке пришла. Поговорим с ним немного, и всё легче обоим. И мне, и ему. Одному лежать одиноко здесь. Вот я и хожу, чтобы Коленка мой не скучал.

– Вам бы, Марья Сергеевна, у могилки скамью поставить, чтобы присесть можно было, – посоветовал Филипп.

Женщина, давно убитая горем, мимо ушей пропустила его слова. Ей хотелось говорить о своём, о том, что её беспокоит и тревожит. И она говорила.

– А бывает, ноги не слушаются. Весь день в постели пролежишь, а под вечер придёшь сюда, а он мне и говорит, куда, мол, мамочка, подевалась? Не забывай меня. Навещай почаще. А я ему, да как же я тебя, родненький, оставлю, да что ты такое, сыночек, говоришь? – Женщина тяжело вздохнула и ладонью смахнула слезу. – И ноги не слушаются, и сердце на куски разрывается, – и, переведя усталые влажные глаза на Филиппа, спросила: – К отцу ходил?

– Ходил, – не сразу ответил тот.

– Это правильно. Нам теперь только и остаётся, что навещать их. Не забывать. Они ведь ждут. Каждую минуту, каждую секунду ждут нас, когда мы придём и поговорим с ними. А мы не ходим, забываем. Закопали, и поминай, как звали. И зарастают могилочки, и не видно становится их, будто и нет. Все мы под одним крылом у смерти ходим. Никто не вечен. Не сегодня-завтра нас примет земля. И будем мы лежать, ждать, что кто-нибудь придёт из родных, навестит, поговорит с нами. Да только никому до нас дела не будет. Спрашивается тогда, для чего живём, для кого, зачем?

Женщина снова посмотрела на Филиппа. Тот промолчал. Да, конечно, навещать родных и близких надо, но губить и свою жизнь, убиваться горем и не видеть больше никакого смысла существования – разве это правильно? Вряд ли ушедшие от нас дорогие сердцу люди хотят этого.

– Я Коленке зефир в шоколаде да ириски приношу. Он маленький уж очень любил их. Ох, и сладёна был, – Марья за всё это время впервые улыбнулась.

И вот она опять замолчала, уставившись на крест. Снова непонятные думы навели её, что ей не было дела ни до кого. Казалось, она и правда

ведёт беседу с умершим сыном. Филипп постоял ещё немного и, чтобы не мешать, оставил Марью одну. Уже у выхода Маркунин обернулся и ещё раз посмотрел на неё. Женщина по-прежнему стояла неподвижно и смотрела на могилку. Вот оно, какое бывает горе, возьмёт человека в объятия, и не вырваться из них. Так и умом тронуться недолго, позабыв о нормальной жизни.

Покинув кладбище, Филипп вновь оказался в мире живых – в мире проблем, суеты и боли. Не спеша Маркунин пошагал обратно в село. Наступал вечер. Где-то еле слышно играл радиоприёмник, доносились звонкие детские голоса. Улица вновь нахлынула тёплыми приятными воспоминаниями. Жизнь всю била ключом. И даже не верилось, что совсем неподалёку находится Марья, справлявшаяся одна со своим горем.

Филипп держал путь в родительский дом. Он шёл к матери и сестре и, поглядывая на зелёные сады, вспоминал отца.

На речке, на речке, на том бережочке...

Корзину Олегу Матвеевичу было шестьдесят с небольшим. Вот уже как пару годков коротал он свои денёчки на пенсии. Но и то, без дела никогда не сидел. Зимой нанимался сторожем в сельсовет, а летом пас сельское стадо. Глава сельсовета Наум Григорьевич (который и сам держал трёх тёлочек) с приходом весны, поглядывая на Корзина, лукаво прищурился левый глаз, каждый раз спрашивал:

– Ну, что, Матвейч, надо бы и этим летом за стадом присмотреть.
– Надо, так надо, – соглашался старик.

– Больше некому, – разводил руками Наум Григорьевич. – Да и народ тебя хвалит. Как, говорит, мы без нашего Матвейча будем? На кого коровушку свою оставим? Хех.

Олег Матвеевич послушно кивал головой. Народ и правда, был благодарен старику, что так ловко и умело нянчился с коровами. Да и скотина его любила и слушалась. А коли и попадалась какая непутёвая дурёха, то Матвейча собака по кличке Сара быстренько эту хулиганку утихомиривала, ставила на место. Да и прав Наум – больше некому. Молодые не идут в пастухи, а те, кто уже в годах, либо здоровьем слабы, либо пьют безбожно. Сколько с этими пьяницами намучались, натерпелись, слов нет.

Проживал Олег Матвеевич в пятистенной избе с дочерью и внуком. Жену, Елизавету Павловну, редкой доброты души человека, схоронил семь лет тому назад. Тоже вот ведь как бывает. Всю жизнь отработала почтальонкой. Натерпелись ноженьки её беготни. Вышла на пенсию. Здоровье и силёнка имелась ещё. Не жаловалась ни на что сроду. Всю работу по дому сама делала. А в майские праздники прилегла днём отдохнуть на часок, да и не проснулась больше. Если бы не дочь, совсем тяжко старику пришлось бы. Поговорить и то не с кем. Одиночество – суровая баба, та ещё стерва, возьмёт в свои объятия, тряханёт, как следует, что и умом тронуться недолго. Молодые-то с ней не всегда справляются, чего уж говорить про стариков.

А вот с внуком Олег Матвеевич не ладил. Никак не получалось найти с ним общий язык. Лентяй несусветный. Ничем не помогал ни матери, ни деду мерин такой. Только и знал, что целыми днями лежать на кровати в наушниках и слушать музыку. Стены все увешаны плакатами с длинноволосыми музыкантами в «кожанках». Это Корзин тоже не одобрял.

– Чем бока пролёживать, шёл бы лучше в огород. Полоть надо, – говорил Матвейч внуку.

– Успеется, – лениво отвечал тот.

– Задарма хлеб ешь, паразит эдакий! – бранился старик. – И не стыдно?

– Мне в армию идти скоро, дайте хоть лето нормально пожить, без всяких огородов и упрёков, – возмущался парень.

– Ты всю жизнь лоботрясничаеть, лось такой. Хоть разок бы матери помог, бесстыжий?! – Олег Матвеевич в сердцах ругался. – Ничего-о, в армии из тебя сделают человека. Научат мамку любить и уважать старших.

Внук на это равнодушно улыбался.

Есть у Олега Матвеевича ещё сын Валерка, который живёт в соседнем районе. Но так случилось, что давным-давно поругались они с ним сильно. Поэтому и не видятся больше. Из-за чего побранились, Олег Матвеевич уже и не припомнит. Прошлым летом старик ездил в соседнюю Криушу мириться с сыном, но получил от ворот поворот. Видать, обиду Валерий далеко за пазуху спрятал, гордыня в молодой душе играет, раз родного отца признавать не желает.

– Видимо, и правда, я здесь никому не нужен, – сказал тогда Корзин, глядя сыну в глаза, и уставшей сутулой походкой медленно побрёл к автобусу. Больше не смел тревожить Валерку своим присутствием. А сердце нет-нет да кольнёт, вспоминая о сыне. Да и как не тревожиться, не переживать ему – ведь кровинушка родная. Не чужой.

Рано утром, выгоняя стадо в поле и примостившись где-нибудь в тенёчке, забивая толстыми пальцами табак, Олег Матвеевич пускал из ноздрей густой дым и любовался коровами. Вот, какие они у него красавицы. Все до одной. К каждой животинке он испытывал непонятную нежность и радость. Словно все они были его. А коровы молча жевали сочную траву, время от времени трясли головой, прогоняя назойливых слепней. Часам к десяти на поле приходил паренёк Серёга. Его белобрысая шевелюра и синие шорты виднелись издали. Заприметив его ещё от холма, старик расплывался в улыбке. Ему нравился паренёк. Они дружили. Тот весело здоровался и присаживался рядом, подпирая босые ноги к животу. Было Серёге десять лет. Жил он с матерью один. Отца не помнил. Слышал только, что весёлый был мужик и выпить любил. В одну из февральских ночей замёрз пьяным. Не дошёл до дома. Поутру в сугробе нашли прямо возле калитки.

– Ну как, рыбы много наутюжил? – спросит, бывало, Олег Матвеевич паренёка.

– Какой там. Не хочет клевать штой-то, – Серёга важно треплет свое большое ухо. – На Сивухин пруд надо ехать. Да там криушинские не дают.

– Не пускают?

– Бранятся.

– Это не дело. Раньше такого не было.

– А кому охота, чтоб с других деревень катались. Свой иметь надо.

– И что, совсем у нас не берёт?

– Не-е, не хочет, – Серёга мотает белобрысой чёлкой. – Емельян Петрович говорит, что рыба нынче сыта.

– С чего бы это?

– А кто её знает.

Олег Матвеевич, громко покашляв в ладонь, затихает. Он и сам раньше любил порыбачить, посидеть с удочкой на берегу. И сколько себя помнил,

рыба всегда водилась в реке. Последнее время, правда, зрение у Матвеича подыпортилось совсем. Долго любоваться на поплавок не может, глаза устают, да и разве его увидишь теперь крохотульку эту. А Петрович, видимо, хитрит. Эх, хитрит. Малец ещё ловить толком не умеет, а он ему – рыбы нет. Это куда ж она тогда подевалась, а? Надо ему будет как-нибудь Серёгу на вечернюю рыбалку сводить. Пусть знает, что и у нас не всё так плохо. И даже лучше, чем у этих криушинских. Главное, места знать.

Олег Матвеевич достал из кармана рубахи кусок газеты, оторвал малость, свернул «козью ногу», забил туда табаку, прикурил и, затянувшись, пуская из больших ноздрей едкий дым, тяжело вздохнул. Запрокинул голову и стал любоваться облаками, что медленно плыли себе по бескрайнему широкому небу.

– Неужто и, правда, она сейчас где-то там? – тихо произнёс он.

– Кто? – не понял его Серёга.

– Та-ам, – кивнул Матвеич. – Ни одну букашку сроду не обидела, худо никому не сделала. Где ж ей тогда быть? Бог, он всё видит.

Серёга, по-прежнему не понимая, о чём говорит Корзин, тоже уставился на небо.

– Помру я нынче скоро, – неожиданно сказал старик. И сказано это было так, словно об этом он знал наверняка. Будто заглянул случайно в книгу жизни и теперь готовился без всякого страха и сожаления к последнему дню.

– Да что вы такое говорите, дядя Олег. Вы не говорите так. Об этом даже думать грешно. Мама всегда говорит – будь, что будет, живи, пока живётся. А приманивать её, горбатую нечего.

– Хех. Агафья Аркадьевна знает, как сказать. Хорошая женщина, – старик улыбнулся. – Помогаешь матери-то?

– А как же. Чай, я у ней один. От кого ей ещё помощи ждать. Вот кончу школу, отучусь на водителя и буду, как дядя Миша, работать. Он вон поскользку зашибает. И дом, и хозяйство какое.

– Эт правильно, эт нужно... Родителей беречь надо, – сказал Олег Матвеевич. – Ты вот кнут возьми и учись...

– А то я не умею, – перебил Серёга. – Я уж, дядя Олег, давно научился им щёлкать. Поди, и сами видели, только не помните.

– Хлыстать это одно. Этому любой дуралей обучится. Надо, чтобы животные к тебе привыкли. Чтобы слушались тебя. Ты завтра прихвати из дому хлеб с солью, да угости их. Они, ить, как и человек, ласку и доброту помнят. Мне недолго осталось – этот бы год как-нибудь осилить. И новый пастух потребуется. А нынче молодые не шибко к такой работёнке приучены. Вот и пойдёшь к новому пастуху подпаском за полставки. Коли скотина слушаться будет, в помощники возьмут. Всё какие-никакие деньги. Матери помощь. Хоть сам себя в школу оденешь.

– Да я по годкам не подхожу, – поглядывая на старика, ответил Серёга.

– Ничего-о, раньше лошадей выгоняли в ночь вот с таких вот пор. А тут... С Наумом Григорьевичем я поговорю. Он мужик умный, поймёт. Скажу, замену готовлю.

– Ну, хватит вам.

– А чего? Иль думаешь, мне вечно эту землю топтать? Нет, такого не бывает, братец, – сказал Корзин и, уставив взгляд на горизонт, тихонько добавил. – Больно только от того, что умру, и дела никому не будет. Придёт ли Валера проститься? Проводит ли в последний путь, постоит у гроба? Вряд ли.

Ему не до меня. Чего уж ещё ждать от жизни, коли родному сыну не нужен, – старик потушил окурок. – Не придёт Валера. Не придёт.

Теперь каждый раз, приходя на поле, Серёга брал из дому горбушку хлеба и угощал им коров. Оказывается, эти животные очень даже миролюбивые. И Олег Матвеевич был совершенно прав, что коровы всё помнят. Бывало, только Серёга явится, как они тут же к нему тянутся. Тот и хлебушком угостит и по голове погладит, ласковое слово на ухо шепнёт. Как после этого мальчугана не полюбить?

В обеденное время старик подзывал Серёгу перекусить. Корзин доставал из серой сумки скатерть, стелил на траве и аккуратно выкладывал на неё варёную картошку и яйца, ржаной хлеб, лук, тюбик с солью и бутылку с молоком. Уминая всё это за обе щеки и поглядывая за стадом, старик обычно начинал вспоминать какой-нибудь случай из жизни или же наоборот, сам о чём-нибудь просил паренька рассказать. Ему нравилось слушать малого.

– Егорка-то к вам захаживает? – спросит вдруг Олег Матвеевич, как бы невзначай, случайно, а сам с хитрецей глядит на паренька. Это он о своём племяннике, который временами заглядывает к Серёгиной матери. Что у них там происходит, не поймёшь. То Агафья Аркадьевна пускает его и даже оставляет ночевать, и нет-нет да и упомянет о нём, когда тот подолгу не появляется. А бывает, что прямо с порога метлой гонит, как пса негодного. Сам по себе Егор мужичок тихий, хороший, только вот одна у него беда – пьёт. И пьёт часто, помногу. Оттого-то, видать, и скандалят с Агафьей.

– Заходит, – отвечает Серёга, поглядывая под ноги, в траву. – Толку-то.

– Чего так?

– Маменька его последнее время часто хаёт.

– Что ж они никак язык-то общий не найдут? – интересуется Матвеич. Паренёк пожимает плечами.

– А чего он пьяный всегда? Она теперь алкоголиков на дух не переносит. Папка у меня ведь тоже любил выпить. И где он сейчас?

– Так-то оно да... так-то всё верно, конечно, – Олег Матвеевич понимающе кивал головой. – Жалко вот только его дурака тоже. Я ить его вот с таких вот пор нянчил. Да и мужик он неплохой. Только вот скажи... да... Руки ему повыдёргивать, чтоб стакан этот чёртов брать не мог.

– Так ведь и через соломку можно, – сказал Серёга. Матвеич посмотрел в наивные ребяческие глаза и тихонько засмеялся.

– Можно. Тебе самому-то как, Егорка нравится?

– Нравится, – признался Серёга. – Он меня на тракторе учил ездить. А ещё мотоцикл обещал мне отдать, как подрасту. Только его отремонтировать нужно.

– Ты мамке как-нибудь скажи, мол, плохо без папки-то жить, – посоветовал Матвеич. – А мозги Егору вставим. Он у нас не то что выпить, забудет, как она, дрянь эта пахнет.

Серёга послушно кивнул головой.

После лёгкого перекуса Матвеич обычно, облокотившись на локоть, тяжёлым хриплым басом запевал какую-нибудь песню. Старик много знал хороших душевных песен. Паренёк тут же присоединялся и звонким молодым голоском подпевал. Ежели Серёга не знал слов, тогда просто слушал, тихонько мыча в такт.

– Про Марусю знаешь?

– А, вы напоите, – попросит паренёк.

Старик, потирая влажные губы, стараясь изо всех сил, запевал: «На речке, на речке, на том бережочке, мыла Марусенька белые ноги...». Серёга, услышав знакомую песню, радостно начинал подпевать.

Ближе к полудню появлялся на поле народ с ведрами, доить коров. Самыми последними, когда все разойдутся, приходили Аня и Лёшка. Аня только-только окончила школу и уже подала документы в город. Высокая, стройненькая, светленькая, как колосок пшеницы. У Лёшки коровы нет, они не держат. Но парень всё равно каждый раз приходит с подружкой за компанию и помогает ей нести ведро. Девушка скромно здоровается с Матвеичем и Серёгой и, виновато пряча глаза в сторону, начинает доить свою Рыжуху. Лёшка стоит рядом, закинув кепку на затылок, важно поглядывает по сторонам, шевеля губами травинку. Но вот Аня перестаёт доить, выпрямляется, поправляет платок и всё так же, скромно попрощавшись, направляется в деревню. Лёшка молча берёт ведро и следует за ней. Тихой походкой они идут к дому, о чём-то мило беседуя.

– И чего это он всё ходит? – задумчиво говорит Серёга. – Сами скотину не держат, а чужие ведра таскают.

– Жених, потому и таскают, – объясняет Матвеич, с доброй завистью поглядывая на молодых. Серёга громко захохотал. – Чего это ты? Сам скоро за девочками ухлёстывать начнёшь.

– Ну, уж нет, – смеется Серёга. – Не дождутся.

– А чем ты лучше? – улыбается старик и снова, переведя взгляд на влюблённых, с жадной радостью вспоминает и свою ушедшую юность.

Что случилось в конце августа, когда ночами стало холодать, и уже не посидишь, как раньше, с раннего утра на земле, не поваляешься, как в начале лета. Ближе к обеду Серёга забрал у Матвеича кнут, собрал скотину в одно большое стадо, и повел её к реке. Старик остался лежать у пригорка, облокотившись на левый локоть, вновь посматривая куда-то в небо. Вернув коров с водопоя, паренёк поспешил похвастаться Олегу Матвеичу, как ловко на этот раз ему удалось собрать их и так же ловко увести от реки и вернуть обратно. Что даже кнут, и тот почти не пришлось использовать. Всего-то пару-тройку раз и щёлкнул в воздухе. Старик лежал по-прежнему на земле, запрокинув голову и заострив скулы, смотрел в небо. Серёгу поначалу удивило, а потом испугало его равнодушное молчание. Он осторожно коснулся холодной кисти старика и резко, будто ошпарив ладонь, отдернул руку. Старик был мёртв. Вскочив на ноги и не чуя под собой земли, паренёк бросился в деревню.

Хоронили Матвеича скромно. Народу было немного. На похоронах плакал только один Серёга. Ему до глубины души было жаль старика, и обида душила его маленькое сердечко от того, что Валерка не пришёл проститься с отцом. Всё же знал старик о своём скором уходе и не боялся его. Когда опустили гроб, Серёга запрокинул влажные от слёз глаза к небу, как частенько последнее время делал Матвеич. Кто-то из пожилых, видимо, чтобы успокоить, сказал, что там, на небушке, ему будет лучше. Серёга ничего на это не ответил, лишь прижался к матери и заплакал ещё сильнее.

ПРОЗА

Владислав КУРАШ

Серебряная пуля

Без любви человек превращается в живую гробницу, от него остаётся лишь оболочка того, чем он был прежде.

Перси Биши Шелли

Восемь лет, которые я провела с ним, значили больше, чем обычный полный срок человеческого существования.

Мери Уолстонкрафт Шелли

Владислав Игоревич Кураш – родился 9 июля 1974 г., современный украинский писатель. Потомок древнего литовского княжеского рода Кураш, берущего свои корни из династии Ягеллонов, родоначальником которой был Великий Князь Литовский и Король Польский Владислав II Ягайло, внук Гедимины, сын великого князя литовского Ольгерда и тверской княжны Иулиании. С 1991 по 1993 гг. Владислав Кураш работал продавцом в супермаркете, почтальоном, уборщиком в пивном баре. В 1993 г. работал на кондитерской фабрике грузчиком. В 1994 г. нанялся матросом на рыболовецкое судно, на котором плавал к берегам Африки, Латинской Америки, Японии и в северные моря. В последующие годы путешествовал по Германии, Франции, Испании, Италии, Португалии. Полученные впечатления легли в основу многих его рассказов и повестей.

Живёт в Киеве.

Проследовав по подъездной аллее через ухоженный сосновый бор, ограждённый со всех сторон высоким двухметровым металлопрофильным забором, новенький серебристый «форд» остановился у парадного входа спрятавшегося среди сосен шикарного трёхэтажного особняка.

Вечерело. В воздухе пахло жимолостью и хвоей. Багряные отблески выглядевшего из-за деревьев закатного солнца пронизывали чистое серое небо кровавыми прожилками.

Леонид вышел из «форда» и направился к дому. Он был в дорогом костюме Diamond Chip и блестящих лакированных туфлях из крокодиловой кожи. Навстречу ему из дома вышел Владимир. На его тщательно выбритом с болезненно заострёнными чертами лице сияла улыбка. Они по-приятельски поздоровались и вместе пошли в дом. От Владимира разило перегаром, он был изрядно пьян, в руке у него была надпитая бутылка кубинского рома. Леонид сразу обратил на это внимание.

– Как я рад, что ты нашёл время заехать ко мне. Мы уже так давно с тобой не виделись, – сказал Владимир Леониду слегка заплетающимся языком, обняв при этом его свободной рукой за плечо.

Тем временем они вошли в дом. В гостиной был откровенный бардак. Небрежно расшвыривая ногами в стороны валявшиеся на полу вещи, Владимир прошёл через всю гостиную и увалился в мягкий глубокий диван.

– Заходи, не стесняйся, почувствуй себя, как дома, – пригласил он Леонида и отхлебнул из бутылки рома.

– Не понял. Что здесь было? Ураган или землетрясение? – спросил Леонид, удивлённо оглядывая гостиную.

– Ты об этом? – глупо улыбнулся Владимир. – Извини. Небольшой беспорядок. Творческая обстановка. Не обращай внимания. Когда я нервничаю, у меня всегда всё вверх тормашками летит.

– И часто ты нервничаешь? – пройдя через гостиную и присев рядом на диван, спросил Леонид.

– Бывает в последнее время, – снова отхлебнув из бутылки рома, задумчиво сказал Владимир.

– Всё с Никой ругаешься?

– Угу, – промычал Владимир.

– Что же на этот раз?

– Как и всегда.

– Опять к кому-то приревновал?

– Угу, – снова промычал Владимир. – И, ведь, понимаю, что всё это чушь, и ничего с собой поделаться не могу. В меня словно бес вселяется. Я же её люблю до одурения, поэтому и ревную к каждому столбу.

– А где Ника?

– Забрала детей и уехала к маме. Я её выгнал.

– Ну и дурак.

– Знаю, что дурак. Завтра ноги целовать ей буду и умолять вернуться.

– Другая на её месте давно бы уже тебя бросила.

– Я и сам удивляюсь, как она меня до сих пор терпит.

– Потому что любит тебя и жалеет, а ты, дурья голова, не ценишь этого. Когда-нибудь и её терпению придёт конец. Потом никакие обещания и уговоры не помогут.

– Если она меня бросит, я этого не переживу. Что мне делать? – совсем раскис Владимир. – Я уже себя начинаю бояться. Порой до умопомрачения доходит. В таком состоянии я на что угодно способен.

– Ты должен держать себя в руках.

– Легко сказать.

– Тогда обратись к врачу.

– Думаешь, я псих? Думаешь, у меня крышу сорвало?

– А со священником ты не беседовал? Может, тебе на вычитку съездить? Хочешь, давай вместе поедим.

– Не поможет. Я уже ездил.

– Тогда не знаю, что тебе делать, – призадумался Леонид.

– Мне страшно. Видел бы ты меня во время припадков. Но самое ужасное начинается потом. Я, ведь, уже три раза стрелялся.

– Как стрелялся? – не понял Леонид.

– Обыкновенно, из револьвера. Играл когда-нибудь в русскую рулетку? Сейчас покажу, как это делается.

Владимир поставил бутылку рома на пол и перегнулся через спинку дивана. Когда он принял прежнее положение, в его руке был огромный никелированный шестизарядный Магnum 38-го калибра. Нажав большим пальцем на еле заметную защёлку, он откинул барабан влево. И тут же картинным жестом, резко взмахнув револьвером, вернул барабан на место.

От неожиданности Леонид на какую-то долю секунды застыл в оцепенении. Воспользовавшись этим, Владимир с силой провёл револьвером по предплечью, раскручивая барабан. Когда барабан остановился, он взвёл курок, направил револьвер себе в сердце и нажал на спусковой крючок.

Приготовившись к выстрелу, они оба зажмурились. Но выстрела не последовало. Раздался громкий металлический щелчок удара курка о боёк.

Первым пришёл в себя Владимир.

– Опять не судьба, – радостно заорал он не своим голосом. – По этому случаю стоит выпить. – Веселился он, как ребёнок.

Его веселье больше было похоже на депрессивную истерию. Быстрота и ловкость, с которыми он проделал всё это, красноречиво свидетельствовали о том, что он делал это уже не раз. Леониду стало жалко его.

Владимир пододвинул к дивану журнальный столик, под стеклянной столешницей которого находился небольшой барчик, битком набитый спиртным.

– Что будем пить? Ром, абсент, джин, виски? – не переставая веселиться, поинтересовался Владимир.

– Давай что-нибудь полегче, – запротестовал Леонид. – Мне ещё назад ехать.

– Может, чинзано или граппу?

– Лучше чинзано.

– Отлично, – согласился Владимир. – Как в старые добрые времена.

Он положил револьвер на столик, достал из барчика два чистых фужера, бутылку чинзано и наполнил фужеры.

– За судьбу, – предложил он, поднимая свой фужер. – Несмотря ни на что, я счастлив и доволен своей судьбой. У меня есть Ника, у меня есть Алинка и Никита, у меня есть ты, я вас всех люблю, вы самое дорогое, что у меня есть.

Выпив, Владимир снова взял револьвер и по-ковбойски демонстративно стал крутить им на пальце, время от времени имитируя выстрелы по воображаемым целям.

– Откуда у тебя эта игрушка? – поинтересовался Леонид.

– Купил в оружейной лавке на Карл-Йохансгате, – ответил тот, продолжая дурачиться с револьвером.

– Зачем он тебе?

Владимир перестал дурачиться и снова посерел и призадумался.

– Чтобы свести с жизнью счёты, – после некоторой паузы угрюмо произнёс он. – Я не могу больше так. Я уже на пределе. Жизнь стала невыносимой. Я устал от этих постоянных скандалов и ссор. Всем, кого я люблю, от моей любви только хуже. Когда-нибудь я положу этому край.

– Это глупо.

– Другого выхода нет.

– Выход всегда есть.

– Вот единственный и самый надёжный выход, – сказал Владимир, потрясая револьвером.

Он снова нажал большим пальцем на еле заметную защёлку и откинул барабан. Затем, наклонив револьвер стволом вверх, ещё раз потряс им. Из барабана на стеклянную поверхность столешницы выпал один единственный патрон с небольшой закраиной на титановой гильзе и сверкающей пулей со сферической головкой.

Он взял со стола патрон и протянул его Леониду.

– Смотри. Видишь? Пуля серебряная, 925-ая проба, под заказ сделали. Обрати внимание на насечку в виде православного креста. Я патрон в церкви освятил, чтобы заодно и того гада, который внутри меня сидит, хорошенько припечатать.

Держа патрон большим и указательным пальцами, Леонид поднёс его к самым глазам и, медленно поворачивая туда-сюда, стал внимательно рассматривать его.

Зазвонил телефон. Владимир встал с дивана и поднял трубку.

– Ника, это ты? – напряжённо произнёс он в трубку. – Ты меня слышишь? Прости меня дурака. Опять бес попутал. Что мне сделать, чтобы ты мне поверила? Хочешь, я себе палец отрежу? Возвращайся. Я без тебя не смогу. Сдохну, как собака, под забором. Или вены вскрою. Или повешусь в туалете на галстук. Любимая, прости, если сможешь. Я себя и сам ненавижу. Я за тобой сейчас приеду. Почему? Ты не обманываешь? Хорошо. Как там Алинка с Никитой? Я их не сильно напугал? А знаешь, кто к нам заехал? Лёнька. Нет, я не пьяный. Выпили по фужеру чинзано и всё. Как скажешь, любимая. Больше не повторится. Обещаю. Вот увидишь. Ладно, постараюсь. Целую, целую, целую, целую.

Владимир положил трубку и вернулся к Леониду.

– Она меня простила, – радостно заорал он. – Так, где револьвер? Ага, вот он. – Владимир схватил с журнального столика револьвер и, перегнувшись через спинку дивана, поспешно спрятал его. – Об этом никому ни слова. Понял? Отлично! – Всплеснул он ладонями. – Давай выпьем. Ника меня простила. Завтра утром вместе с детьми приедет домой.

Владимир взял бутылку и стал наливать чинзано в фужеры. Леонид накрыл свой фужер ладонью.

– Я всё. На сегодня хватит. Мне ещё назад возвращаться, – категорически заявил он.

– Не понял? Как хватит? Ты надо мной издеваешься? – возмутился Владимир. – Что с тобой будет от двух фужеров чинзано?

Леонид уступил. После второго фужера ему стало жарко, и он снял пиджак. Когда допили бутылку и откупорили следующую, Леонид понял, что никуда он уже сегодня не поедет.

– Слушай, Лёнька, – словно угадывая его мысли, еле ворочая языком, произнёс Владимир. – Куда тебе уже ехать. Оставайся у меня. Ложись, где хочешь. Хоть здесь, хоть в комнате для гостей.

Леонид согласился. Допив вторую бутылку, они вышли на террасу и закурили сигары. Настроение у Владимира было приподнятое. Не осталось и следа от былой депрессии.

Когда они вернулись в дом, Владимир набросился на Леонида сзади и повалил его на пол. Завязалась борьба. Крепко сжав друг друга в стальных объятиях, они катались, сопя, по холодному кафельному полу, стремясь уложить противника на лопатки. Борьба длилась недолго и закончилась безрезультатно. Никто не одержал верх. Обессилев, они практически одновременно ослабили объятия и прекратили борьбу. Ещё некоторое время, тяжело дыша, они лежали на холодном полу.

– А ты, я вижу, всё так же силён и крепок, – радостно заметил Владимир, поднимаясь с пола и садясь на диван.

Он достал из барчика третью бутылку чинзано и откупорил её.

– Ты тоже в отличной форме, – радостно заметил Леонид, садясь рядом на диван.

– Ничего, когда-нибудь я тебя одолею.

– Кишка тонка.

Леонид снял рубашку и продемонстрировал свои богатырские мускулы. Владимир следом проделал то же самое. Довольные собой они громко расхохотались и весело пожали друг другу руки.

После третьей бутылки у Леонида всё поплыло перед глазами, и он провалился в чёрную пропасть. Утром он проснулся от чудовищной головной боли – голова трещала и раскалывалась. Он лежал в гостиной на диване в одних брюках и туфлях. Рядом лежал Владимир. Леонид встал с дивана, и к горлу подкатила мучительная волна тошноты. Он еле успел добежать до туалета.

Когда он привёл себя в порядок, Владимир всё ещё спал. Леонид не стал его будить. Аккуратно переступая через следы вчерашнего побоища, он пересёк гостиную и вышел из дома. Воздух был холодный и свежий. Пахло жимолостью и хвоей. В небе висел огромный диск восходящего утреннего солнца. Леонид сел в свой новенький серебристый «форд», завёл его и покатил по аллее на выезд.

В тот день Вероника проснулась рано. Всю ночь ей плохо спалось, снились какие-то кошмары. К восьми, когда все встали, она приготовила завтрак. Покурила детей, выпила с мамой по чашке кофе и начала собираться в дорогу. Мама помогла ей одеть детей и вышла провести их на улицу. Перед выходом Вероника позвонила Владимиру, чтобы предупредить его, что они уже едут.

Спросонок, с трудом шевеля мозгами и отёкшими от перепоя конечностями, Владимир стал торопливо наводить в доме порядок, спеша успеть к возвращению жены и детей.

Усадив на заднее сидение детей, попрощавшись с мамой, Вероника села за руль своего новенького, сверкающего глянцем, салатного «ситроена» и, взвизгнув зажиганием, покатила по Киркегате в сторону Трондхеймсвэйен. Когда Осло осталось за спиной, она с силой нажала на педаль газа, набирая обороты и скорость.

Леонид опаздывал на работу. Борясь с тошнотой и дурным самочувствием, нервно поглядывая на часы, он гнал по трассе на сумасшедшей скорости. Гладкая, как стекло, влажная от утренней росы трасса сверкала в лучах восходящего солнца и немного слепила глаза. Перед самым въездом в Осло трасса круто поворачивала влево и делала огромную петлю. Леонид не успел сбросить скорость и его с силой вышвырнуло на встречную полосу, прямо на мчащийся на него новенький, сверкающий глянцем, салатный «ситроен».

Когда Владимир узнал о гибели жены и детей, он пошёл в гостиную, достал из-за дивана свой револьвер, взвёл курок, направил револьвер себе в сердце и нажал на спусковой крючок. Но ничего не произошло. Он нажимал снова и снова, и снова, и снова. Отупев от безумия, он не соображал, что делает. Он продолжал нажимать на спусковой крючок до тех пор, пока его не скрутили и не отобрали у него револьвер. Револьвер конфисковали, а его поместили в клинику для душевнобольных.

Полдня пришлось разрезать автогеном сплюснутый в лепёшку «форд», чтобы достать Леонида. Во время осмотра его изуродованного до неузнаваемости тела среди прочих вещей в одном из карманов пиджака был обнаружен револьверный патрон 38-го калибра с титановой гильзой и серебряной пулей.

Спустя месяц, когда Владимира выписали из клиники, он зашёл в оружейную лавку на Карл-Йохансгате, купил там точно такой же, как у него

был, шестизарядный Магнум 38-го калибра и заказал один единственный патрон с серебряной пулей.

Был ясный погожий июльский день. Владимир с Вероникой сидели на берегу пруда, неподалёку от их дома. Немного в стороне, у самой воды играли дети. Вероника сорвала травинку и наматывала её на указательный палец. Владимир держал в руках револьвер. Откуда-то издалека донеслись глухие еле слышные раскаты грома.

– Будет дождь, – оценивающе посмотрев на небо, сказал Владимир.

– Я люблю дождь, – сказала Вероника, выбросив надоевшую травинку.

– А я люблю тебя, и Алинку с Никитой.

– Я тебя тоже люблю, – подумав, сказала Вероника. – Но порой ты бываешь невыносимым.

– Я исправлюсь. Только не бросайте меня. Иначе мне конец.

– Всему рано или поздно приходит конец, – равнодушно произнесла Вероника.

– Не говори так. Это жестоко и неправильно.

– Увы, это неизбежно. И ничего тут не поделаешь.

– Я против этого. Слышишь, против этого, – протестуя, с раздражением заорал Владимир и нажал на спусковой крючок.

Сго нашли через несколько дней. Он лежал на том самом месте, у пруда, неподалёку от своего дома, с простреленной грудью. Рядом в траве валялся револьвер с одной единственной гильзой в барабане.

ПОЭЗИЯ

Галина МИТРОФАНОВА

Галина Павловна Митрофанова – родилась 1 марта 1941 г. в Донецке. Поэт, прозаик, переводчик. Увлекается рисованием. Член союза писателей России (МГО). По первому образованию – инженер-коксохимик. В 1979 г. окончила Литературный институт имени А.М. Горького (Литинститут) по отделению прозы. Публиковалась под своим именем и под различными псевдонимами в газетах, журналах, альманахах. Автор нескольких книг поэзии и прозы.

Живёт в Москве.

«Судьбу благодарю опять...»

Вода

Заливает вода города.
 Настигая, ворчит: «Никуда
 Не уйдёте вы от меня.
 Я сильнее Земли и Огня!»
 Породила я вас, люди. В добрый час! –
 Вам сказала, – любите, живите,
 Всё прекрасное сохраните.
 Всё, что в небе и море – для вас!
 Вы всю живность вокруг погубили.
 Воздух, землю, меня отравили.
 Но пока в своей прежней я силе!
 Смотрите:
 Разбегусь и накрою волной Рим и Питер...
 Красноярск, Магадан и Москву
 Я дождями залью!!!
 И потом всё от Ноя начнём:
 «Каждой твари по паре!»

Страшен был этот сон! О, спасибо, Всевышний,
 Что пока ещё сон...
 Лупит ливень по крыше, репродуктор включён:
 – На Кавказе невиданный град!
 Заливает водой Петроград!

Колокольчик

Нежный колокольчик у дороги...
Согласитесь, жизнь его не мёд,
Даже не колёса, просто ноги
Вдруг зацепят,
Он же упадёт.

Слишком безмятежен и бесправен,
В чём он перед небом виноват?
Но бывает время: даже травы,
Собираясь вместе, бьют в набат.

Синий цвет его не цвет тревоги,
Может, красотой он мир спасёт?
Но при пыльной при Большой дороге
Долго ль, догадайтесь, проживёт?

Спасибо судьбе (Счастье)

Хожу на танцы в стиле Ретро,
Но чаще в подмосковный бор.
Дружу с Деревьями и Ветром,
Он раздувает мне костёр...
Он управляет Облаками...
Остановите же свой взгляд:
Где небосвод в вечерней раме,
Где искры «Андромед» горят.
Ещё не сразу их заметишь,
Ещё бесплотен лунный лик,
Но сердцем радостно отметишь,
Как мир моей страны велик!
Мне счастье с Родиной общаться,
Судьбу благодарю опять,
Что помогла в ней состояться
И это счастье понимать.

Вечерняя песня

Бродят по небесному молоку
Звёзды синие.
Крикнет им кукушка своё «ку-ку»
Над Россиею.

Кольца дыма вьёт как привет костёр
Над Барвихою.
Вспомню я далёких своих сестёр
Песней тихою.

Вспомню, что живёт за большой рекой
Мой невстреченный.
И сейчас глядят на него в упор
Звёзды вечные.

Кольца дыма вьёт как привет костёр
Над Барвихою.
Вспомню я далёких подруг-сестёр
Песней тихою.

Любишь или нет, я его спрошу,
Ходишь-бродишь где?..
Душу свою памятью воскрешу,
Дам отпор беде.

Кольца дыма вьёт как привет костёр
Над Барвихою,
Вспомню я далёких подруг-сестёр
Слёзкой тихою.

Бродят по небесному молоку
Звёзды синие.
Крикнет им кукушка своё «ку-ку»
Над Россиею.

Кольца дыма вьёт как привет костёр
Над Барвихою,
Вспомню я далёких подруг-сестёр
Слёзкой тихою.

У памятника Пушкину

Однажды в дождь в толпе большой
(Я торопилась в институт)
С продрогшей донельзя душой
На миг остановилась тут.
Мне показался странным взгляд
Поэта. В нём чему укор?
Вопрос я этот всем подряд
Всё задаю с тех давних пор.
Не только хризантем букет
Я Пушкину сюда несла,
Здесь сын мой с самых малых лет
У взрослых брал урок добра.
Я так люблю ходить сюда
На встречи. С сыном здесь сидеть,
Особенно, когда беда,
Когда нет сил писать и петь.

О глазах

Один мой товарищ считает себя знатоком физиогномики. И он это доказывал не раз на практике. А однажды он порекомендовал и мне: «Учись читать по глазам. Они не врут». Своё пожелание и вывод он подкрепил таким доводом: «Когда опытный следователь на допросе говорит: “Смотрите мне в глаза!”, он безошибочно определяет – говорит подследственный правду или лжёт».

Его пожелания и доводы меня заинтересовали. Но чтобы научиться читать по глазам, надо иметь чёткое представление: какие бывают глаза, чем они отличаются друг от друга, как реагируют на разнообразные события и т.д.

Я стал всматриваться в глаза знакомых и незнакомых мне людей, выписывать в специальную тетрадь все сведения о глазах из прочитанной литературы, систематизировать. Получилось очень большое количество глаз по разнообразным определениям. Пришлось завести алфавитный альбом и записывать, какие бывают глаза, на каждую букву алфавита. Получился объёмный блокнот. Чтобы не перечислять записанное на все буквы алфавита, я открыл альбом на первую попавшуюся страницу. На ней оказалась буква «в».

На эту букву в моей «коллекции» записано, что глаза бывают: васильково-голубые, васильковые, ввалившиеся, вдавленные, вдохновенные, вдруг засверкавшие, вдумчивые, великолепные, величавые, верблюжьи, верные, вертучие, весело блестящие, весёлые, вертлявые, вечно прищуренные, взволнованные, виноватые, витринные, вишнёвые, вкрадчивые, в красных жилках, влажные, влажно-поблёскивающие, властно-покорные, властные, влекущие, влюблённые, влюбчивые, внимательные, водянисто-голубые (светлые), водянистые, возбуждённо-блестящие, возбуждённые, возмущённые, волнующие, волы, волчьи, волшебные, воодушевлённые, вопрошительно смотрящие, вопрошающие, воровские, вороватые, воспалённо-набрякшие, воспалённые,

Василий Фёдорович Кузнецов – родился 8 марта 1935 г. в деревне Елизаветино Староюрьевского района Тамбовской области. Полковник в отставке. Ветеран Вооружённых Сил СССР. Награждён орденами «Красной Звезды», «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» и другими правительственными наградами. Член литературного объединения имени Ф. Шкүлёва (г. Видное Московской области). Живёт в Москве.

восторженно-изумлённые, восторженные, восточные, восхитительные, восхищённые, впавшие, впалые, впрозелень, враждебные, вражки, вращающиеся, всевидящие, всё прощающие, всё замечающие, всё понимающие, вспоминающие, вспученные, вспухшие, вспыхнувшие, встревоженные, вульгарные, выжидающие, вызывающие, вызывающе-нескромные, вылупленные, выпуклые, выпученные, выразительные, высокомерные, высматривающие, выстуженные, вытарашенные, выцветшие, вялые, въедливые и т.д.

И на каждую букву алфавита таких определений оказалось не меньше, а то и больше.

А потом я стал записывать короткие предложения о глазах из прочитанного или подслушанного. Вот только несколько из них:

- Правду в глаза лучше всего говорить на ухо.
- Когда людям начинаешь открывать глаза – они закрывают уши.
- Не обязательно гореть на работе, достаточно иногда пускать дым в глаза.
- Посмотри на него новыми глазами.
- У меня глаз-алмаз, зрю в корень.
- От одних глаз можно с ума сойти.
- Фарс – причина пускать пыль в глаза.
- Он чуть не утонул в её глазах.
- Как мне теперь людям в глаза смотреть?
- Его всегда глаза выдавали.
- От людских глаз никуда не скроешься.
- Большие карие глаза проникали в душу.
- Он не знал – куда деть глаза.
- В глазах его светится собачья преданность.
- Мне сразу всё твои глаза сказали.
- От его глаз распространяется сияние.
- Это помогает ему не падать в своих глазах.
- Он смеялся только глазами.
- В глазах его туман.
- Её глаза встретились с моими, но тут же от стыда разбежались в разные

стороны.

- Глаза налились кровью.
- Я прочитал в глазах её укор.
- Озарился восторгом глаза.
- Глаза смеялись в глубине.
- Она всем строит глазки.
- Глаза его светились от счастья.
- Глаза, будто с другого лица украдены.
- И молчит обида в глазах у него.
- У него в глазах не видно боли.
- А глаза говорили лучше, чем любой красноречивый оратор.
- Мы видели глаза, в которых ум искрился.
- Она умела стрелять глазами.
- Нас глаза настолько выдают, что объяснять не надо.
- Глаза выдают его с головой.
- Глаза мёртво застыли.
- Вы всё сказали мне глазами.
- В его глазах угрюмая кручина.
- Но тут же что-то погасло в его глазах.

- Его глаза метали молнии.
- А глаза его говорили совсем другое.
- В его глазах играл природный ум.
- Спрятал глаза под лохматыми бровями.
- Глаза – замечательная вещь. Вроде барометра, всё видно.
- У него глаза – как мутный лёд.
- Читать по глазам начинали задолго до изобретения письменности.
- Язык может скрыть истину, а глаза никогда.
- Мне донесли твои глаза.
- Честные глаза вбок не глядят.
- Глаза твои кричат.
- Свежий глаз точен, хоть небогат.
- Где-то в глубине его глаз прятался страх.
- И глаза его беспрестанно бегали от одного предмета на другой.
- Выдала правда, которая глаза колет.
- Глаза не притворяются, не обманывают.
- И глаза его померкли.
- И это бросалось в глаза.
- У него глаза как рентген.
- В глазах: искринка, хитринка, лукавинка – в правом, уверенность, наглость, лицемерие – в левом.
- В его глазах стояла затравленность.
- Он глазами в глаза вникал.
- По глазам видно – надёжный.

Одним словом, глаза – штука важная. Ими флиртуют, едят, смотрят искоса, стреляют, подмигивают, пожирают. Их закатывают от восторга, строят, прячут. Конечно, в первую очередь ими видят, но многое можно увидеть и по ним самим. По глазам можно судить о характере, натуре человека, его интеллектуальных и умственных возможностях. Многими любителями и специалистами физиогномики подмечены, зафиксированы и опубликованы в различных журналах и газетах эти и другие наблюдения.

Я постарался обобщить, систематизировать наблюдения свои и специалистов физиогномики и отдать их на суд читателей.

Подмечено, что люди, у которых глаза:

– тёмно-голубые – весьма настойчивы, имеют склонность к сентиментальности, легко поддаются настроению, долго помнят обиды, бывают капризны. Иногда их поступки непредсказуемы;

– тёмно-серые – упрямы и смелы, настойчивы и добиваются своего, несмотря на разные трудности, бывают вспыльчивы, злопамятны, ревнивы и большей частью однолюбы;

– светло-карие – застенчивы, склонны к уединению, мечтательны, тяжело переживают нанесённую им обиду. Трудолюбивы, старательны, на них можно положиться;

– тёмно-карие – веселы, остроумны, вспыльчивы, но отходчивы. Влюбчивы, но не очень постоянны. Как правило, общительны, любят юмор, легко сходятся с людьми. Нередко поступают опрометчиво, после чего мучаются раскаяниями;

– синие – легко поддаются порывам, но быстро остывают, эгоисты, хотя обладают романтическими наклонностями. Их положительная черта – правдивость;

– серые или зелёные – наделены сильной волей, решительно и неукоснительно идут к своей цели. Постоянны. Бывают жестоки и несговорчивы.

Характер человека можно определить и по форме глаз:

– Узкие длинные глаза присущи хитрым, умным, сообразительным, не отягощённым моральными принципами.

– Широко раскрытые выпуклые глаза бывают как у людей умных и любознательных, так и не очень умных и инфантильных.

– Миндалевидные большие глаза с пушистыми ресницами характерны для романтиков, которые считают красоту и любовь главными ценностями. В жизни пассивны.

– Глубоко посаженные глаза с тёмными кругами свойственны людям с сильной волей и железным характером. Это глаза одиночек, детективов и фантастиков.

Глаза – важнейший фактор флирта: долгий выразительный взгляд признаётся: «Ты мне нравишься!», пустой – отвергает: «Руки прочь от меня!», часто пересекающиеся взгляды говорят о взаимном интересе, блуждающие глаза выдают тревогу и неуверенность, опущенные ресницы свидетельствуют о скромности и стыдливости.

Итак, теперь вы сможете узнать всё про своих знакомых, только посмотрев им в глаза.

И действительно, глаза как книга – только читай. Но, чтобы уметь читать по глазам, этому надо учиться.

ПОЭЗИЯ

Инна Юрьевна Мухина – по профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг и лауреат многих литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Инна МУХИНА

«И вызрела вера моя...»

***

*Душа не хочет немая идти,
а сказать кому?*

В. Маяковский

Стихи не лгут,
Они идут от сердца,
Освобожденья
Требует душа.
«Труба зовёт»,
Танцую плачет скерцо,
Сквозь слёзы смех,
Чем жизнь не хороша.

***

Переживём удары и потери,
Безумие грядущих чёрных дней,
Жестокое глухое недоверье,
Чтоб стать ещё достойней и сильней.
Переживём полёты и паденья,
Огонь и воду, всё переживём!
И выйдем из огня и нетерпенья
На этом свете. Может быть, на том.

Осеннее

Раскрылись купола
Прозрачной тишины,
Дарованы земле
Листвы летящей свёты.
Кленовый марафон,
Но вместе с ним слышны
Нам звуки,
Обнажённые сонетом.
Классической строфой
Играет палиндром,
И осени синдром
Сменяет лето.
Раскрылись купола
Твердят они о том,
Что Муза
Вдохновенна для поэта.

***

*Однокласснику и другу, следовательно
по особо важным делам Алексею Фонарёву*

Две розы к изголовью,
Такая вот беда.
Иду к тебе с любовью,
И ты любил всегда...
Свеча, сгорая, плачет,
Церковный льётся хор,
Должны бы мы иначе
Продолжить разговор.
Мальчишка – участковый
Стал главным сыскарём,
Гордилась наша школа
Тобою, Фонарёв.
И знала вся округа,
Что был прийти готов
Всегда на помощь другу
Алёшка Фонарёв.
Ты пули не боялся,
И пряталось ворье,
Когда за дело брался
Полковник Фонарёв.
Твоё большое сердце
Рвалось, тебя губя,
Найти, спасти от смерти,
Ну где тут до себя!

Зима придёт порошей,
 Позёмка станет вить,
 И без тебя, Алёша,
 Угрозыск будет жить.
 И без тебя апрели
 Откапают, звеня,
 Как мы осиротели
 С сегодняшнего дня.

Не плачьте

Нас призовут.
 Черту переступая,
 Ложимся, словно
 Птицы, на крыло.
 В часы, когда
 Мы землю покидаем,
 Не греет нас
 Обители тепло.
 Всё шире круг,
 Всё реже крыльев взмахи,
 Призывнее звучит
 Небесный хор.
 Земную боль
 Отбросив, как рубаху,
 Подхватит душу
 Ласковый простор.
 Лиловый свет
 Закатно разольётся
 И поглотит собою
 Плач земной.
 Земле ведь только
 Тело предаётся,
 А душам уготован
 Мир иной.
 Не плачьте ...

Молитва

Дай, Господи,
 Благодать и милость
 Из тайн твоего бытия.
 Дай, Господи,
 Чтобы явилась
 И вызрела вера моя.
 От скверны
 Очисти молитвой,
 Терпеньем...

Твой праведен Крест,
 Мирские
 Преступные битвы
 Пе-ре-ве-ди
 В Благовест.

Иоганн Себастьян Бах. Токката

Моей маме Елене

Просветлённые лица,
 Глаза к небесам,
 Неземные токкаты
 Звучат голоса.
 Я из чаши обид
 Ничего не пролью,
 Нам ниспослано душу
 Очистить свою.
 Нам назначена встреча
 Сегодня с тобой,
 Незнакомый костёл
 И орган, и любовь...

*В день памяти.
 Костёл Св. Юлиа, Прага*

Концерт в Новом Афоне

Фантазия звуков,
 Полёт вдохновенья –
 То музыки страстной
 Нагие движенья.
 В ней пена прибоя,
 Поющие горы,
 Страданья любви,
 Неутешное горе.
 В ней Бах с Мессианом
 Поют аллилуйю,
 И музыка старые
 Камни целует.

Жажда

Бежим от суеты сует,
 От бурь слепых,
 От злых побед,
 И, неустойчивость кляня,
 Всё жаждем праведного дня.

***

Жизнь – река, меняющая русло, –
Снова бросит нас в водоворот,
Чтоб швырнуть на камни в месте узком:
Выдержишь – и дальше понесёт.

Две точки зрения на одиночество
Диптих

1

*Dolor ante lugen*¹

Эта длинная ночь за окнами,
Неужели она не кончится?
Эти мысли длинные-длинные –
Мысли полного одиночества.
Для кого это звёзды радостны?
Для кого это песня слышится?
Для кого эта ночь-безобразница
Поцелуями не надышится?
К чёрту музыку слов затасканных,
Пусть не спят до утра влюблённые.
Неустроенный, необласканный,
Я укроюсь тоской зелёною.

2

О, одиночество!
Я раб твой и слуга.
В твоём кругу
Мне не бывает плохо.
Цветёт ли сад,
Метелит ли пурга,
Я строф ловлю
Серебряные сполохи.
Они летят ко мне
Дождём любви,
Энергиями
Рвущегося света...
Бесценны
Откровения твои,
И я люблю,
Люблю тебя за это.

¹ *Dolor ante lugen* – предрассветная тоска (лат.)

ПРОЗА

Дмитрий ХАРИТО

**Первая поэма,
или Блондин из Бангладеш**

*Вся наша жизнь – это прямая железная дорога.
Слова, приписываемые Графу Толстому*

Отправляясь в железнодорожную поездку, люди обычно преследуют одну из двух целей: либо они хотят уехать куда-то, либо они намереваются уехать откуда-то. И никак иначе. Это ясно как день.

Так я думаю каждый раз, сидя на вокзале в ожидании очередного состава. И наблюдения мои всегда подтверждают эту истину. Среди груди лиц пассажиров можно тотчас и без сомнения понять, кто из них герой, покоритель, а кто всего лишь несчастная жертва.

Для тех, кто отправляется куда-то, совсем неважно, откуда они отбывают: всякое пристанище для них временно, всякая минута жизни – подготовка к чему-то главному. Их мысли, надежды и чаяния устремлены только в неизвестное, зачастую неопределённое, но непременно великое будущее. Редко вы найдёте на их лицах слёзы разлуки; чувство расставания и утраты для них, если не отсутствует вовсе, то столь ничтожно, что о нём не стоит и говорить. В руках у них вы не увидите громоздких чемоданов, разве только маленький скособоченный портфель. Нет рядом с ними и многочисленной свиты сопровождающих.

Совсем об ином думает тот, кто покидает родные сердцу места и отправляется туда, куда он, в общем-то, никогда не поехал бы, но куда ехать непременно должен или даже обязан. Хотя он и старается забрать с собой всё нажитое, его душа и мысли навеки останутся тут. И долго он будет искать любящие глаза, смотрящие вослед давно исчезнувшему в пыли поезду; и вечно он будет чувствовать невозполнимую утрату.

К сожалению, а может быть, наоборот – к счастью (ведь нет за моими плечами мёртвого прошлого, как нет передо мной несбыточного будущего), я не принадлежу ни к тем и не к другим,

Дмитрий Харито – родился ранним утром четвёртого числа летнего месяца сивана 1938 г. от Р.Х. под жарким небом грозного города Бувиля в семье русских эмигрантов. Спустя год в дружной компании этой же семьи отправился в долгое и нескончаемое путешествие по просторам мира. В 1992 г. образумился и нашёл пристанище в хлебном городе Ташкенте, откуда и шлёт всем привет. В партиях не состоит, политикой не интересуется, границ не признаёт. Родиной считает русский язык. Филантроп, гуманист и альтруист. Характер скверный. Не женат.

Живёт в Ташкенте.

хотя разъезжаю на поездах значительно чаще кого бы то ни было, можно даже сказать – непрерывно. С тех пор, как в стране начали широкомасштабную кампанию по укладке железнодорожного полотна, я испробовал каждый маршрут. Вы можете подумать, что я занятой человек, раз вынужден столь часто путешествовать. Это не так. Я давно остался не у дел. Нет у меня и постоянного прибежища. Я бродяга, если вам так угодно. Исколесив всю страну от Заранджа до Балха и от Майманы до Хоста, я всё равно сажусь и еду, всё равно куда – главное, что еду.

Не знаю, какая сила тянет меня в дорогу: то ли мерный стук колёс, под который только и можно забыться, то ли желание куда-то вернуться. Я ведь и родился в поезде. Где-то под Оренбургом. Явился на свет, когда родные просторы навсегда уносились в туманные дали.

Приезжая в очередной город, я неспешно брожу по каким-то диким и всегда чужим, а потому мрачным улочкам, иногда заглядывая в окна мазанок в попытке угадать, чем живут их обитатели. Но чаще, сойдя с помоста, я сразу же направляюсь в какую-нибудь харчевню, где просиживаю в ожидании следующего экспресса несколько часов, а то и всю ночь.

Лишь послышится первый звон, загудят вереницы багажей, я надеваю кепку и устремляюсь в последний, обычно полупустой вагон, где собирается всякий сброд, и куда поэтому не заглядывает строгий глаз контролёра.

И уже вскоре, чинно развалившись на верхотуре покачивающегося вагона, я смотрю в призрачную даль, вспоминая о ещё более призрачном прошлом, и напеваю про себя старую песню:

*Помню Россию так мало.
Помню Россию всегда.
Вокзалы, вокзалы, вокзалы,
Куда-то идут поезда.*

***

— А тебе говорю, Ибрагим, это начало эпохи железных дорог. Ещё лет пять, и ты сможешь добраться на поезде куда угодно.

— Э, нет, Мустафа. Всё это блажь. Суди сам, все прилегающие к нам земли имеют разную ширину колеи. На юге она узкая, на севере широкая, а на востоке ещё шире. Поэтому все эти поезда – плохая идея, пустая трата денег.

— Ну и ездь всю жизнь на ишаке, баранья твоя голова.

— Слушай, ты что такое говоришь... Что ты понимаешь, дурандас ты эдакий?

Теперь такие разговоры слышатся на каждом шагу. Вся страна, кажется, ведёт спор. Вот и сейчас, пробираясь в конец вагона, можно было встретить двух этих инженеров, сидевших почему-то один над другим с подогнутыми ногами, как говорят в одной вечно снежной и не знавшей солнца державе, – по-турецки.

Вот уж верно, кого только не повстречаешь в поездах, каких забавных картин не насмотришься!

Ехал, к примеру, со мной как-то влюблённый пьяница. Я сразу понял, что он влюблён: только влюблённые пьют безмерно. Любовь вообще никого до добра не доводит. А этот всю дорогу только и делал, что пил вино, да восхищался

своей возлюбленной. Восхитившись, он выпивал. А выпив, восхищался ещё более и говорил так: «О, любовь! О, этот яд, искупляющий грех! О, этот грех, исцеляющий любовь!». И только когда он раскрыл свой чемоданчик и принялся готовить из его содержимого «вдову Клико», я понял, как сильна эта любовь и как она трагична.

А как-то я встретил француза! (Только подумать!). И хотя за всё время нашего знакомства он произнёс только два слова: «Извольте подвинуться», да и то с сильнейшим акцентом, я сразу понял, что это француз: только они произносят букву «р» так торжественно и напыщенно, словно хотят вызвать вас на дуэль. На шпагах.

Часто я ехал вместе со смелыми партизанами, часто я ехал с угрюмыми имамами; неоднократно встречал авантюристов, поставивших курс на столицу и жаждущих без всяких на то оснований сделаться там богачами, неоднократно встречал разорившихся торговцев; были моими спутниками счастливые молодожёны, были моими спутницами разбитые горем молодые вдовы. Много лиц становилось моими попутчиками, всякие люди были среди них: умные и простые, весёлые и поникшие, красивые и смерти подобные. Не было только лиц настоящих. Не было до недавнего времени... Пока не расцвели розы.

***

А розы той весной цвели всюду. Розы покупали, розы рисовали, розы обоняли. Но некто, вышедший из-за угла, роз не замечал. Этот некто, в старомодном пальто (хотя солнце уже грело не на шутку) с видом отрешённым и серьёзным, держа обеими руками маленький скособоченный портфель, спешил, заметно волновался. Перейдя дорогу, он вошёл в редакцию крупного литературного журнала.

Толстый редактор, едва уместившись в кресле, устроил трапезу, созвав собратьев по ремеслу. Комнату сотрясал смех – тот самый, восточный, с широко растянутыми масляными губами, опрокидыванием головы, с остервенелым постукиванием ладони о колено, – дым дешёвого табака, запах плова и напрасный трезвон уймы телефонов.

Серьёзный и отрешённый взгляд здесь явно не ждали. Поэтому, когда на стол упала перевязанная стопка исписанных бумаг, образовалась тишина. Любопытные глаза, направленные на вошедшего, вздрогнули от возгласа редактора:

— Что это?

— Поэма, – спокойно, несколько удивлённо, отвечал человек в старом пальто.

Хитро покривив жирным ртом, редактор откинулся.

— А для чего вы её написали? – спросил он менторским тенором после некоторого молчания. – Что нового вы можете дать миру литературы? Чем ваша рукопись лучше сотни вот этих рукописей?

И он указал на кипы бумаг, похоронивших под собой стол. Однако тот, к кому были обращены слова, указанию не повиновался; молча забрав поэму и не закрывая за собой, он вышел вон. Он не был растерян и не был расстроен. Ему понравились цветы, и он растворился в их благоухании.

Высокий, худощавый, несколько сутулый... Но довольно о внешности. Внешность нам ни о чём не скажет. Нынче не XIX и даже не XX столетие, чтобы

живописуя человека, ссылаясь на его внешность. Может быть, походка? Нет, нет. А о чём он пишет, о чём его поэма? – вот, где следовало бы искать душу; если бы каждый человек написал по поэме, вполне сознавая то, что по ней-то и будут судить о нём при первой встрече, тогда бы не было тех бед человечества, глядя на которые, хочется разрыдаться, аки младенец. Не было бы тогда разных глупостей. Часто он сидел так среди пустых влажных стен и думал: «Выходит, у людей нет душ? Иначе бы, зачем они добровольно растрчивали свои жизни на то, что не нужно ни им, ни истории. Нужда? Долг? Привычка? Все осуждают самоубийство физическое. Но почему самоубийство духовное в порядке вещей и даже поощряется? “Меньше думай, меньше чувствуй, но больше работай”, – вот так должен мыслить человек, только так его считают здравомыслящим, только так он может выжить. Как, должно быть, несчастны эти люди, у которых забрали их души – те самые души, которые даются только при рождении, а затем отмирают за ненадобностью, как лишний груз, позорный балласт, мешающий встроиться в общее русло жизни. Выпади из этого русла – и ты отшельник, кем-то презираемый, кем-то незамеченный, а кем-то и вовсе осуждённый».

Таким отшельником и был он, написавший поэму. Настоящий аскет, в целомудрии с которым не сможет соперничать даже монах. Двадцать лет неустанного служения искусству. Детская мечта, обращённая в извечную цель – стать поэтом. И бесконечная работа над первой и пока что единственной поэмой: постоянные переписывания, изменения сюжета, вычёркивания целых глав и страниц из-за одной неудачной рифмы, неоднократные уничтожения и воссоздания, бессонные ночи, безвылазная жизнь в какой-то каморке.

В молодости он ещё пытался совместить несовместимое, устраивался на службу, чтобы хоть как-то обеспечить своё существование. Но каждый раз перед ним вставал вопрос: стать плохим работником и отказаться от мечты, или сохранить её, но жить впроголодь. Прежде чем остановить свой выбор на втором, он скопил немного денег на будущее и ушёл туда, где «и трус, и голод, и пожар».

Вся жизнь – подготовка к тому легендарному дню, когда о его поэме узнает мир. И вот этот день настал, взметнулся, чиркнул и, как испорченная спичка, развалился.

***

В тот день, отправляясь в очередной бесцельный путь Кабул – Герат, я занял своё привычное место на верхней перекладине и загрузил. Почему загрузил? – пустяки. Отделение на этот раз оказалось уж совершенно пустым. Я, конечно, люблю одиночество, но в тот яркий весенний день мне почему-то вздумалось послушать чью-нибудь болтовню, а время стоянки поезда неуклонно подходило к концу.

Я раскрыл оконце и, вдыхая тёплую прохладу (жители северных стран никогда не поймут, что такое тёплая прохлада), уставился на смрадный перрон, ожидая, что обязательно какой-нибудь опаздывающий растяпа вот-вот взбежит на подножку.

У соседнего вагона закрутилась странная семейная пара: высокая краснощёкая кокотка (какая безобразная страусиная неуклюжесть!) в нарядном платье и ее чахоточный муж, которого она, судя по всему, провожала в

санаторий. Усадив его в вагон, дама, не медля ни минуты и даже не дожидаясь, пока тронется поезд, скорыми шагами умчалась, причём совсем не той дорогой, откуда они пришли сюда с мужем. Верно, торопилась домой, к детям.

Пока я был увлечён этой картиной, передо мной показался мой запоздавший спутник. Взглянув на него, я изумился. Весь, с ног до головы, он был усыпан лепестками роз, а голову венчал лавровый венок. Я сразу понял, что передо мной поэт: только у поэтов такой грустный, но в то же время светлый взгляд. Войдя – с цветами на груди, на голове, в руках, – он сел на нижнюю полку и поставил на столик золотую лиру. Облезлый вагончик мигом налился радугой.

О, предвижу, предвижу колкие ухмылки тех, кто никогда не жил на чужбине, а потому не знает радости встреч с соотечественником! Вы счастливые люди, и нет вам порицания.

Лири вздрогнула, покачнулась, а за окном под хриплый гул поплыли столбы, люди, телеги, поехали дома, торговцы, пробежала высокая краснощёкая дама со страусиными ногами, целуя на ходу какого-то свинтуса, и всё наконец опрокинулось в жёлтую, пустынную бездну.

– Стало быть, вы русский? – спросил я своего визави, прыгнув вниз.

Поэт лениво отвёл мечтательный взгляд от окна.

– Стало быть.

– Да... Русские нынче не в моде, – пошутил я.

Поэт слегка улыбнулся, но улыбкой до того печальной что в его глазах, казалось, отразилась слеза.

– И вы, конечно же, поэт?

– Можете в этом не сомневаться, – ответил поэт, подняв указательный палец, и снова устремил взгляд за горизонт. (Читатель сейчас наверняка завидует моей пронизательности).

– А где вы живёте? И куда направляетесь?

– Вот уже много лет я живу в славном городе Герат, – тягуче, не отвлекаясь от удручающей панорамы, объяснял он. – А сегодня я приезжал в столичную редакцию, чтобы показать там свою поэму.

Пока он так говорил, я пытался найти взглядом среди его пожитков ножку жареной курицы, которую подбавит брать с собой в путь всем путешественникам, или варёную картошку, или, на худой конец, каких-нибудь фруктов. Но – увы! – ничего этого у него не было.

– Вы говорите, поэму? В какой газете напечатают вашу поэму? Я прочту, обещаю вам!

– Её нигде не напечатают, – тихо отозвался поэт, опуская глаза.

– Не приняли? Что, плохо написана? А дайте почитать!

– Я трудился над ней двадцать лет. Не думаю, чтобы она была плохо написана. Но, уверяю вас, её никто никогда не прочтёт. Это обещаю вам я.

Мне хотелось закидать его сотней вопросов, но я никак не мог совладеть с этой сотней. Чтобы выказать крайнее недоумение, я взъерошил волосы. К счастью, поэт продолжал сам.

– Если вы хотите погубить человека, задайте ему всего один вопрос в одно-единственное слово: зачем? – как-то туманно проговорил он.

– Простите?

– До чего же всё пошло! – воскликнул он. И рассказал о своём сегодняшнем дне.

Окончив рассказ, поэт сорвал с головы венок и бросил его в раскрытое оконце.

– Уверяю, если бы меня спросили, зачем я живу, я бы и тогда не смог ничего ответить, – сказал он.

– Но вы даже не дали им прочесть вашу поэму?!

Поэт молчал.

– Может быть, вы давали её читать друзьям, родным?

Поэт молча смотрел на выжженные холмы.

Я встал, прошёлся, сел.

– Дайте мне её, – сказал я, протягивая руку.

Поэт посмотрел на меня с безнадёжной укоризной.

– Но ведь вы можете хотя бы рассказать, о чём она?

– Пожалуй, – ответил он, поразмыслив. – Это можно.

– Вот и отлично! – хлопнул я в ладоши. – Так о чём она?

Голосом вкрадчивым и несколько задумчивым поэт начал:

– В южной части римской площади Пьяццо-де-Спанья...

– А вы бывали в Риме? – перебил его я.

Поэт взглянул на меня как-то снисходительно.

– Не бывал. Поэту и не нужно никуда ехать, чтобы о чём-то написать.

У него есть воображение, которое куда правдивее, чем сама действительность.

Тут он тронул золотую лиру, и из неё засочилась звонкая, почему-то органная, музыка. Я сразу узнал в ней знаменитое адажио Баха. Стук колёс исчез, пропал и жгучий песок за окнами вагона. Случился ли со мной солнечный удар, но только под блистающим небом стали различаться белёдые мраморные фигуры, древние изваяния, и свежее дыхание ветра наполнило всё волнующим весенним очарованием.

Поэт начал свою историю.

***

В южной части римской площади Пьяццо-де-Спанья каждый день в одно и то же время – время предзакатного часа, когда в окрестности становится вдруг безлюдно и необыкновенно тихо, – появляется блондин с пышным букетом красных роз. Он неспешно пересекает широкое, залитое тёплым солнцем и сладким запахом цветущих акаций, пространство, минует причудливый фонтан Баркаччо, после чего медленно поднимается по величественной лестнице. Задумчиво преодолев 138 ступеней, блондин становится у грандиозной барочной балюстрады и устремляет взор в какую-то только ему ведомую даль. Он всегда молчит и никому не предлагает своих цветов. Так он стоит до самого заката, словно статуя.

Каждый, кто хоть раз бывал на Испанской лестнице, вероятно, видел издали этого блондина. Но далеко не каждый знает, что это вовсе не блондин, а седой, довольно-таки древний старик, хотя и моложавый с виду. Старик этот родом из далёкой страны Бангладеш.

Когда в тех краях произошёл страшный голод, прозванный в народе великим, он, молодой шестнадцатилетний бенгальский крестьянин, эмигрировал вместе с братьями в уже капитулировавшую Италию. Там, недалеко от Рима, в местечке Лацио, им удалось устроиться рабочими в морском порту.

Однажды в один из первых послевоенных вечеров блондин, а тогда ещё брюнет, прогуливаясь по мраморным ступеням Испанской лестницы, сквозь лучи заходящего солнца увидел на самой вершине холма Пинчо, прямо под

мраморными стенами церкви Тринита-деи-Монти, прелестный образ юной сицилийки. В белом платье, куда-то воспарённая, едва уловимая, чуть ли не богоявленная, взором повергающим, но воскрешающим, смотрела она на него из-под эфирных сводов заоблачного бельведера. И взор её был одинок. Не раздумывая, блондин купил самый пышный букет красных роз, в мгновение взбежал по ступеням, опустился перед ней на колени и, склонив голову, возложил цветы к её ногам. То была Роза – его будущая супруга. Спускались они по лестнице уже вместе, взявшись за руки. И никогда, никогда не разлучались.

Несколько лет назад Розы не стало. Когда она умерла, старик впал в необузданное отчаяние, все думали, что он не переживёт этого: голова его покрылась ослепительной сединой, на лице обозначилась вечная маска скорби. Но он выстоял, чтобы последние дни жизни посвятить памяти любимой супруги. В знак этого он высадил в своём саду пышные красные розы – её любимые цветы, – за которыми ухаживал с таким самозабвением, будто это могло вернуть его извечную возлюбленную. А весной срезал самый роскошный букет. С этим букетом вдовец отправился к церкви на холме Пинчо. Долго и осторожно, точно хрусталь, нёс он цветы. Во всём мире у блондина не осталось ни одной родной души, ни одной ниточки, связывающей его с этим миром. Только этот букет – единственное оправдание его нынешней жизни. Оттого всю дорогу ему казалось, что прохожие смотрят на него с самым искренним участием. И тогда, дойдя до Испанской лестницы, стал он обращаться к людям, лелея свой букет и с улыбкой, полной хрупкой элегии, говоря:

– Смотрите, какие розы! Прекрасные, не правда ли?

Но люди оказались равнодушны. Кто-то не замечал старика, кто-то мимоходом откупался усмешкой. А некий важный синьор и вовсе принял его за торговца и резко одёрнул, не успев тот ещё вымолвить и слова:

– Думаешь, твой букет лучше, чем у той сотни цветочников, рассеявшихся на ступенях? Ишь ты! Если бы мне были нужны твои цветы, я бы сам подошёл к тебе!

Улыбка – единственная улыбка, возникшая на измученном лице старика за всё время после смерти супруги – покинула его навсегда. Он опустил розы; он отошёл к белой балюстраде и долго смотрел прочь, а потом, когда уже стемнело, ушёл.

Вероятно, в тот день старик зарёкся никогда ни с кем не разговаривать, ибо никто не слышал более его голоса. И всё же по сей день, в час безлюдной и сонной предзакатной поры, можно видеть, как в южной части римской площади Пьяццо-де-Спанья появляется неприкаянный блондин с пышным букетом красных роз, как незримо следует он к дивному фонтанчику Баркачча, чтобы оттуда, преодолев 138 широких ступени, отдать дань памяти своей супруге, молодости и тому незабвенному дню, когда он поднялся на этот холм впервые, держа в руках, как и теперь, пышный букет красных роз.

***

Когда я проводил взглядом блондина с красными розами, поэт уже стоял. Стоял и поезд. Под окном слышался привокзальный гул, кричали торгаши, блеяли козы. Небо подёрнулось серой краской.

– Мне пора, – сказал поэт.

- Уже?
- Уже. Герат.
- Куда же вы теперь?
- Этого я не знаю. Не всё ли равно?

Мне не хотелось его отпускать. Но я не мог найти предлога, чтобы задержать его.

– Прощайте! – крикнул он и ушёл.

Вагон вновь показался до безобразия грязным. Из соседнего отделения доносился мерзкий хохот. Тревожные мысли вкрались в мою голову, и вдруг захотелось куда-то бежать, кого-то звать, я даже вышел из вагона, но ничего, кроме однообразной толпы, не увидел.

Стоя там, среди бушующей вечерней весны, глядя на высокую арбу, на женщину в чёрной чадре, слушая некрасивую, грубую, но теперь уже такую привычную речь, я всё думал. Думал о себе, о поэте. О том, сколько же лет своей жизни, вероятно до самых последних её дней, мы ещё будем видеть эти чужие пейзажи, эти чужие лица, не в состоянии понять что-то важное, не имея никакого объяснения, за что же мы всё-таки были приговорены к этому.

По противоположным путям скоро пройдёт состав на север, в сторону Мазари-Шариф. Тут частое движение. Длинные вертушки, чуть ли не в сотню вагонов, круглосуточно водят хоромы. Я столько раз, проезжая по здешним местам, смотрел на гружённые щебнем и прочими пустяками хопперы, и каждый раз овладевала мной заманчивая мысль: укрывшись в них, добраться до распутия, после – дойти до Хейратана, а оттуда уж как броситься через Амударью вплавь, чтобы сесть на первую же попутку и ехать, ехать, ехать туда, где был когда-то отчий дом. А, впрочем... зачем? Теперь там лишь зола, да слой дорожной пыли. И места там нет. А пыль – она и тут.

Дальше поезд следует на юг. Я возвращаюсь в своё отделение. И уже вскоре, чинно развалившись на верхотуре покачивающегося вагона, смотрю в мглистую даль, думая о ещё более мглистом будущем, и напеваю про себя старую песню:

*Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
Только жёлтая заря,
Только звёзды ледяные,
Только миллионы лет...*

ПОЭЗИЯ

Рубен САРКИСОВ

Рубен Семёнович Саркисов – родился 24 декабря 1960 года. С 1978 по 1984 год обучался в Московском Авиационном Институте, факультет – «Двигательные установки летательных аппаратов». По окончании института работал на предприятиях авиационной промышленности. С 1986 по 1988 год проходил службу в рядах Вооружённых сил СССР. В апреле 2014 года стал членом сообщества «Муза и лира», которым руководит Валентин Николаевич Суховский. Печатался в журналах: «Великороссъ», «Антология русской народной поэзии»; альманахе «Яснополянские Зори». Лауреат литературного конкурса «Любви все возрасты покорны».

Живёт в Москве.

«И вновь хочу дышать и жить...»

Осенняя любовь

Иду походкою неспешной
По жёлтым листьям сентября.
Я пленник страсти безутешной,
Которой я поддался зря.

Любовь – обуза в эти годы
И в тягость страсти непокой.
Приносит осенью невзгоды
Всё, что так сладостно весной.

Кто сеет осенью холодной,
Лишь зарывает в землю труд.
Ведь чувства в старости бесплодной
Одни проблемы нам несут.

Но я не смог при всём старании
Огонь любовный потушить.
И вновь прошу я о свидании,
И вновь хочу дышать и жить.

***

Любовь – божественное чувство,
Что окрыляет нам сердца.
Кто не познал её безумство,
Тот жизнь испил не до конца.

Осенний романс

Листья жёлтые землю покрыли.
Мелкий дождь день-деньской моросит.
Кости вроде ещё не заныли,
Но стремленье к тебе уже спит.

Видно, час мой осенний приходит.
Холод в душу дорогу нашёл.
И сонет о любви не выходит.
Он бесстрастен немного и квёл,

От ошибок своих бесконечных
И от грёз многолетних устал,
Струн твоих не затронул сердечных
И твоею судьбой я не стал.

Никого в том винить не могу я,
Сам, увы, я любовь упустил.
И лениво всё так же живу я,
Как всегда и работал и жил.

Только рядом с тобою как прежде
Ощуцаю я сердце в груди,
Помню я о любви и надежде,
И мерещится свет впереди.

Ну а дождь моросит непрестанно,
Оголяются ветви берёз.
Видеть это немножечко странно
Сквозь туман давних розовых грёз.

Душа России

Бессмертна Русь, в духовной силе
В ней мощь, величье, глубина,
Как бы ей душу ни темнили,
Осталась светлою она.

В дыму и смраде перестроек
Взрастают витязи у нас,
Наш воин духом чист и стоек,
Когда пробьёт суровый час.

Врагам не хватит грязи чёрной,
Чтоб до конца замазать свет,
Не хватит лжи поганой вздорной,
Что враг скопил за много лет.

Почти не липнет грязь к России,
Её душа светла как встарь.
Пускай беснуются витии,
Русь защитит Небесный Царь!

ПОЭЗИЯ

Эдуард ХАНДЮКОВ

Эдуард Валентинович Хандюков – родился в 1940 г. в Приазовье, в городе Мариуполе. Член Союза писателей России. Секретарь правления Московской областной организации СП России, старший контрольный редактор журнала «Поэзия». Окончил Ленинградское Высшее инженерное морское училище и Московское Высшее художественно-промышленное училище (б. Строгановку). Действительный член Академии медико-технических наук. Лауреат премии имени А.Л. Чижевского за разработку средств и методов психофизиологической реабилитации и лечения участников природных и техногенных катастроф. Имеет общественные награды.

Живёт в Москве.

«Не дай мне пережить свою любовь...»

Ангелу-хранителю

Чтоб замолить греховные ошибки,
Пусть мне не хватит даже жизни всей.
Лиши меня воспоминаний зыбких,
Не дай мне пережить своих друзей.

Не дай увидеть хаос запустенья,
Когда пойму, что жизнь мне не мила,
Не дай увидеть смерть стихотворенья,
Не дай мне пережить свои дела.

Пусть не дано найти Твою обитель,
Пусть в поисках душа избита в кровь,
Но всё ж прошу, судьбы моей Хранитель:
– Не дай мне пережить свою любовь.

Молитва

Молитва сердца – спелой вишней
Упала в неземную реку...
И этот всплеск едва был слышен
И ангелу и человеку.
Купаясь в золоте заката,
Плывут слова, слова молитвы, –
О нескончаемых утратах, –
Ушедших с миром и убитых...

Повенчанных и обручённых
Со смертью в храме Расставанья –
О, сколько их, ожесточённых,
Ушло без слёз, без покаянья?!

Но даже их – простит Всевышний,
И станут небылью невзгоды...
И вишнями падут чуть слышно
Молитвы в неземные воды.

***

Ужели не на тех дрожжах
Всходила молодость страны?
Ужели не при тех вождах
Нет мира без войны?

Ужель, ужель... Сомнений воз, –
Из века в век – транзит...
Меня, наш верный паровоз,
В Коммуну отвези.

Чтоб не слышать, чтоб не видеть
Болтливых, лживых рож,
Чтоб был, как говорила мать,
Сам на себя похож.

Чтоб, даже жизни на краю,
Жить правдой, быть в чести.
Как драгоценность, жизнь свою
Держать в своей горсти.

На краю

*Молчи душа, ни слова, ни полслова,
Молчи душа, коль сердце не готово
Понять разлуку и принять её...*

Автор неизвестен

Бестолковая мошкара
Бьётся в стёкла ночных фонарей...
Всем, что было меж нами вчера,
На прощанье меня обогрей!
На осеннем трепещет ветру
Поражения белый флаг...
Я забудусь, коль в сердце сотру
Расставанья прилипчивый страх.

На краю мировых стихий
Горечь слов не вмещает тетрадь...
Что ж так больно писать стихи,
А, тем более, – не писать!

Студят сердце разлуки ветра,
Но не стал мир ни злей, ни добрей...
Очарованная мошкара
Всё летит на огонь фонарей...

Баный день

От земли не требую награды,
От берёз не требую чудес.
И вообще мне ничего не надо, –
Я иду полями в дальний лес.

Позабуду этой жизни прозу,
И друзьям стараясь услужить,
 Попрошу красавицу-берёзу
Веники для бани одолжить...

Семь потов собьёт моё похмелье,
И тоска развеется в пару...
И легко душе, как в новоселье,
Вместе с телом чистым на миру.

Чужие

Мы здесь непрошеные гости,
Но каждый мнит себя царём.
Здесь после нас – земля в коросте,
Отравлен каждый водоём...

И мы угрюмо привечаем
В бетонных джунглях
жизнь, как смерть...
Мы приучили даже чаек
На свалках городских жиреть.

Мы – инородцы, иноверцы
Для всякой мошки и цветка...
Открытое лишь миру сердце
Полёт отметит мотылька...

Поют лягушки на болоте,
Поют в сиренях соловьи...
Ужели матери-природе,
Чужие – мы, они – свои?!

Сонет Бахчисараю

Неусыпны евнухи твои,
Голосисты, – славящие Бога...
Книгу Алишера Навои
Не отыщешь в хижине убогой.

Золотые кружева орды,
Ароматы бахчевого рая...
Золото исламские звезды
Вкраплено в глазурь Бахчисарая...

Море плещет, галькою шурша,
В зное затаилось всё живое...
Лишь сверкают лезвием ножа
Скрытые глаза под паранджой.

Чтоб не поплатится головой,
Этот край покинул предок мой.

***

Уходи, не возвращайся.
Хочешь – уходи.
Я желаю тебе счастья
На твоём пути.

Я желаю тебе счастья,
Светлых грёз и снов.
Безусловного участия
Верных дел и слов.

Пожелай и мне удачи,
Даже не любя,
Чтоб решилась беда –
Разлюбить тебя.

***

Год, как снег, сойдёт на нет
По законам календарным...
Гениальным и бездарным
Снеговик пошлёт привет.

И в морозы, и в метель
Обольстит надеждой счастья,
Сам же сгинет в одночасье
Под весеннюю капель.

***

Можешь быть беспечно молодым,
Можешь быть спасителем, пророком,
И в делах, как будто ненароком,
Можешь быть и грешным и святым.

Можешь лес закатом золотить,
Тихим словом камень перерубишь.
Только лишь, которую ты любишь,
Ни вернуть не в силах, ни забыть.

Глаза коровы

Весна, а снега по колено,
И реки спят медвежьим сном.
Не предвещает перемены
Полей унылых окоём.

Ещё тверды зимы покровы,
Тихи леса среди белизны,
Но выдают приход весны
Весёлые глаза коровы.

Черновщина

Свет чёрного Солнца, свет чёрной Луны,
И чёрная жизнь, словно чёрные сны...
У Чёрного моря черны берега,
И друг поседевший – чернее врага.

Где небо, обвитое чёрным плющом,
Там духа обитель – под чёрным плащом...
Там чёрные норы прозревших кротов...
Там чёрные дыры дымящихся ртов...

Там – кривда темнее, чернее враньё...
Над паханым полем кружит вороньё,
И бледный Малевич у чёрной межи
Зачах над квадратом мазутной души.

В квадратном колодце чернеет вода, –
У чёрного сруба черна лебеда...
И чёрные звёзды в сто тысяч карат
В квадрате вселенском угрюмо горят...

Верность

«Увы, отпуск быстро заканчивается, как и всё хорошее», – думал Андрей, стоя на причале. Уезжать из города, где родился и вырос, не хотелось, и настроение было унылое. Тут и друзья, и родня. А в областном центре до сих пор одиноко и холодно.

И словно дразня его, в лучах солнца синела и играла пенистыми барашками волн река. Его дядя как-то рассказывал, что в юности переплывал Волгу, но раньше она узкая была, а сейчас разлилась. Водная синь заполняла перед глазами всё пространство и, подобно летнему небу, уходила вдаль, постепенно сгущаясь, сливалась с узкой полоской зелени другого берега, превращаясь в бирюзу неба. Ветер гнал волны. Курчавясь и вздымаясь, они докатывались до бетонного причала и, ударяясь о него, на мгновение словно застывали, а затем, разбиваясь о бетон, уходили веером в глубину, исчезая в её прибрежной темноте. Солнце, зависнув в небе, проникало своими лучами в синеву воды, просвечивая все её пласты, и играло, ослепляя серебристыми бликами. Река дышала влажным ароматом и теплом.

– Не хочется уезжать?

Рядом стоял Иван Иванович, дядя Ваня, бывший боцман.

– Не хочется, – виновато поджал губы Андрей.

Сколько он помнил этот причал, столько же и дядю Ваню. Он швартовщик. Когда причаливают теплоходы, он ловит швартовые тросы и наматывает на кнехты – это две сваренные вместе металлические трубы с чугунным козырьком. Действует бывший боцман не спеша, придавая своему нехитрому делу значимость важного обычая. Любимое его высказывание при этом: «Надёжная швартовка – безопасная посадка пассажиров». На всех судах дядю Ваню знают, постоянно привозят ему гостинцы. В августе везут из Астрахани арбузы. Из Углича – знаменитые сыры. Словом, без подарков он не остаётся. Но и сам отвечает благодарностью. Его

Сергей Владимирович Петров – родился 1 апреля 1960 г. По специальности юрист. Литературным творчеством занимается с 2010 г. Печатался в журналах «Юность», «Аврора», «Невский альманах», «Сибирские огни», «День и ночь», «Новый свет» (Канада), «Чешская звезда» (Чехия) и др. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

брат – пасечник, и мёдом снабжается всё пароходство. Ходит швартовый вперевалку. Кряжистый, с выпуклым лбом, крупными чертами лица и глубокими складками от носа к подбородку. Седые волосы и пронизательные глаза придают его облику спокойствие уверенного в себе человека. Вот и сейчас, склонив голову набок, он с мягкой пытливостью смотрит на Андрея.

– Да, всё забываю спросить, – прервал затянувшееся молчание Андрей. – Куда делась Альма? Помнишь её?

Взгляд швартовщика потемнел, но отвечать он не торопился.

– Дядь Вань, тебя Владимир Иванович кличет! – раздался звонкий женский голос из двери кассы.

– Начальство зовёт... – вдруг засуетился дядя Ваня и добавил: – Вернусь, скажу, а ты пока чайку глотни в «Берёзке». До парохода ещё уйма времени. Расскажу.

Через пять минут Андрей неторопливо, мелкими глотками пил безвкусный чай в кафе у причала. Годы шли, а в этой забегаловке ничего не менялось. Так же неприглядно. Несколько столов с засаленными липкими клеёнками. Синие стены отливали пестротой накопившейся за годы серой пыли. Были в этом уныние и какая-то безысходность.

Вот в такой же день, несколько лет назад, он пил такой же безвкусный чай в этом же кафе, мысленно прокручивая свой последний разговор с шефом. Главный редактор их газеты Геннадий Иванович был человеком абсолютно непредставительного вида. Маленький, с пухлым лицом и носом картошкой. А лысина довершала не номенклатурный – по чиновничьим стандартам – вид руководителя. Это он понимал и сам, что заставляло его с ещё большим упорством держаться за своё кресло. Было за что – должность давала ему многое, о чём знали все подчинённые.

Андрей сидел в просторном кабинете, косился на зелёную, раздражающую его своим цветом, настольную лампу на столе, с такой же зелёной обивкой. Затем перевёл взгляд на неработающий телевизор с экраном, покрытым слоем пыли. На подоконнике выстроились шеренгой кактусы. Шеф любил их выращивать. Иногда подчинённый даже этим пользовался, от разговоров о кактусах начальник заметно добрел, что Андрею и требовалось.

– В Манашах открывается новый телятник. Срочно туда. Нужна заметка, толковая, с огоньком и конкретикой, – наставительно озадачил Геннадий Иванович и постучал карандашом по столу.

Андрей вяло кивнул. Заметка так заметка. Плохо, что посёлок расположен на другом берегу Волги, и придётся полчаса потратить на переправу. Но раз надо, так надо.

Парень уныло смотрел на шефа. Ворот рубашки у того был расстёгнут и обнажал в вырезе ворота дряблую шею.

Главный редактор поймал взгляд подчинённого и насупился.

Андрей поёжился и перевёл взгляд на окна. Занавески на окне шевелились, время от времени затрепетав, взлетали кверху от дуновения ветра.

Нахмутив брови, шеф многозначительно отчеканил: «Приедешь, будет серьёзный разговор. Давно назрел».

Геннадий Иванович, моргая глазами, раздумывал, что ещё сказать, но затем, ничего не придумав, мотнул головой и махнул ладонью, давая понять, что Андрей свободен.

Андрей тоже кивнул и вышел, почти шаркая ногами.

О чём намечается разговор, было понятно. Главный редактор, сначала осторожно, а затем всё резче, сетовал, что заметки у Андрея стали скучными и блёклыми. Он и сам понимал это, но ничего не мог поделать. Да и о чём писать? Как в очередной раз ПТУшники подрались на дискотеке с местными? Или как у тёти Дуни украли поросёнка, а участковый найти воришек не может и только конфискованный самогон пьёт?

«Хорошо быть вольным писателем, – вздыхал парень. – Пишешь, к чему душа лежит. А при обяэаловке строчишь, что требует главный редактор. О каком полёте мысли и подъёме души может идти речь? Творчество сводится к ремеслу, к кропанию текстов из казённых фраз, идущих не от души, а по газетным трафаретам. Начатый роман лежит на прерванной странице. Вот так, в рутине, гибнет во мне писательский талант. Вот работал бы в областной газете, там размах, свобода мысли!»

Перекуриив, Андрей пошёл в приёмную.

Вертлявенькая, с птичьим лицом, в конопушках, секретарша Люська долго выписывала командировочное удостоверение и пытливо поглядывала на Андрея. Парень давно ей нравился. А в девках она засиделась. Худоват, правда. Но зато правильные черты лица. В сочетании с бледностью и чувственными тонкими губами – вообще аристократ. А густые, зачёсанные набок чёрные волосы и выразительные глаза делали его неотразимым. Но, похоже, корреспондент не хотел её замечать.

В улочке, ведущей к причалу, теснились брошенные дома. Андрей поглядывал на тянущиеся рядкой серые приплюснутые домишки с унылыми тёмными глазницами окон, осевшими крышами и покосившимися серыми заборами, проглядывающими сквозь высокий бурьян, и ему казалось, что безнадежность поглощает его. Сгорбившись, засунув руки в карманы, он почти бегом вышел из города, и вот за поворотом открылась сверкающая в лучах солнца синь Волги. Стало повеселее. Поглядывая на реку, он размышлял.

Конечно, работа в редакции имела свои преимущества. Кроме гонораров за статьи, перепалили и дары от благодарных руководителей всяческих контор и организаций. После репортажей каждый корреспондент что-нибудь приносил. С птицефабрики – яйца, с маслозавода – сыры и масло, с фермы – молоко и сметану... Словом, с пустыми руками из командировок не возвращались. По законам гостеприимства и в знак признательности здесь считалось нормальным одаривать представителей местной прессы плодами своего труда, а корреспонденты и не отказывались. Но на этом все преимущества заканчивались.

Неожиданно на дороге, почти перед ним, неуклюже выбежал ёж, но, заметив человека, фыркнул и свернулся в колючий клубок.

Сразу вспомнился рассказ редакционного водителя, что по дороге в область часто попадают на пути раздавленные ежи. Они, конечно, видят движущийся на них автомобиль и понимают опасность, но, автоматически, защищаясь, угрожающе сворачиваются в клубок. В лесу это их спасает. Звери, уколотившись, уходят. А вот машина давит. Жаль их, тоже ведь живые.

Вздыхнув, Андрей ускорил шаг.

С утра людей на причале было немного.

– Прессе нижайший поклон, – расплылся в улыбке швартовщик дядя Ваня. – Опять за репортажем?

Андрей кивнул.

Солнце стояло в зените и нещадно палило. Его лучи отражались от водной глади и слепили бликами, а горячий воздух, загустев над землёй, дышал безмолвием.

Рядом появилась овчарка, приземистая, чёрного окраса, крепкого сложения, с подпалинами под ушами и большими умными тёмно-кариими глазами.

«Наверное, дядя Ваня завёл, чтобы не скучно было», – подумал Андрей и спросил:

– Твоя?

– Брошенная, – последовал ответ.

Парень приподнял недоуменно брови, зная, что швартовщик не допускал бродячих животных на причале – для порядка и соблюдения санитарии.

– Как так? – удивлённо спросил Андрей.

– Она уже, почитай, тут полгода, – не спеша вымолвил бывший боцман, закуривая папиросу. – Была посадка на пароход в сторону Астрахани, как всегда, толкотня, шум-гам, будто их не подождут, чай, не на пять минут пристаёт. А один пассажир не торопился. Молодой, интеллигентный такой, в очках. Пропускал всех, потому что был с собакой. Увы, на неё не оказалось какого-то документа, справки, что ли, от ветеринара? Парень объяснял, уговаривал. Бесплезно. Тогда он обнял пса, снял ошейник, выпустил на волю, а сам поднялся по трапу. Собака, решив, что её выпустили погулять, стала довольная носиться по причалу, а вернувшись на место, застыла: трап уже убрали. Не понимая, стала крутиться, лаять, мол, куда ты без меня. А с парохода хозяин кричит: «Я вернусь!» Псина ещё больше заметалась, и вдруг возьми и перепрыгни через ограждения в воду! Я обомлел. На теплоходе тоже раздались испуганные крики. Но собака упорно поплыла за судном. Однако того не понимала, что куда ей угнаться! Я поначалу растерялся. Но затем кликнул рыбаков. Петька – он молодец, быстро прыг в лодку, завёл мотор и настиг пса. А то бы псина устала и утопла. Собака дрожала, словно в истерике. И грустно так смотрела. О чём она думала тогда, кто знает? Может быть, опасалась за хозяина: как он там без неё, один?

Дядя Ваня, побряхтев, достал вторую папиросу, помял пальцами и, закурив, продолжил:

– Думаю, куда же её деть? Хозяин возвратнётся, небось, со дня на день. Обещал ведь. Все слышали. Решил, хотя не в моих правилах, пусть в порядке исключения поживёт тут. Вызвал ветеринаров. Осмотрели. Вроде всё нормально. Соорудил лежачок. Но не только я стал ждать хозяина, и она. Ежедневно – и в снег, и в дождь – выходила каждый теплоход встречать. Подойдёт к трапу и смотрит. Так уже полгода.

Андрей взглянул пристальней на собаку.

– Как её зовут?

– Настоящее имя ведомо только хозяину. Я прозвал Альмой.

– А на людей не скалится?

– Нет, она добрая, и поразительно любит детей. Раз даже залаяла на одну бабу. Та шлёпнула сынишку по попе. Баба сначала перепугалась, а поняв, конфетой псине расщедрилась.

Помолчали.

– Всё бы ничего, но по ночам часто воет.

– Почему?

Швартовщик посмотрел отрешённо.

– Собаки с горя не плачут, они воют, – глухо ответил бывший боцман и закончил: – К счастью, они не умеют разговаривать. Пожалуй, это главная причина, по которой люди считают их настоящими друзьями.

Уже причаливал теплоход. Люди раньше времени сгрудились на палубе, готовясь к высадке. Началась толкотня и перебранка. Андрей хмыкнул: порой впереди стоящий человек – помеха тебе, и поэтому становится хуже врага.

Едва подали трап, собака действительно приблизилась и, остановившись на безопасном от людей расстоянии, села, глядя с тоскливым ожиданием. Когда сошёл последний пассажир, отошла в сторону, легла, растянувшись во весь свой рост и откинув хвост. Затем положила морду на лапы и замерла.

Спустя минуту Андрей стоял на палубе теплохода. Перегнувшись через перила, ковырял спичкой в зубах. По небу уже шли облака, и солнце в их просветах озаряло лучами водные просторы. Река покрылась рябью. Мимо плавно тянулся берег, то утопающий в нескончаемой зелени лесных массивов, то сменяющийся полосами обрывистого берега с пластами красно-коричневой глины. А по воде на линии тени от теплохода выступал силуэт Андрея. Мысли текли медленно. История об Альме не давала покоя.

В детстве у Андрея была собака, маленький щенок, чёрненький, а на лбу два белых пятнышка. Дядя принёс. Мать сразу запричитала, что за ним нужен уход. Но это маленькое существо так Андрею понравилось, что он заявил: возьмёт заботы и хлопоты на себя. Видимо, глазёнки сына так умоляюще смотрели, что мать согласилась. Он смастерил лежанку и регулярно кормил щенка. Щенок был потешный. Спал, чмокая во сне, и подёргивал лапками. Просыпаясь, любил с наслаждением потянуться и широко зевнуть. Прозвали его Шариком. Утром щенок будил Андрея – подойдя к кровати, начинал лизать ему нос, мол, я встал и тебе пора. Щенок любил играть с мячиком, а домашние тапочки все изгрыз. Ел он тоже интересно: кашу проглатывал разом, после чего старательно вылизывал всю миску. А затем, зевая, падал на пол пузиком кверху, беззаботно развалив лапки.

Беда пришла неожиданно. В один день Шарик стал жалобно скулить и закатывать глаза. Понесли его с матерью к ветеринару, но не успели – по дороге щенок помер. Похоже, не доглядели, и он мышиною мору поел. Горю Андрея не было предела. Так он не плакал, даже когда велосипед украли. Похоронили Шарика в могилке в лесу. С тех пор Андрей собак не заводил: не хотел больше утрат. Кто терял, тот знает, что это такое.

На палубе ветер продувал насквозь, пошла дрожь, и тело покрылось пупырышками.

«Надо зайти внутрь», – решил он.

Домой Андрей вернулся ночью. Мать уже спала. Прошуршал в темноте по стене, нащупав выключатель, зажёл свет на кухне. Перекусил и, устроившись у письменного стола, сначала писал от руки, а затем достал старую пишущую машинку. Вдохновение захватило, мысли теснились. Сквозь стрекотание клавиш слышалось тиканье часов. Примостившаяся на стуле кошка изредка приоткрывала глаза, но, вопреки своей привычке, на колени хозяину, чтобы погладили, не просилась, будто понимала: отвлекать его сейчас не стоит.

Статью Андрей закончил в пять утра.

«Вот и всё», – подумал он. Из зеркала на него смотрели красные от недосыпа глаза.

Статья завершалась словами: «Эта история не только о верности, но и напоминание хозяину собаки, что его ждут на причале города Тетюши, уже полгода. И по-человечески очень хочется верить, что у истории будет счастливый конец!»

– **В**от, два материала, – протянул утром шефу Андрей записку о телятнике и статью об Альме.

– Что-то глаза у тебя красные, – подозрительно бросил главный редактор.

– Всю ночь писал, – последовал ответ.

– Ладно, иди, посмотрю, – поморщился Геннадий Иванович.

Рабочие будни завертелись в своём ритме. Звонки, согласование текста с корректором. Затем, без особого рвения и желания, Андрей дописывал дежурные информашки.

– Тебя шеф кличет, – около его стола уже строила глазки Люська.

Геннадий Иванович сиял как начищенный таз и довольным голосом произнёс: «Давно ты так не писал! Узнаю твоё перо семилетней давности! Живо, волнительно, в твоём коронном стиле! Запускаю в номер».

Затем продолжил, уже деловито:

– А сейчас всё бросай, есть срочное задание. В райкоме партии нам сделали замечание! – он поднял вверх палец, его лысина вспотела, а глаза приняли строгое и прискорбное выражение. – Что мы идём не в ногу с директивами партии и правительства, не освещаем движение наставничества! Я узнал, что на мясокомбинате уже есть такой почин. Всё согласовано. Дуй срочно. Что писать знаешь?

Вопрос на мгновение повис в воздухе.

Андрей, не без некоторого ёрничества, произнёс:

– Потапович, передовик производства, постоянно повышает производительность труда, регулярно читает газеты, улучшая уровень политической сознательности. Но в соседнем цехе есть несознательный работник, разгильдяй, нарушающий трудовую дисциплину. Это не даёт покоя руководителю мясокомбината и сознательному парторгу. Они решают побеседовать с передовиком производства, чтобы тот взял опеку над раздолбаем. Передовик сначала мнётся, не до конца осознавая значимость поручения, затем нехотя соглашается. Сначала вид разгильдяя его отталкивает. Но потом он разглядывает в шалопое зёрна положительных качеств, зародышей его перевоплощения. Они вместе ходят на лекции, культурно просвещаются и сознательно растут.

Губы главного редактора, растянутые в снисходительной улыбке в начале монолога, постепенно сомкнулись в укоризне и, посуровев, он цыкнул: «Ты мне тут не юродствуй». Затем, покрутив в руке карандаш, добавил озадаченно: «Но в принципе канва у тебя готова. Действуй!»

Полдня Андрей проторчал на комбинате. Ему устроили небольшую экскурсию, затем «притащили» передовика, мужчину лет шестидесяти. Черты лица крупные, голова большая, лоб высокий и широкий, настоящий лоб учёного. В действительности было иначе. Глуповат, говорил бессвязно, картавил, в довершение проглатывал гласные буквы. Кроме того, от него разило махоркой и прелым мясом.

Собственно речь передовика Андрея мало интересовала, в голове текст уже был готов, оставалось в обезличенную форму вставить название организации и фамилии действующих лиц. Словом, как любил говорить шеф, окончетить канву.

С комбината Андрей уходил, припевая, и нёс тяжёлый пакет со свежим мясом.

Вернулся домой поздно вечером. Поинтересовался у матери, принесли ли почту. Мать встретила в своём старом заношенном халате; она сначала почему-то испуганно заморгала глазами, а затем тихо ответила: «Нет».

– Опять почтальонша мышей не ловит, – буркнул Андрей.

– Письмо ждешь?

– Газету нашу, «Передовик». Там моя статья.

– Так они у тебя, почитай, в каждом номере.

– Тут особая.

– Давай кушать, худоба ты моя.

За худобу Андрея в школе дразнили задохликом. Чтобы пополнеть, он старался много кушать. Но, как дед говаривал, «не в коня корм». Так и не поправился.

Утром у входа в редакцию стояла пожилая женщина в цветном платке. Её губы робко кривились в улыбке, обнажая пожелтевшие неровные зубы. За руку она осторожно держала девочку в нарядном платьице.

– Вы Тимофеев? – неуверенно спросила женщина.

Андрей растерянно кивнул.

– В газете читали про собаку, – продолжила почему-то девочка, обдав его взглядом своих больших голубых глаз, и кротко улыбнулась. И светилась в этой улыбке такая наивность и незащищённость, что Андрей тоже просиял.

– Может быть, это наша собака, на пристани. Её Альмой зовут? – пролепетала малышка.

Андрей сначала растерялся, потом понял, что вышла статья, и, улыбнувшись, сказал:

– Её на причале так прозвали.

– Наша рыжая и ухо порвано, – с надеждой в голосе пропела девочка.

– Эта чёрная.

– Жалко, – вздохнула она.

– Всё равно, – пробормотала женщина и протянула пакет. – Мы мослов и обрезков набрали. Недавно корову забили.

«Она ведь на причале», – хотел сказать Андрей, но остановился, поняв, что теперь ему суждено быть связующим звеном с героиней своей статьи.

Не успел он сесть за стол, как раздался телефонный звонок.

– Мы из деревни Мосево. Если собаку бросили, мы готовы её взять.

– Пока ждём. Может, статью прочитает хозяин и заберёт. Но за звонок спасибо.

Однако это было только начало. Звонки стали следовать один за другим; мало того, люди сами приходили в редакцию. Одни расспрашивали, другие сочувствовали животному, третьи готовы были взять к себе, и почти все приносили с собой пищу для собаки.

К вечеру редакция была завалена пакетами, наполнившими помещение кислострыми запахами.

– Ну, Тимофеев, – грозно напыжился главный редактор. – Из редакции передовой газеты склад собачий сделал?!

Затем, выдержав театральную паузу, шеф рассмеялся:

– Давай, дуй на причал, вези эту снедь. Бери мой уазик.

И тут же, как по команде, раздался звонок с самого причала.

– Наделали вы делов, – сипел начальник причала. – Спрашивают, звонят, работать мешают.

Затем, рассмеявшись, закончил вопросом:

– Хозяин-то не объявился?

– Пока нет. Я к вам сейчас еду. Народ тут собрал пицци для полкана.

– У нас своё кафе есть. Отходов хватает. Ну раз так, везите. Не обижать же людей?

Только Андрей на причале разгрузил машину, как появилась известная всей округе своей сварливостью баба Дуня. Растрёпанные волосы, выпяченные глаза, руки упёрлись в бока, толстые губы застыли в напряжении.

– Чего тебе, баб Дунь? – настороженно спросил швартовщик.

– К собачке специально спускалась под гору. Может, к себе возьму, – выдохнула пожилая женщина.

– У неё хозяин есть. А раз в газете пропечатали, так глядишь и возвернётся, – уверенно заявил дядя Ваня.

– На хрен нужен такой хозяин, который бросил её?! – грозно воскликнула баба Дуня, поведя плечом. – Если пойдёт ко мне, то заберу, и всё тут! Правда, не дюже богатая, но проживём, где мне, там и ей еды хватит.

– Собаке всё равно: бедный ты или богатый, образованный или неграмотный. Отдай ей своё сердце, и она ответит тебе тем же. Лишь бы пошла к тебе, – вздохнул стоявший рядом дед Евсей, тоже пришедший на собаку посмотреть.

Альма дремала на подстилке, положив громадную голову на лапы и прикрыв глаза. Затем повернула голову, посмотрела на бабку и не пошла.

– Теперь она выбирает, – усмехнулся швартовщик.

– Вот оно как, – бабка от неожиданности открыла рот, но затем нашлась. – Глаза у собачатины человеческие. И такая в них боль и тоска, просто жуть! Видать, дюже хозяина ждёт.

Неожиданно баба Дуня подняла голову к небу и погрозила вверх пальцем.

– У! Антихрист! Пса бросил!

Затем развязала узелок, достала несколько картошин и кусочков хлеба и отдала Ивану со словами: «Собачку поддержим. Лишь бы хозяин приехал побыстрее».

Каждый день в редакции раздавались звонки, приходили люди, несли пищу для собаки. Андрей возвращался домой поздно. Теперь, как он говорил, ухмыляясь, у него появилась общественная нагрузка. Каждый вечер после работы он шёл с баулами на причал.

Через неделю главный редактор не выдержал. Полдня ходил озабоченный, словно собираясь с мыслями, а затем заявил:

– Тимофеев, всё вроде понятно, но редакция не собачатник.

В то же время говорил шеф неуверенно. Андрей застыл, ожидая продолжения, а Геннадий Иванович замолк, застыв в нерешительности.

Немую картину разрушил ввалившийся в редакцию пионерский отряд из семи человек.

– Мы представители дружины имени Лёни Голикова. Решили взять шефство над Альмой! – отрапортовал маленький веснушчатый мальчик в коротких штанишках.

– Хорошо, – стараясь не улыбаться, сказал Андрей. – И что я должен сделать?

Ребята опешили, и затем один из них, волнуясь, воскликнул:

– Поддержать почин!

Теперь Андрей растерянно заморгал глазами.

Нашёлся главный редактор.

– Вот первое задание: возьмите продукты для собаки и отнесите на причал. Там получите от дяди Вани новые указания.

Пионеры дружно кивнули.

– А в газете пропечатаете? – спросила полненькая девочка, кокетливо теребя пионерский галстук.

Взрослые сконфузились, но им на помощь пришёл веснушчатый мальчик. Он грозно зыркнул и ответил:

– Павленкова, не стыдно? Если ты пришла не по зову сердца, а с выгодой, то марш отсюда!

Девочка ойкнула и, покраснев, запричитала: «Я по зову сердца, честное слово».

Тимуровцы, как их прозвал Андрей, рьяно взялись за дело. Они притащили к редакции ржавую металлическую бочку, куда стали складывать пищу для собаки. У «пункта приёма» всегда стоял караульный. К вечеру на носилках относили бочку на причал. А когда Андрей появился снова на пристани, то увидел будку, сколоченную из досок, старательно выкрашенную и с плакатом, что Альма охраняется пионерской дружиной.

– И мне повеселее стало, – улыбаясь, говорил довольный дядя Ваня.

Через две недели главному редактору позвонили из областной газеты.

– Ну и шороху вы наделали своей статьёй. Есть мнение поднять этот вопрос до областного уровня. Ударить, так сказать, по равнодушию и поддержать инициативу масс. Ждите нашего корреспондента.

Визитёр не замедлил приехать. Встречали его всей редакцией.

– Вы Тимофеев? – не спросил, а скомандовал, только-только сойдя на причал, полненький мужчина с бегающими глазами, в костюме и коричневом галстуке с массивным узлом. – Встаньте рядом с собакой, я вас сфотографирую.

– Зачем? – насупился Андрей.

Шеф цокнул, и пришлось повиноваться.

– Кстати, наш главный велел мне взять несколько статей Тимофеева, – уже деловито говорил корреспондент шефу, оценивающе глядя на Андрея. – Посмотрим, как он пишет. Кадры надо двигать, и есть мнение брать из глубинки, со знанием жизни.

Статья в областной газете выскочила через день после отъезда областного визитёра, как из печки пирожок. Текст почти полностью был скопирован со статьи Андрея, лишь прибавился абзац патетики, с воззванием к нерадивому хозяину собаки.

Теперь уже стали приходиться письма. Их было много, даже очень много! Они были короткие и длинные, рассудительные и пылкие, грустные и

оптимистичные, пафосные и осуждающие. Но ни в одном не оправдывался хозяин собаки. И, как правило, завершались письма двумя вопросами: «Как сейчас чувствует себя Альма?» и «Приехал ли хозяин и забрал ли собаку?»

Но хозяин не приезжал.

Сравнительно скоро, через какой-нибудь месяц Андрея забрали в областную газету. Он быстро включился в работу на новом месте. Его статьи хвалили. Через год он был признан лучшим корреспондентом области.

Раздался гудок теплохода, и Андрей вздрогнул, вспомнив, что ему уплыть. От толчка шаткий стол качнулся, и чайный пакетик плавно упал на пол. Он, взглянув на грязный пол, поёжился и не стал поднимать. Лишь сплюнул в рядом стоящее ведро с мусором. Не попал. Растерянно бросил взгляд на буфетчицу: та дремала у своего прилавка, по-рыбьи открыв рот. Парень стряхнул со стола хлебные крошки и осторожно вышел, чтобы не разбудить девушку. Однако дверь предательски хлопнула за ним.

– Проснулась, – подумал Андрей. – Интересно, что стало с Альмой?

Дядя Ваня уже стоял на причале.

– У истории счастливый конец? – напомнил свой вопрос Андрей.

– Хозяин так и не приехал. И собака ни к кому не шла, многие пытались взять к себе, но бесполезно. Держала всех на расстоянии, мол, не ваша я, и всё тут. А сама и в дождь, и в снег не пропускала ни одного парохода. Всё ждала. А прошёл год, стала так скулить, что в дрожь бросало, а по ночам выла. Бывало, подойду к ней, поглажу, она успокоится и лишь языком руку лижет. Приняла она меня, но показывала, что всё равно я не хозяин. Поскулит и лежит, думает. Всегда можно понять, о чём собака думает. У неё есть четыре настроения: счастливое, грустное, сердитое и сосредоточенное. А в её глазах даже не грусть, а тоска беспросветная была. У собак один недостаток – они не умеют разговаривать. А может, и к счастью. Может, именно поэтому, люди считают их настоящими друзьями. Так вот поскулила она, поскулила и... тихо померла. Я даже почувствовал в тот день, как из неё жизнь уходит.

Глаза у швартовщика стали влажными, и устыдившись он опустил их.

– Вы думаете, собаки не попадают в рай? Уверяю, они будут там раньше любого из нас, – сказал подошедший мужчина в тельняшке. Затем, улыбнувшись, добавил: – Моя вон детей в песочнице стережёт. Как-то вижу, один малец выкарабкался и побежал на гусей смотреть. Так мой Шарик догнал, аккуратно взял за капюшон, отнёс обратно и снова лёг охранять.

Набежавшие тучи плыли низко над землёй и раздираемые ветром расплзались на клочки и шествовали хороводом дальше. И волны шли, но уже шеренгами, пенясь и оставляя позади узоры зыби, сверкающие на водном просторе.

В затылке у Андрея заломило. Стало душно, в голове была пустота. Он вытянулся и, покусывая губу, стал рассматривать свои туфли.

«Надо купить новые, эти совсем износились», – пришла попутная мысль.

Вдруг на бетоне появилась точка, затем другая, капля упала на руку.

– Вот и дождь.

Небо стремительно потемнело. Но до начала настоящего ливня все пассажиры успели сесть в теплоход.

Когда теплоход отплыл, мужчина в тельняшке спросил швартовщика:

– Это что за пижон был?

– Андрей, Василия Тимофеева сын. Не прижился он там, в области, по глазам вижу. Собака не может жить без хозяина, а человек без корней. Вот и получается, как собака, так и человек, верностью живут, а без этого душа гибнет. Скоро вернётся, попомни мои слова.

Как выстрелы, раздались залпы грома, дождь пошёл стеной.

Оба заспешили под навес билетной кассы.

ПОЭЗИЯ

Татьяна ЧЕРНОВА

Татьяна Михайловна Чернова – поэт, прозаик. Копенная москвичка. Окончила технический вуз, работала инженером. Стихи писала «в стол» до 2013 года, в котором сделала первую публикацию на сайте «Стихи.ру» под псевдонимом Татулита. Была номинирована на премию «Поэт года – 2014» и «Поэт года – 2015», а также на премию «Наследие». Автор сборников стихов «Акварельные сны» и «Во сне и наяву». Член МГО СП России, член Российского союза писателей. Есть дипломы и грамоты за участие в конкурсах МГО СП России. Победитель в номинации «Лучшие поэты и писатели 2014 г.» с вручением статуэтки «Золотое перо», победитель конкурса «Литературное достояние России 2015 г.» с вручением медали Международной премии «Литературный Олимп».

Живёт в Москве.

«Небосвод открылся мне...»

Бессонница

Звёзды тают, словно масло,
растворились облака,
солнце дремлет... Как прекрасно
это время, где пока
свет – не свет и ночь – не темень:
всё ещё в природе спит.
Наступает утра время –
робкий луч зари горит.

Всё застыло в ожиданье
будто это – в первый раз,
словно губ твоих касанье,
словно свет любимых глаз...

Что же будет: снег иль ветер?
Или солнечный денёк?
Как тебя хочу я встретить!..
Только вряд ли: ты далёк.
Так далёк, что даже в мыслях
невозможно всё вернуть:
звёзд, блестящих, коромыслом
в небе мне не зачерпнуть!

И ничто не повлияет
на изменчивость судьбы:
иль удача повстречает,
или ждать большой беды?!

На снегу – румянец солнца,
тени ярче на снегу,
а душа пуста до донца –
прежней стать я не смогу.
Что случилось – всё за дело,
не напрасно – поделом.
И сметает вьюга смело
мысли белым помелом...

Вы не смотрите в зеркала...

Вы не смотрите в зеркала:
Не отразить им вашу душу.
Вы слышите там звон стекла?
Играют сердцем, как игрушкой

Все те, кто заглянул туда
И навсегда решил остаться,
И долго смотрят в никуда,
С живым чтоб взглядом повстречаться...

Вы не смотрите в зеркала:
Они не скажут правды горькой,
Она там скрыться не смогла...
Вам правда – в горле жёсткой коркой.

Лиц выражение изменить
Стекло сумеет хрупкой властью,
Потом Вы будете винить
Все зеркала в своих несчастьях!

Вы не смотрите в зеркала:
Вдруг, встретитесь со мною взглядом
И вспомните, как я ждала,
Чтоб Вы пришли и были рядом?!

И вот изменится оно,
Пространство – бездной обернётся,
И, в Вечность отворив окно,
Душа от сердца оторвётся...

Любуясь Вами из окна,
Сквозь слёзы силюсь улыбнуться...
Среди зеркал стою одна
И не смогу уже вернуться...

Лето

Скоро будет непогода.
Сено сложено в стога...
Как же, русская природа,
Для меня ты дорога!

Как метелью, Солнце – птицу
В небе тучей занесло,
И его лучи, как спицы,
Вертят жизни колесо.

Зной такой, что над землёю
Появились миражи.
На них глядя изумлённо,
Низко носятся стрижи.

Лес устал... Повисли ветки:
Хоть бы капельку росы!..
Но слышны уже, приветом,
Звуки громкие грозы.

Испугавшись, убежало
Солнце, скрылось в облаках...
Бури мощное начало
Залпом грянуло! В руках

Все цветы мои поникли:
Лепестки им намочив,
Струи дождика, как нитки
Мчатся, поле прострочив.

Как темно! Бушует ветер!
Вспышки молний в вышине...
Вдруг затихло всё и, светел,
Небосвод открылся мне.

И сквозь листья, нарушая
Тонким звоном тишь и тень,
Льётся ниточка стальная:
Тянет дождик канитель...

Зелень, ярким изумрудом,
Засияла на листьях.
Я люблюсь этим чудом,
С блеском капель в волосах!

Босиком, да через поле,
Вдоль по берегу реки
Я бегу... Ах, воля, воля!..
Беззаботные деньки!

Купола роняют тени

Хохлома раскрасит ложки,
Обжигает глину Гжель,
В три ряда поёт гармошка...
Скажешь: «Мало!» Неужель?!

Гусь-Хрустальный: блеск бокалов.
Куполов священный звон...
На Руси чудес немало!
Много больше похорон...

Не храним мы, что имеем,
И слезою души рвём,
И бессовестно жалеем
То, что сами мы убьём!

Всё, как прежде: те же пьянки,
Те же песни все орут.
Только больше нет тальянки,
И стихи давно не чтут!

И беседы между делом
Протекают ни о чём...
Как всё это надоело:
Быть при жизни ни при чём.

А потом – к святым поближе,
С покаяниями – в Храм...
А огонь уж пятки лижет.
Ты – не праведник, а Хам!

Разудалая натура:
Там, где плакать, мы – плясать!
Смерть?! Не страшно! Пуля – дура!..
...Время камни собирать...

Оглянись, очнись, подумай!
Рвать тальянку не спеши.
Поклонись крестам понуро
И постой чуть-чуть в тиши.

А в столице – посмотрите!
И крестов-то не видать:
Выше Храмов – башни «Сити»...
Не сойдёт к нам благодать!

Мать-Россия! Сколько песен
Грустных спели мы с тобой!
Но по-прежнему нам тесен
Мир огромный под Луной.

Я – такая же простая,
Как и ты: вся на виду...
Ты мне душу, Русь, ласкаешь
И отводишь прочь беду.

Я любить не перестану
Залихватский твой задор!
На колени тихо встану,
Помолюсь, придя в Собор.

Купола роняют тени,
Что-то шепчет клён листвою...
То не клён стоит – Есенин
С золотою головой!

И, как раньше, над Россией
Пусть по-русски: так тихи,
Но божественно красивые,
Вновь звучат его стихи!

Уходит осень

На паутинках кружатся листочки,
На тёплых соснах треснула кора,
И плёт нам осень первые звоночки:
Наступит скоро и её пора.

В лесу нет звуков – только шёпот ветра,
И воздух тёплым маревом томит,
И шишки на ветвях седого кедра –
Всё о потерях наших говорит.

Прозрачно небо ярко-голубое,
Красиво так, что щемит на душе...
Скажи, зачем растались мы с тобою
Таким же днём, что не вернуть уже?!

Листва сияет – роскошь увяданья...
Смешались запахи, витает аромат,
Что испускает осень на прощанье,
Предчувствуя последний свой закат.

А утром на траве рассыпан иней,
И днём она пожухнет и умрёт,
И лес наряд примерил белый, зимний,
Он, как душа и оттепель не ждёт...

Букет

Среди зеркал, ковров и света,
как эхо в утреннем лесу,
звенит звонок, но нет ответа,
и струны сердца донесут

его Вам в трубке телефонной,
и Вы услышите: «Алло!»
И в номере, таком знакомом,
зажжётся тёмное окно...

Вам тихо скажут: «Её нет.
Сюда звоните Вы напрасно,
и, Вами присланный, букет
давно завял...» Но как прекрасна

была она в тот миг, посыльный
когда ей передал букет,
и лилий запах терпкий, сильный
оставил в номере свой след:

тот след любви, но эфемерной,
живущей где-то в небесах
и, подтверждением примера,
печаль туманилась в глазах...

Она уехала внезапно,
букет оставив на столе.
Как на закате солнца запад,
мерцал огонь углей в золе...

Они мигали, увлекая
за ней вослед, как за мечтой
и, тенью памяти стекая,
Луны свет лился золотой...

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 года в селе Кезьмине Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Гумилёва, медалями Ивана Бунина, «А.П. Чехов 1860-1904» и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы: «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы-вехи» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2013, 2014).

Живёт в Москве.

«Я – офицер, поэт, волжанин...»

От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.

Сергей Есенин

Я глубоко убеждён, что поэзия настоящая,
большая создаётся не для узкого круга
стихотворцев и «искушённых», а для народа...

Александр Твардовский

Кто я?

Кто я таков, возник откуда?
Я весь от Кезьминских полей,
От бороны, сохи и плуга –
От малой родины моей,

От тихой речки-серебрянки,
От светлой струйки родника,
От русских – матери-крестьянки
И селянина-мужика,

От синевы родного неба
В сиянье солнечных лучей,
От запаха ржаного хлеба
Из русских каменных печей.

Я – православный христианин,
Крещён и принимал елей.
Я – офицер, поэт, волжанин,
Защитник Родины своей!

Я – поэт

Я однажды в себе
Обнаружил поэта,
И доверил судьбе
Откровение это.

И с тех пор я в заботе,
И мне отдыха нет,
Я всё время в работе,
Потому что поэт.

Я – поэт сызмальства

Я с малых лет поэт, поэт сызмальства,
С прекрасной давней юности далёкой.
Моя поэзия, без всякого бахвальства,
Заряжена энергией высокой.

Чтоб прелести земли, небес высоты:
Поля, луга и лес мой – Подувал,
Гор Кезьминских и Сурские красоты¹
Я с вдохновеньем и любовью воспевал!

Поэт я и с курсантской службы,
С нелёгкой доли офицерской.
Стихи мои – посредник дружбы,
И городской, и деревенской:

Чтоб общий дух страны любимой
Был сильным, крепким и высоким,
Чтоб Русь была неколебимой
И с чистым небом синеоким!

Моя поэзия

Моя поэзия проста,
И моему созвучна веку.
Как Кезьминский родник, чиста
И верно служит человеку.

¹ Мои родные места

В ней фальши и обмана нет –
Доброжелательна, скромна,
В ней есть любовь, тепло и свет,
Которыми она полна.

И если ты, читатель, к ней
Вдруг ненароком прикоснёшься,
То станет на душе светлей
И вдохновенья наберёшься.

Стихи и я

Мои стихи – моя стихия,
Я с ними в дружеских объятьях.
Хорошие, а не плохие, –
Все для меня они, как братья.

Стихи мои всегда со мною,
Куда б ни увела дорога,
Они во мне звенят струною,
Ждут разрешения от Бога,

Чтоб словом прозвучать иль песней,
Иль афоризмом в одночасье,
Тогда душа, как в поднебесье,
Летит и светится от счастья,

Тогда весь мир, душе в угоду,
Сияет ярче и светлее.
Дух единенья и свободы
Горит во мне ещё сильнее.

Поэтическое слово

Мне не надо громкой славы,
И не надо восхваленья.
Было б слово величавым
Моего стихотворенья.

Если сердце сильно бьётся
От лирического слова
Значит, слово остаётся
Для твоей души основой.

***

Хоть жизнь не вечна и сурова,
Но вечно в мире слово.

Хорошее, простое слово –
И памятно, и ново.

Оно – врачует, согревает,
На подвиг вдохновляет.

С ним хочется дружить,
Работать и любить.

Хорошее, простое слово –
Оно бессмертия основа.

Мне надо

Сияние неба,
Широкое поле,
Краюху бы хлеба
Да полную волю,

Ещё – чтобы рядом
Была бы работа –
Блестело бы градом
Лицо бы от пота,

Да чтоб ещё слово
Стихом бы звучало,
Чтоб песни мне новой
Найти бы начало.

Я – лучик России

Я – лучик нашей матушки России
И призван освещать её поля:
Чтобы земля была ещё красивее,
А даль небесная над ней светла,

Чтоб родина – Поволжье и Посурье,
И Кезьминская отчая земля –
Сияла радостно под голубой лазурью,
Чтоб вместе с нею радовался я,

Чтоб земляки счастливыми все были
И в радостном труде всегда бодры,
Чтоб мир и дружба вечно бы царили
На берегах и Волги, и Суры!

Поэзия

Поэзия – она вне нас,
Она витает где-то,
Пока крылатый конь Пегас
Ей не подаст карету.

Тогда она, как светлячок,
Заблещет дивным светом
И тихо сядет на плечо
Избранника – поэта,

И тихим, вещим голоском,
Без шума и веселья,
Разбудит вдохновенье в нём,
Дремавшее доселе.

Подскажет рифмы и размер,
И жанр, и ритм, и темы –
И поэтический пример
Услышан будет всеми!

***

Поэтический зуд – это труд
Над ещё ненаписанным словом,
Большинство из которых умрут,
Не сумевшие сбросить оковы.

Суждено лишь немногим взлететь
В золотые небесные своды
И оттуда сердца людям греть
Светом мудрости, веры, свободы.

***

Ты думаешь, писать стихи легко?
О нет, мой друг, ты ошибаешься:
Они – незримые, летают высоко,
До них, порою, не дотянешься.

Стихи, как женщины, их надо
Любить, лелеять и ласкать,
И не просить за то награду,
Как мать свою – оберегать.

Тогда, обласканный судьбою,
Ты сможешь что-то написать,
И ощутить тогда душою
Их неземную благодать.

***

Мне говорят, чтоб бросил я писать
И сил своих не тратил понапрасну,
Но как же я смогу тогда дышать,
Покинув мир Поэзии прекрасный?

Как я сумею без неё прожить?
Ведь мне другого ничего не надо:
Она одна, чем стоит дорожить,
Она моя и совесть, и отрада.

В ней – жизни суть и радость бытия,
И сгусток нашей мудрости народной.
Связующая нить она моя
С моей великой Родиной свободной.

***

Утомилось горячее сердце,
Но не дам я ему отдохнуть:
Распахну для Поэзии дверцу,
Чтоб дышала свободнее грудь.

Устремлюсь в синеокое небо,
Встану в плотный там клин журавлей,
Вспомню всё, что и было и не было,
В поэтической жизни моей...

***

Я знаю, время вечно,
А мы в нём – только миг.
Всё в мире быстротечно
И путь наш невелик.

Я знаю, что вступаю
С природой в дерзкий спор,
В котором отвергаю
Смертельный приговор.

Я знаю, дух поэта
Ничем не сокрушить.
Поэт – источник света,
Он вечно будет жить!

***

*Светлой памяти Г.В. Черноголоввиной,
русского поэта, прозаика, публициста*

Вы назвали меня коллегой,
Я был тронут этим до слёз:
Моё сердце наполнилось негой,
А душа воссияла от грёз.

В поэтическом этом слове
Солидарное что-то есть:
Я почувствовал, безусловно,
Вашу нежность, признание и честь.

Я считал Вас своим Кумиром,
Я учился у Вас писать,
Я лечил душу Вашей лирой –
Мне хотелось коллегой стать!

Душа поэта

Мятежная моя душа!
Покоя в ней искать напрасно!
Жизнь для неё – то хороша,
То безразлична, то ужасна.

Она – гнездо непостоянства
И говорливая река.
В ней – то лукавство, то упрямство,
То выкрутасы чудака.

Она, ведомая судьбою,
Противоречием полна:
То холодна, как лёд зимою,
То лучезарна, как весна.

С ней может всякое случиться,
Ей тесен этот белый свет:
Отдохновение – лишь снится,
И лишь покоя сердцу нет...

***

Не прятался за спинами других,
Не заслонял людей своей спиной.
Во всех делах и помыслах своих
Я был самым собою...

Моя профессия и творческий порыв
Мне путеводной нитью в жизни были.
Они душевный голод и надрыв
Всегда и вовремя гасили.

И если в детстве лебезить я мог
И гладить старшим голенища,
То в юности – отверг и превозмог
Соблазн подхалимажной пищи.

Моя душа всегда была тревожной,
Но перед совестью и правдой не в долгу,
И, безусловно, вывод сделать можно:
Жизнь меня не скрючила в дугу.

***

Я не люблю высокопарные слова
И отношусь заведомо к ним строже,
Но, как ни дорога душе Москва,
Родное Кезьмино – дороже.

Великолепны чудо-города –
Нью-Йорки, Лондоны, Парижи,
Они влекут к себе меня всегда,
Но Кезьмино село мне ближе.

Есть всюду реки, горы и моря,
От красоты которых млеешь,
Но Кезьминская отчая земля
Намного краше и милее.

***

Я далеко не всё ещё сказал,
Не совершил последний выдох,
И мой ещё не умер идеал
И от забвения не высох.
Ещё стихами я с друзьями говорю
И критикой за это не обижен,
Ещё живу, мечтаю и творю,
Бываю редко неподвижен.

Ещё поэзия меня к себе влечёт:
И в утренний, и в полуночный час
Ещё садится на моё плечо
Крылатый конь мифический – Пегас.

Ещё мой мир просторен и широк,
И он меня не отвергает,
Наоборот, как бабочку цветок,
К себе манит и привлекает!

***

Ещё я юностью дышу
И полон детства,
И всё, о чём пишу –
От них наследство.

Ещё богаты закрома
Поэзии и жизни:
В них – вера, молодость сама
И дух Отчизны.

Ещё мой разум не потух,
Я весь в надежде,
А мысли, зрение и слух –
Со мной, как прежде.

Ещё живу я без оков,
С мечтою дерзновенной
И вместе с ней идти готов
На край Вселенной.

Ещё в заботах и труде
Мозолистые руки,
Ещё не сыгран на трубе
Печальный марш разлуки.

***

Пока ещё не постарел,
И женщины ещё мне снятся,
От их разящих метких стрел
Ещё не время уклоняться.

Ещё я полон светлых дум
И не могу с мечтой расстаться.
Мой беспокойный, трезвый ум
Во мрак не хочет погружаться.

Ещё костёр любви горит
И искры радужно кружатся,
А разум сердцу говорит:
Живи и продолжай влюбляться!

***

Конечно, все когда-то мы умрём,
Умру и я, и многое другое тоже...
Но навсегда останусь я поэтом – звонарём –
На Кезьминской земле моей пригожей.

Я верю в доброту и мудрость кезьямечей,
И в силу русского простого слова.
Из многих тысяч поэтических речей
Моя поэзия для кезьямечей – основа.

Я верю, кезьямечи, при случае, всегда
К моим стихам любезно обратятся,
А с ними – буду я на долгие года
Поэтом кезьминским считаться.

***

Как хочется вернуться в юность!
А лучше в детство, чтоб опять
Не замечать ни чушь, ни глупость,
И ложь за правду принимать.

Увы, наивная беспечность
Лишь в детстве пребывает в нас.
Обман, корысть и бессердечность
Коснутся вскоре наших глаз...

И в них уже не загорится
Наивный, чистый детский свет.
Им может только вдохновиться
В своих творениях поэт.

Я ухожу

Я ухожу. Пора, друзья, расстаться.
Мой путь теперь лежит в небытие...
Желаю вам счастливо оставаться
И выполнить призвание своё.

Прощайте же. Не поминайте лихом.
Я всех вас искренне любил.
Я прожил жизнь не бурно и не тихо,
В одном лишь был неколебим:

Я знал и помнил истину простую,
С которой я жизнь свою прожил:
То был мой труд, корону золотую
При помощи его я заслужил.

Корона эта – «Кезьминское поле» –
Мой жизненный итог и символ мой.
Другой такой уже не будет более,
Дарю тебе её, читатель дорогой.

Я ухожу. Пришла пора прощаться.
Не надо шибко обо мне тужить.
Я знаю, будем мы ещё встречаться –
Тому мои стихи помогут быть...

Памятник

Я памятник себе оставлю рукотворный,
Его из глины слов лепил я много лет.
Конечно, он не вечный, не бесспорный,
И Пушкинского гения в нём нет.

Но я хочу с поэзией крылатой
Как можно дольше на земле пожить,
И чтоб крестьяне с кезьминской Лопаты¹,
Могли цветы к моей могиле положить,

И чтоб на мрамор небольшого обелиска
В мой день рожденья солнце бы лилось,
А у людей в руках моя была бы книжка
«С Отчизной сердце здесь моё слилось».

***

Нельзя без правил и эмоций
При написании стихов,
Иначе, как моряк без лоций,
Поэт утонет в море слов.

***

Держала много лет ладонь
Огниво и кремь,
Чтоб высечь трепетный огонь
В один прекрасный день.

Мой поэтический костёр,
Как видите, горит.
Он не погаснет до тех пор
Покуда Русь стоит!

¹ Луг близ села Кезьмина.

*Село Кезьмино Сурского района Ульяновской области.
Здание бывшего барского дома (охраняется государством), в настоящее время
в нём находится общеобразовательная средняя школа.
Вверху фасад, внизу южная сторона здания.
В 1935-1945 гг. здесь учился А.В. Уваров*

